

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
АЭРОКОСМИЧЕСКОГО ПРИБОРОСТРОЕНИЯ

ФИЛОСОФИЯ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

PHILOSOPHY AND HUMANITIES IN INFORMATION SOCIETY

Выпуск № 4(10)
октябрь – декабрь
2015

Санкт-Петербург / Saint Petersburg

Содержание

О журнале	4
To Our Readers and Authors.	5
От редакции.	6
Состав редакционного совета журнала	8
Состав редакционной коллегии журнала	10

Теория и история культуры

«Театр тайги и тундры» – встреча двух миров	
<i>Т. М. Смирнова</i>	12
Язык и музыка: параллели и взаимодействия	
<i>Н. А. Бергер</i>	26
Измерения как способ понимания языка музыки. Особенности экспериментального исследования	
<i>Ю. В. Бакшеева, К. В. Сапожникова, Р. Е. Тайманов</i>	39
Взаимосвязи: пространственные и временные репрезентации в образе и звуке (на английском языке)	
<i>А. Кошкин</i>	54
Современные технологии в обучении немецкой грамматике: алгоритмический подход	
<i>В. А. Ямишанова</i>	62
Фразеологические единицы в романе Т. Драйзера «Американская трагедия»	
<i>А. О. Смирнова</i>	76

Из истории отечественной науки

О жизненном и научном пути В. С. Дерябина (к 140-летию со дня рождения)	
<i>О. Н. Забродин</i>	84

Указатель содержания журнала за 2015 год

Указатель содержания журнала «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе» за 2015 год	115
---	-----

Требования к оформлению статей

Требования к оформлению статей.	118
---	-----

Content

About the Journal	4
To Our Readers and Authors (<i>In English</i>)	5
Editorial	6
Editorial Council of the Journal	8
Editorial Board of the Journal.	10

Theory and History of Culture

‘The Taiga and Tundra Theatre’ – Two Worlds Meeting <i>T. M. Smirnova</i>	12
Language and Music: Parallels and Interactions <i>N. A. Berger</i>	26
Measurements as a Way of Interpreting the Language of Music. The Features of Experimental Study <i>Y. V. Baksheeva, K. V. Sapozhnikova, R. E. Taymanov.</i>	39
Interconnections: Spatial and Temporal Representation within Image and Sound (<i>in English</i>) <i>A. Koshkin</i>	54
Modern Technologies in Teaching the German Grammar: Algorithmic Approach <i>V. A. Yamshanova</i>	62
Phraseological Units in Theodore Dreiser’s Novel “An American Tragedy” <i>A. O. Smirnova.</i>	76

From the History of the Science of Our Country

V. S. Deryabin’s Life and Research (to Mark the 140th Anniversary of His Birth) <i>O. N. Zabrodin</i>	84
---	----

Content 2015

Content 2015	115
------------------------	-----

Article Presentation Rules

Article Presentation Rules.	118
-------------------------------------	-----

О журнале

Уважаемые читатели и авторы журнала!

С июля 2013 года Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения выпускает сетевое издание – журнал «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе», доступный на сайте www.fikio.ru. Журнал включен в базу данных РИНЦ, зарегистрирован в Роскомнадзоре (свидетельство о регистрации средства массовой информации ЭЛ №ФС77-54191), ему присвоен ISSN 2309-6888.

Формирование в последние десятилетия постиндустриального, или информационного, общества привело к глубоким и сложным сдвигам во всех областях и сферах человеческой жизни. В нашем издании предлагается широкий подход к их исследованию. Во-первых, наш подход включает в себя разработку концепции информационного общества как такового в единстве с изучением общефилософских проблем его развития и конкретно-научных исследований, которые дают эмпирический материал для последующих философских обобщений. Во-вторых, мы публикуем работы по историческим аспектам (например, история науки и культуры), содержащие в себе взгляд на те или иные события прошлого с точки зрения современности, то есть науки информационной эпохи.

Охват в одном журнале проблем философии, теории культуры, истории, социологии, психологии и педагогики, политологии может показаться чрезмерно широким. Мы, однако, надеемся, что именно материалы этого обширного массива знаний дают возможность составить достаточно полную, репрезентативную картину развития информационного общества, лучше понять тот мир, в котором живет современный человек.

Мы приглашаем к сотрудничеству всех исследователей, как российских, так и зарубежных, для которых представляет интерес тематика нашего журнала. Будем внимательно изучать предложения, уточнять перспективные направления работы, участвовать в дискуссиях.

В журнале рассматриваются преимущественно проблемы, составляющие содержание следующих групп специальностей научных работников:

09.00.00 – философские науки;

24.00.00 – культурология;

19.00.00 – психологические науки.

Редакционная коллегия

To Our Readers and Authors

Dear colleagues!

We present the following issue of our Internet journal “Philosophy and Humanities in Information Society”.

The problems of contemporary society are widely discussed at any time. Our journal contains a broad approach in studying them. Firstly, our approach includes the investigations of an information society itself – the philosophical and humanitarian studies. Secondly, we publish historical articles, for example, the history of science and culture, which contain an analysis of the past from the point of view of the present situation, i. e. from the point of view of a person who lives in the information society.

Embracing different problems of philosophy, theory of culture, philology, history, sociology, political science, psychology, pedagogy in a single journal is supposed to be extremely vast. But we hope that such a broad intellectual area gives an opportunity to reconstruct a representative picture of the information society.

We consider that such a wide inter-discipline approach gives man of an information age an opportunity to understand better our contemporary society.

We are glad to collaborate with researchers who are interested in our journal and its topics.

Our journal is published four times a year.

Chief Editor: prof. Sergei V. Orlov. E-mail: orlov5508@ramler.ru

Editorial board

От редакции

Четвертый выпуск журнала за 2015 год посвящен в основном исследованиям культуры информационного общества.

Раздел «Теория и история культуры» открывается статьей профессора Т. М. Смирновой «“Театр тайги и тундры” – встреча двух миров». На примере работы Института народов Севера в Ленинграде в 20–30-х годах прошлого века автор прослеживает, как искусство помогало вхождению представителей малых народов Севера в современную цивилизацию. Этот опыт ценен потому, что явно может быть востребован в современном мире, вновь столкнувшимся со сложными и не всегда успешными процессами адаптации мигрантов к жизни в странах с европейскими культурными традициями.

Продолжается публикация статей, подготовленных на основе докладов на Международном научном семинаре «Язык, музыка и компьютерные технологии», проходившем 20–22 апреля 2015 г. в Санкт-Петербургском государственном университете аэрокосмического приборостроения. Н. А. Бергер в работе «Язык и музыка: параллели и взаимодействия» описывает связь между использованием языка и пением, слухом, зрением и осязанием, которая опирается на врожденные способности, а затем усложняется в процессе обучения. Ю. В. Бакшеева, К. С. Сапожникова и Р. Е. Тайманов («Измерения как способ понимания языка музыки. Особенности экспериментального исследования») проводят масштабные изыскания по созданию измерительной модели, фиксирующей взаимосвязь между воздействием музыки и эмоциями, которые испытывают слушатели. Задача выявления механизмов взаимосвязи материальных нейрофизиологических реакций мозга с его духовной, психической деятельностью – эмоциями – оказывается, если посмотреть шире, одной из граней глубокой философской задачи – понять механизмы взаимодействия психического и физиологического, материального и духовного, материи и сознания. Первые исследования в этом направлении начал еще великий русский физиолог И. П. Павлов. Исследователь из США А. Кошкин в статье «Взаимосвязи: пространственные и временные репрезентации в образе и звуке» обращает внимание на выражение пространственно-временных структур и различных форм культуры через музыку.

Более конкретные проблемы функционирования языка рассмотрены В. А. Ямшановой («Современные технологии в обучении немецкой грамматике: алгоритмический подход») и А. О. Смирновой («Фразеологические единицы в романе Т. Драйзера “Американская трагедия”»). Профессор В. А. Ямшанова описывает накопленный в Санкт-Петербургском государственном экономическом университете опыт успешного обучения профессионально ориентированному иностранному языку в условиях предельно сокращенного учебного времени. Основными элементами этой методики являются алгоритмический подход и компьютерные технологии. Эти практические разработки, с одной стороны, наводят на мысли об огромных возможностях совершенствования образования с помощью новейших

информационных технологий, которые успешно осваиваются в российской высшей школе; с другой стороны, они заставляют вновь ставить вопрос об обоснованности тех сокращений учебных курсов, которые не позволяют изучать те или иные дисциплины в достаточном объеме и делают результаты современной реформы образования крайне неоднозначными. А. О. Смирнова излагает свое исследование способов передачи смысла устойчивых выражений при переводе с языка на язык.

Раздел «Из истории отечественной науки» представлен статьей доктора медицинских наук О. Н. Забродина «О жизненном и научном пути В. С. Дерябина (к 140-летию со дня рождения)». Деятельность психиатра и физиолога В. С. Дерябина, ученика академика И. П. Павлова, уже анализировалась в предыдущих номерах нашего журнала. Особенности данной статьи является, во-первых, ценное с исторической точки зрения описание условий жизни и работы русского ученого в первой половине XX века. Во-вторых, до сих пор актуальна концепция аффективного компонента человеческого поведения, которую В. С. Дерябин выстраивал на основе физиологических и психологических исследований, идя против господствовавших в его время примитивных и вульгаризированных представлений о роли аффектов в поведении отдельного человека и в развитии общества.

Главный редактор

Состав редакционного совета журнала «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе»

Председатель редакционного совета:

Бояр Виктор Матвеевич – проректор по учебно-воспитательной работе, декан юридического факультета ГУАП, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ.

Члены редакционного совета:

Лосев Константин Викторович – проректор по международной деятельности, декан гуманитарного факультета ГУАП, доктор экономических наук, доцент.

Лазаревич Анатолий Аркадьевич – директор института философии Национальной академии наук Беларуси, кандидат философских наук, доцент (по согласованию).

Лаура Пана (Laura Pana) – ассоциированный профессор Бухарестского политехнического университета, кафедра автоматизации и промышленной информатики, Румыния (по согласованию).

Меган Диксон (Megan Dixon) – преподаватель Колледжа Идахо (США), Ph. D по русской литературе, Ph. D по гуманитарной географии (по согласованию).

Марахов Владимир Григорьевич – профессор кафедры социальной философии и философии истории Института философии Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ (по согласованию).

Кудашов Вячеслав Иванович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Гуманитарного института Сибирского федерального университета, Красноярск (по согласованию).

Диев Владимир Серафимович – декан философского факультета Новосибирского государственного университета, доктор философских наук, профессор, вице-президент Российского философского общества (по согласованию).

Орлов Владимир Вячеславович – заведующий кафедрой философии факультета философии и социологии Пермского государственного национального исследовательского университета, доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ (по согласованию).

Субетто Александр Иванович – доктор философских наук, доктор экономических наук, кандидат технических наук, Заслуженный деятель науки РФ, проректор по качеству Смольного института Российской академии образования, Санкт-Петербург (по согласованию).

Комашинский Владимир Ильич – доктор технических наук, профессор, профессор кафедры обработки и передачи дискретных сообщений Санкт-Петербургского государственного университета телекоммуникаций им. М. А. Бонч-Бруевича (по согласованию).

Арефьев Михаил Анатольевич – заведующий кафедрой философии и культурологи Санкт-Петербургского государственного аграрного университета, доктор философских наук, профессор (по согласованию).

Выжлецов Геннадий Павлович – профессор кафедры социальной философии и философии истории Института философии Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук, профессор (по согласованию).

Комаров Виктор Дмитриевич – профессор кафедры гуманитарных дисциплин Военной академии материально-технического обеспечения им. Генерала армии А. В. Хрулёва, доктор философских наук, профессор, действительный член Академии гуманитарных наук (по согласованию).

Орлов Сергей Владимирович – профессор кафедры истории и философии гуманитарного факультета ГУАП, доктор философских наук, профессор, главный редактор журнала.

Состав редакционной коллегии журнала «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе»

Главный редактор:

Орлов Сергей Владимирович – доктор философских наук, профессор кафедры истории и философии ГУАП.

Члены редакционной коллегии по разделу философии:

Орлов Сергей Владимирович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории и философии гуманитарного факультета ГУАП.

Игнатьев Михаил Борисович – директор Международного института кибернетики и артоники ГУАП, доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки и техники РФ, лауреат Государственной премии СССР, лауреат премии Президента России.

Оконская Наталья Камильевна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и права Пермского национального исследовательского политехнического университета (по согласованию).

Выжлецов Павел Геннадиевич – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории и философии гуманитарного факультета ГУАП.

Коробкова Светлана Николаевна – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории и философии гуманитарного факультета ГУАП.

Члены редакционной коллегии по разделу культурологи:

Смирнова Тамара Михайловна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории и философии гуманитарного факультета ГУАП.

Выжлецова Наталья Викторовна – кандидат культурологии, доцент, доцент кафедры рекламы и современных коммуникаций гуманитарного факультета ГУАП.

Гусарова Юлия Васильевна – преподаватель, координатор годовых программ, Принц Султан Юниверсити, Эр-Рияд, Королевство Саудовская Аравия.

Члены редакционной коллегии по разделу истории:

Гусман Леонид Юрьевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и философии гуманитарного факультета ГУАП.

Тропов Игорь Анатольевич – доктор исторических наук, профессор кафедры истории Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина.

Члены редакционной коллегии по разделу филологии:

Чиханова Марина Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков ГУАП.

Члены редакционной коллегии по разделу психологии и педагогики:

Казанская Валентина Георгиевна – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры рекламы и современных коммуникаций ГУАП.

Дмитренко Нина Андреевна – кандидат педагогических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков, директор Учебно-лингвистического центра Санкт-Петербургского национального исследовательского университета информационных технологий, механики и оптики (по согласованию).

Члены редакционной коллегии по разделу истории отечественной науки:

Забродин Олег Николаевич – доктор медицинских наук, старший научный сотрудник кафедры анестезиологии и реаниматологии Санкт-Петербургского государственного медицинского университета имени академика И. П. Павлова (по согласованию).

Ответственный секретарь редакции:

Коломийцев Сергей Юрьевич – кандидат философских наук, доцент кафедры истории и философии гуманитарного факультета ГУАП.

Распределение обязанностей в редакции

Орлов Сергей Владимирович – выпускающий редактор.

Коломийцев Сергей Юрьевич – технический редактор.

Дмитренко Нина Андреевна – переводчик.

Малкин Иосиф Гилевич – эксперт, руководитель информационно-аналитического отдела.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 930.85+94(47).084.6:470(23–25)

«Театр тайги и тундры» – встреча двух миров^{*}

Смирнова Тамара Михайловна – федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения», кафедра истории и философии, профессор, доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: mokva@inbox.ru

196135, Россия, Санкт-Петербург, ул. Гастелло, д. 15,
тел.: 8(812) 708-42-05.

Авторское резюме

Состояние вопроса: В 1920–1930-е годы Советское государство проводило целенаправленную политику по выравниванию уровней развития народов СССР. В Ленинграде был открыт первый в мире Институт народов Севера (ИНС) для подготовки специалистов из представителей коренных малочисленных народов Севера и Дальнего Востока. Приобщение студентов-северян к технологической цивилизации было для них преодолением культурного шока, смягчить который можно было посредством разнообразной художественной деятельности.

Результаты: Сочетание первобытно-реалистического взгляда на мир и методов профессионального искусства составили необычный художественный сплав. Творческая интерпретация фольклора давала возможность создать театрализованное художественное зрелище, познакомить зрителей разных национальностей с самобытной культурой северян и ввести ее в общий культурный код. Были созданы национальные театральные мастерские-студии и поставлены первые спектакли на родных языках северян. Сценические выступления студентов-инсовцев получили название «Театра тайги и тундры».

Выводы: Институт народов Севера положил начало равноправного вхождения малочисленных коренных народов России в современную цивилизацию при сохранении родного языка и самобытной культуры, созданию и развитию профессиональной художественной деятельности северян. «Театр тайги и тундры» преобразовывал фольклорно-мистериальные представления в своеобразные сценические формы, интересные зрителям разных национальностей. Традиции этого театра развивают современные художественные коллективы.

^{*} © Т. М. Смирнова, 2015.

Ключевые слова: коренные малочисленные народы; Крайний Север; Дальний Восток; Ленинград; Институт народов Севера (ИНС); инсовцы; Театр тайги и тундры; Комитет народов Севера; Севфак; Л. Б. Жукова; А. Д. Авдеев; нанайская, хантыйская, эвенкийская театральные мастерские; «медвежий праздник»; нанайская борьба; Этнографический ансамбль песни и пляски народов Сибири и Дальнего Востока; ансамбль «Северное сияние».

‘The Taiga and Tundra Theatre’ – Two Worlds Meeting

Smirnova Tamara Mikhaylovna – Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Department of History and Philosophy, Doctor of Letters, Professor, Saint Petersburg, Russia.

E-mail: mokva@inbox.ru

15, Gastello st., Saint Petersburg, Russia, 196135,

tel: +7(812)708-42-05.

Abstract

Background: In the 1920–1930s the Soviet state pursued the policy of flattening out the levels of the development of people living in the USSR. In Leningrad the first world Institute of northern people for training professionals from the representatives of small native nations of the North and Far East was established. Familiarizing the students from the North with technological civilization allowed them to overcome some cultural shock. In order to smooth over the latter various cultural activities were relevant.

Results: The conjunction of primitive-realistic attitude towards the world and professional art methodology resulted in a peculiar artistic unity. The creative interpretation of folklore gave the opportunity to create some theatrical performance, to acquaint audiences of different nationalities with the original culture of northerners and introduce it into the common cultural code. There appeared national theatrical workshops-studios, and the first performances in native northern languages were put on. These students’ performances were called ‘The Taiga and Tundra Theatre’.

Conclusion: The Institute of northern people laid the foundation of equal joining modern civilization by small native nations in Russia, creation and development of professional artistic activities of northerners, with their native language and original culture being preserved. ‘The Taiga and Tundra Theatre’ transformed folklore and mystical notions into peculiar art forms which were interesting for audiences of different nationalities.

Keywords: Small native nations; the Far North; the Far East; Leningrad; the Institute of northern people; The Taiga and Tundra Theatre; northern people Committee; L. B. Zhukova; A. D. Avdeev; Nanaian, Khanty, Evenki theatrical workshops; ‘bear holiday’; The Nanaian fight; The Ethnographic Song and Dance company of the people of Siberia and the Far East; ‘the Northern Lights’ company.

Ленинград с 1920-х годов стал «кузницей кадров» и подлинной культурной столицей для коренных малочисленных народов Крайнего Севера и Дальнего Востока.

Столкновение с цивилизацией для живших родовым строем малочисленных коренных народов Крайнего Севера и Дальнего Востока нужно было превратить в модернизацию традиционного уклада, приобщить охотников и оленеводов к достижениям образования, обеспечить медицинское обслуживание, включить в общую жизнь страны. На государственном уровне были созданы специальные организации для осуществления такого «скачка», а всей работой по преобразованию этих регионов руководил созданный 20 июня 1924 г. Комитет содействия народностям северных окраин при Президиуме ВЦИК, более известный как Комитет Севера, под председательством заместителя председателя ВЦИК П. Г. Смидовича. Одной из важнейших задач освоения огромных территорий Крайнего Севера и Дальнего Востока была подготовка кадров из коренных северян. Член президиума Комитета Севера профессор В. Г. Богораз-Тан, бывший народоволец, занявшийся этнографией в царской ссылке, предложил создать специальное высшее учебное заведение для подготовки кадров из коренных северных народов.

В 1925 г. при рабфаке Ленинградского государственного университета было открыто северное отделение (Северный рабфак). К началу занятий в Ленинград приехали 25 северян, из них 19 представителей коренных малочисленных народов – ненцев, тунгусов, чукчей, вогулов, юкагиров, алеутов и др. [1, с. 7]. Руководителями северного отделения рабфака стали профессора В. Г. Богораз-Тан и Л. Я. Штернберг – патриарх российской этнографии, труды которого упоминал еще Ф. Энгельс. Рабфаковцев поселили в здании бывшего Лицея в Детском (Царском) Селе, и вечерами они собирались вокруг костра в парке. Несмотря на разный уровень подготовки, в том числе почти поголовное незнание русского языка, первый учебный год рабфака выявил перспективность такой формы обучения, и прием северян был увеличен.

Осенью 1926 г. северный рабфак ЛГУ был включен в состав нового вуза – Института живых восточных языков в качестве его Северного отделения (заведующий Таланов). Среди 58 учащихся отделения были представлены 11 народностей: 27 эвенков, 6 шорцев, 5 нанайцев, 4 лопаря (саами), 4 ханта, 3 нивха, 3 ненца, 3 кета, камчадал, манси и чукча. На следующий год на Северном отделении училось уже 74 человека, из них 14 были совершенно неграмотными, а остальные имели в основном начальное образование. В связи с этим пришлось организовать подготовительное отделение из 9 групп [2, с. 45].

В 1927 г. институт был переименован в Ленинградский Восточный институт им. А. С. Енукидзе, а Северное отделение 8 ноября того же года преобразовано в Северный факультет (Севфак), переведенный в Ленинград, в здание бывшей Духовной академии на территории Александро-Невской лавры – Обводный канал, д. 17. Северный факультет готовил специалистов средней квалификации в области советского строительства, хозяйственно-

кооперативной и педагогической работы для северных окраин Союза ССР (§ 1 Положения о Севфаке). Потребность в таких специалистах – советских работниках низового и среднего уровня, кооператорах, бухгалтерах, счетоводах, учителях, работниках «красных чумов» из местного населения – была чрезвычайно велика, и численность студентов Севфака росла из года в год: с 200 человек в 1927 году до 350 – в 1929 г. [2, с. 45].

Масштабные преобразования во всех сферах жизни на Крайнем Севере и Дальнем Востоке, организация национальных округов (с 1929 г.) вызвали необходимость не только расширить подготовку кадров, но и поднять ее на более высокий уровень – уровень высшего образования. Постановлением Ученого Комитета при ЦИК СССР Северный факультет при Ленинградском Восточном институте был реорганизован в самостоятельный Институт народов Севера (ИНС). Открытие этого единственного в мире вуза для коренных малочисленных народов 1 января 1930 года было отмечено митингом его студентов и преподавателей [3, с. 153].

Первым ректором ИНСа стал Карл Янович Лукс – видный латышский революционер, в 1920-х гг. работавший на Дальнем Востоке, заместитель председателя Дальневосточного бюро Комитета Севера и уполномоченный Главнауки Наркомпроса РСФСР. В том же 1930 г. он был отправлен на практическую работу на Север, и вскоре ректором был назначен Ян Петрович Алькор (Кошкин) – профессиональный революционер, комиссар Высшей кавалерийской школы в Петрограде, после окончания в 1926 г. этнографического отделения Ленинградского университета преподавал на Севфаке, был ответственным секретарем Ленинградского отделения Комитета Севера. Я. П. Алькор возглавлял ИНС до 1936 г.

В 1930 г. в институте обучались представители 40 различных народностей и этнических групп Севера и Дальнего Востока, всего 326 чел., из них 70 женщин. Затем число студентов выросло до 398 чел., хотя к середине 30-х гг. снизилось до 307 учащихся [4, с. 320; 5, с. 121]. Институт народов Севера в тайге и тундре называли «Чудесный чум», а его учащихся-инсовцев – «красными шаманами» [6, с. 129; 3, с. 153]. Действительно, ведь это были совсем особые люди, представители иной жизни: они, как шаманы, обладали невиданными и неслыханными прежде способностями, понимали чудесные знаки, «разговаривали» с книгой и газетой, умели читать и писать и учили этому других, а готовила их новая власть, символом которой был красный цвет.

На берега Невы приезжали юноши и девушки, которые ориентировались в бескрайней тундре, но в городе, где не видно горизонта и «мешают» дома, могли заблудиться. Известен случай с одним северянином, «потерявшимся» зимой в Ленинграде, и только спустя три дня, сильно простуженный, он был приведен милиционером в институт. Этим молодым людям было тесно и душно в помещении, и поначалу они разводили во дворе костер и ставили чум, чтобы можно было свободно дышать. Они оказались не просто в другом месте – в другом мире, учились не только говорить по-русски, читать и писать, но входили в иную жизнь, без познания которой не могли выйти за пределы своей родной, но *первобытной* цивилизации. И несмотря на все трудности, они

достигали желаемого – оставаясь собой, приобщались к культуре всего человечества.

В новых условиях ярко раскрывались разнообразные таланты жителей Севера.

В ИНСе работала художественная мастерская под руководством профессиональных художников. Инсовцы рисовали, лепили, занимались резьбой по кости. Сочетание первобытно-реалистического взгляда на природу и методов профессионального искусства дали необычный художественный сплав, получивший название «северный изобразительный стиль». Произведения студентов-северян выставлялись в Русском музее и покоряли зрителей, а в 1937 г. работа группы студентов ИНСа была отмечена Гран-при на Всемирной выставке в Париже [5, с. 121–122; 6, с. 130–131].

В Институте народов Севера было создано несколько коллективов художественной самодеятельности – хореографический (руководитель Т. Ф. Петрова), вокальный – хора и сольного пения (М. Г. Немирова), национальных игр (Г. Коган и Л. В. Певгова). Аккомпаниатором был молодой пианист А. Ф. Соколов. В состав коллективов входили разные национальные группы студентов, и каждая имела в репертуаре свою песню, свой танец, некоторые – свою национальную «физкультуру» [7, с. 137]. О внимании к развитию самобытного искусства северян свидетельствует образованная в 1934 г. при Научно-исследовательской Ассоциации ИНСа Комиссия искусства народов Севера (руководитель Л. А. Месс), курировавшая работу театральных и художественных мастерских и кабинета национальной физкультуры [8, с. 31; 9, с. 111].

Большой интерес к «природным» северянам проявляли сотрудники этнографического отдела Русского музея – ведь перед ними были живые носители традиционной культуры и подлинного фольклора. Северян привлекали к участию в этнографических вечерах музея, где они исполняли фрагменты обрядов, пели, танцевали, демонстрировали «шаманство». Из этих представлений студентов ИНСа выросли постановки Этнографического театра «Самоеды», «Удэ (Уссурийская тайга)» и «Два Севера» [10, с. 3; 11, с. 3; 12; 13].

Инсовцы широко демонстрировали свое национальное искусство и вне музейных стен. В 1929 г. в Выборгском Доме культуры прошел большой концерт северян, поразивший зрителей экзотическими играми, песнями и плясками [14, с. 10]. В январе 1930 г. студенты ИНСа были на экскурсии в совхозе «Суйда», где подписали договор о культурном шефстве института над совхозом. В совхозной избе-читальне состоялся импровизированный концерт местной молодежи и студентов – тунгусов (эвенков), гольдов (нанайцев), гиляков (нивхов), остяков (хантов). Совхозные зрители с интересом восприняли своеобразное выступление инсовцев, несмотря на внешне непривычные звуковые сочетания [15, с. 3].

В Институте народов Севера была предпринята и первая в истории попытка создать собственный театр коренных народов Крайнего Севера и Дальнего Востока. Возглавила это начинание Л. Б. Жукова, которая в своих рецензиях на первые постановки Этнографического театра оппонировала его

творческому методу. Весной 1930 г. она изложила свое кредо нового фольклорного театра, названного национальным таежным театром, или «Театром тайги и тундры»: богатство и разнообразие песенной и танцевальной обрядности и праздничных игр северян дают возможность его создания, но нужно найти правильную форму. Для этого необходимы учет национальных особенностей северян, опора на фольклор, но без культивирования и консервирования этнографической экзотики. Национальный спектакль не должен быть «чем-то вроде **экзотического мюзик-холла**» – «блестящие в техническом отношении “номера”, как гольдское фехтование, должны быть использованы в спектакле не как самодовлеющий аттракцион, а в непосредственной связи с производством и бытом Севера (корни гольдского фехтования – борьба рыбаков на веслах за лучшую лодку)» [выделено в оригинале – Т. С.]. «Организирующим звеном» спектакля должна стать новая советская тематика, и в сочетании с «индустриальными» средствами воздействия (кино, радио, свет) это создаст новую художественную выразительность, которая составит отличительную черту этого театра и будет служить агитационно-пропагандистским целям. «По линии режиссуры спектакля выдвигается метод максимального “обыгрывания” сюжетных мотивов с *категорическим отказом от навязывания исполнителям профессиональных приемов игры*» (курсив мой – Т. С.) [14, с. 3].

Этот подход был общим для всех художественных коллективов северян – фольклор, по определению не рассчитанный на стороннего участника – зрителя, не «подгонялся» под принятые и привычные сценические формы, а творчески интерпретировался, обогащался композиционно, музыкально, технически, превращаясь в искусство, адресованное именно зрителям.

В Институте народов Севера были созданы театральные мастерские-студии – нанайская (руководитель Л. Жукова), эвенкийская (руководитель А. Д. Авдеев) и остяцкая (хантыйская) [9, с. 111; 7, с. 137]. Особенно интересной была работа нанайской мастерской – здесь был поставлен спектакль по пьесе Л. Жуковой «Сайла», написанной на основе импровизационных текстов студийцев. В пьесе отражена «жалкая судьба нанайской женщины до революции», Сайла – это имя девушки, насильно выданной замуж. Особенно трогательно, что главную роль играла студентка, когда-то сама проданная в рабство богатому китайцу. Первый нанайский спектакль был с успехом показан в 1936 году на Олимпиаде национальной художественной самодеятельности и народного творчества Ленинграда. В репертуаре студии была также инсценировка «Три жениха» из нанайского героического эпоса в обработке ульча Сипина [16, с. 20–21; 17, с. 22]. Выпускники ИНСа несли новую культуру на родину – так, бывшие студийцы создали в 1934 г. в Найхине нанайский театр, где ставилась «Сайла» [7, с. 137; 18].

Собственно, это был единственный спектакль в полном смысле слова, поставленный инсовцами. Другие работы художественных студий ИНСа представляли собой театрализованные концерты, о чем позднее писал А. Д. Авдеев в своей книге «Происхождение театра. Элементы театра в первобытнообщинном строе», интересный материал для которой он частично

почерпнул из непосредственного общения со студентами-северянами. Более того, сама «мысль об этой книге зародилась еще в тридцатые годы, когда автору довелось встретиться на вечерах художественной самодеятельности Ленинградского института народов Севера с древним искусством народов Сибири, бережно хранимым их талантливой молодежью» [19, с. 7]. А. В. Авдеев проводит грань между драматическим и другими видами искусства – вокальным и хореографическим: «... Студенты Ленинградского института народов Севера, нанайцы по национальности (их выступления можно было неоднократно видеть в тридцатых годах), исполняя народную песню о рыбе, действием (жестом) изображали, как плавает та или иная порода рыб. Это – был не театр, а песня, сопровождаемая иллюстративным жестом. А вот если бы эти исполнители песни действовали от первого лица, как если бы они сами были не люди, а... рыбы, это было бы элементарным театральным искусством. В хороводной пляске парень изображает в действии ухаживание за девушкой... И все же они исполняют пляску, а не театральное представление!

Нельзя забывать, что элементы театрального искусства могут использоваться ради большей выразительности и в песне, и в пляске; прием театрализации песни и пляски является довольно распространенным приемом. И все же при этом песня продолжает оставаться произведением вокального искусства, а пляска — хореографического, потому что специфические особенности данных искусств доминируют. В то же самое время и песни, и пляска могут стать особым произведением театрального искусства, если преобладать в них будут элементы, специфические для искусства театра» [19, с. 33–34].

И все же для искусства северян такое строгое разделение не подходило. Их художественная культура была синкретической, единой, еще почти неотделимой от образа жизни и мировоззрения. Так, руководитель хореографического коллектива Т. Петрова приводила характерный пример: студентка-нивха обещала показать на сцене танец со стружками под аккомпанемент палок, надела красивый национальный халат, начала танцевать, но вдруг заплакала и убежала. Позже она объяснила, что «это священный танец и его нельзя показывать без особого повода» [7, с. 141]. Но постепенно показ традиционных обрядов и их элементов теряли свою связь с бытом и религиозными представлениями. А. Д. Авдеев отмечал, что «выступления многих студентов, представлявших шаманские сеансы у различных народностей: у коряков, чукчей, эвенков, нанайцев и др. ... не вызывали у зрителей никакого мистического ужаса. Наоборот, воспринимались они исключительно с художественной стороны, а исполнители шаманских плясок награждались самыми дружными аплодисментами» [19, с. 168].

Тот же автор подробно рассматривает превращение специфического мистериального представления многих северных народов (хантов, манси, гиляков, орочей и айну) – медвежьего праздника – в народное развлечение и театральные представления, особенно у манси: «Театральные представления медвежьего праздника у манси являются убедительнейшим примером исторической эволюции театрального искусства, заслуживающим самого

пристального внимания и обстоятельного изучения. Они достигли весьма высокого уровня развития искусства, уровня почти сформировавшейся театральной системы». В представлениях медвежьего праздника изображался не только медведь, перед зрителями появлялись также лось, журавль, утка со своим выводком, кулик, филин, заяц, лиса, гагара и др. Пляски с их изображением с большим мастерством показывали студенты ИНСа – ханты по национальности, при этом «повадки животных они передавали с исключительными точностью и живостью, что свидетельствовало как о глубине исполнительской традиции, так и о большой личной одаренности представителей этого народа».

После плясок, составляющих как бы первое отделение празднества, далее исполнялись различные драматические сцены – изображение духов и встречи с ними охотников, а также сцены социально-бытового содержания. Таким образом, представления медвежьего праздника требовали от исполнителей высокого актерского мастерства, они должны были создавать типичные художественные образы. Кроме того, в аутентичной обстановке исполнитель находился в непосредственной близости и постоянном общении со зрителями, в связи с чем ему приходилось импровизировать и немедленно реагировать на их вмешательство в ход действия. Во время выступлений участников художественной самодеятельности студентов Института народов Севера в особенности поражало зрителей вдохновенное мастерство студента-ханта Кирилла Маремьянина, его неистощимый темперамент, совершенно неистовая эмоциональность, действующая необычайно заразительно на зрителей, богатство репертуара [19, с. 184–194].

Выступления ханты-мансийской группы запомнились и Т. Петровой: «Неистощимая фантазия проявлялась в создании масок к народному медвежьему празднику. Танцевала огромная Лесная женщина. Ее показывали два человека: один стоял на плечах другого. Необыкновенно смешны были маски гуся, утки, петуха... Удивительным артистом был один из студентов – Кирилл Маремьянин. Он обладал врожденным даром перевоплощения. Коренастый, мужественный юноша исполнял танец легкой птицы гагары. С неподражаемой пластикой двигались его мягкие руки-крылья» [7, с. 140].

Многожанровые концерты художественной самодеятельности инсовцев пользовались огромным успехом у зрителей: комическая гияльская (нивхская) декламация и гольдская (нанайская) революционная песня; «физкультура» – «своеобразное, доходящее до виртуозности прыганье через веревку, не уступающее нашим цирковым номерам профессионалов» якутов, народные игры зырян (коми), эвенков, ненцев; нанайское «фехтование» двухметровыми палками; массовые танцевально-акробатические игры «медвежьего праздника»; ритуально-промысловые танцы (нанайские песни-танцы – «О рыбе», когда движениями рук изображались характеры разных рыб, и «В лодке за ягодами»; корякский «Танец нерпы», изображавший охоту на тюленя, чукотский «Танец оленя», селькупский танец «Чайка» и др.) [15, с. 3; 14, с. 10; 20, с. 7; 21; 22; 7, с. 142]. Группа коми и саами показывала кадрили «Козелок», эвенки создали группу национального кругового танца «Очерой» – танца-хоровода,

соединяющего поэзию, музыку и танец. Эскимосская группа исполняла танцы под аккомпанемент бубнов и в сопровождении песен, разъясняющих их содержание. Эвенская группа исполняла древнейший круговой народный танец «Хэдь» [23, с. 152].

Коряки и ительмены исполняли танцы под особое пение – звукоподражание животным и птицам – и под звуки бубна. Эвенки танцевали под аккомпанемент ритмичных вдохов и выдохов. Появились и пляски, и пантомимы на новые сюжеты – так, чукчи и эскимосы исполняли танец «Самолет» и «Пантомиму строителей домов» [7, с. 139].

Северяне выступали на разных площадках Ленинграда – в домах культуры, Дворце пионеров, в конференц-зале Академии наук, летом – в городских парках, участвовали в смотрах и олимпиадах народного творчества. 11 мая 1936 г. в театре оперы и балета им. С. М. Кирова (Мариинском) состоялся заключительный концерт городской Олимпиады художественной самодеятельности. Статус этого концерта становится понятным по составу присутствовавших на нем официальных лиц: первый секретарь обкома ВКП(б) А. А. Жданов, секретари обкома Угаров и Алексеев, народный комиссар просвещения Украины Затонский и другие советские и партийные руководители, артисты Корчагина-Александровская, Юрьев, Андреев, Ваганова. В статье «Праздник народного творчества» в «Ленинградской правде» среди лучших выступлений на этом концерте отмечались два номера инсовцев: нанайские фехтовальщики с шестами и палками и нанайская борьба, которая описана более подробно: «Студент из ИНС обманул весь зал: на сцене долго боролись два маленьких борца, а оказалось – один сделал, откинув капюшон» [21]. Это был первый исполнитель этого номера на сцене – Семен Киле [16, с. 21]. Эти же выступления повторились и на концерте X Олимпиаде художественной самодеятельности ленинградских профсоюзов 18 июня 1936 г., причем в программе были указаны исполнители нанайского фехтования Самар и Захсор [22].

Осенью 1936 г. в Москве состоялся Всесоюзный фестиваль народного танца, в котором приняла участие нанайская группа Института народов Севера. После фестиваля, в феврале 1937 г., был образован Государственный Ансамбль народного танца Союза ССР под руководством И. А. Моисеева, в программу которого вошел и номер «нанайская борьба» [23, с. 154].

В 1936–1937 гг. часть самодеятельных артистов-северян была объединена в Этнографический ансамбль песни и пляски народов Сибири и Дальнего Востока (художественный руководитель Б. Н. Сальмонт) при Управлении передвижных театров Ленинграда [24, с. 50].

Смотры художественной самодеятельности в виде олимпиад продолжались до начала Великой Отечественной войны. На XI городской Олимпиаде художественной самодеятельности зимой 1938 г. выступления инсовцев (художественный руководитель Т. Ф. Петрова) занимали целое отделение, в программе участвовали нанайский, хантыйский, ненецкий, ламутский (эвенский), эвенкийский, долганский, коми, эскимосский национальные коллективы и солисты. Гармонизацию и обработку

национальных мелодий произвел Б. Ф. Смирнов, музыкальное сопровождение исполнял симфонический оркестр Дома инженерно-технических работников, дирижер Н. А. Сасс-Тисовский. Начиналось выступление в духе времени: нанаец Аким Самар прочел два собственных стихотворения – «Праздник Конституции» и «Песня о Сталине», хант Кирилл Маремьянин спел «Песню о Чапаеве». Остальные номера демонстрировали песенный и танцевальный фольклор, а также сцены из Медвежьего праздника. Нанайский коллектив показал фехтование, «Песню о рыбе» и шуточную борьбу; долганский – народный танец «Геро»; коми спели «Яркая звезда» и «Красные девушки»; эскимосы Кипутка и Каля показали танцы «Удачная охота» и «Танец Вóрона»; свой «Танец птиц» был в программе эскимосского и ламутского коллективов; эвенки выступили с танцем «Очоры» («Очерой») и песней инсовца Трофимова «Приход весны». Ламутский коллектив исполнял также два корякских танца, а солировала в нем ительменка Таня Слободчикова. Самыми активными участниками концерта были студенты-ханты, сыгравшие сцены медвежьего праздника: «Петух и журавль», «Лесной старик», «Полет гагары», мужской танец и «Танец высокой женщины». В этих номерах блеснули солисты К. Маремьянин, П. Хамзаров, А. Широкова, Ф. Арачева и Яркин [25].

Олимпиаду как масштабное городское событие освещала ленинградская пресса. В статье С. Дрейдена «Таланты народа» в «Ленинградской правде» есть отзыв и на вступление северян: «Красочным эпизодом программы явилась демонстрация художественной самодеятельности учащихся Института народов Севера. Тов. Самар, всего лишь год назад приехавший в Ленинград с дальнего Амура из стойбища Бич, нанаец по национальности, вдохновенно читал на русском языке свои собственные стихи, посвященные празднику Конституции:

Народ, измученный царем,
Октябрь великий возродил.
Народу, знавшему лишь гнет,
Теперь открыты все пути...» [26].

1 октября 1939 г. ИНС был реорганизован в Педагогический институт народов Севера. С началом Великой Отечественной войны занятия в институте были прерваны, в феврале 1942 г. оставшиеся учащиеся и преподаватели эвакуированы из Ленинграда в Омск, а в 1943 г. институт прекратил свою работу. После войны подготовка специалистов из представителей коренных народов Крайнего Севера и Дальнего Востока в Ленинграде возобновилась в двух вузах – Государственном университете и Педагогическом институте им. А. И. Герцена. В 1953 г. оба североведческих отделения были объединены в факультет народов Крайнего Севера при Педагогическом институте (с 2001 г. – Институт народов Севера Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена).

Возобновилась и работа национальной художественной самодеятельности. В 1947 г. драматической группой Северного факультета Ленинградского государственного университета (руководитель А. И. Мусатов, артист Театра музкомедии) была поставлена пьеса по книге Т. Семушкина «Алитет уходит в

горы», в которой заглавную роль исполнял студент Юрий Рыхтеу. В том же году состоялся и первый концерт художественного коллектива Северного отделения пединститута, которым руководили А. М. Гельбух и Т. Ф. Петрова. В 1953 г. на факультете народов Крайнего Севера также создали драматический кружок под руководством актрисы М. Н. Палеховой-Яновой, а к записи и обработке национальных мелодий была привлечена композитор А. С. Гурина. Кружковцы поставили спектакль по пьесе А. Н. Островского «Бесприданница» [7, с. 143].

В 1957 г. при подготовке программы для участия в VI Всемирном фестивале молодежи и студентов в Москве коллектив студентов-северян под руководством Т. Ф. Петровой-Бытовой на основе фольклорных танцев и песен создал сюиту «Северное сияние», название которой вскоре стало названием студенческого ансамбля факультета, выступавшего с огромным успехом. В 1977 г. ансамблю было присвоено звание «Народный», а в 1990-е гг. он был преобразован в театр-студию «Северное сияние» под художественным руководством выпускницы оперно-режиссерского отделения Санкт-Петербургской государственной консерватории им. А. Н. Римского-Корсакова И. Давыдовой. Театр работает в тесном контакте с кафедрой этнокультурологии Института народов Севера (заведующий кафедрой – профессор И. Л. Набок). Специальный проект, реализуемый ансамблем и кафедрой этнокультурологии, – семинар «Театрально-зрелищные формы фольклора народов Крайнего Севера».

Согласно концепции руководителей «Северного сияния», основной формой творческой деятельности коллектива является спектакль-концерт, что наиболее полно соответствует присущей северянам «эмоционально-смысловой интонации художественного выражения» и способствует «актуализации аутентичного фольклора» при избегании тенденции «эстрадизации», для создания обобщенного образа Крайнего Севера [2, с. 90–94].

Таким образом, возвратилось не только название – Институт народов Севера, но на новом историческом этапе возникает переключка исследователей и практиков художественной культуры в их поисках адекватного воплощения уникального искусства северян.

Библиографический список

1. Салаткин Н. Трехлетие ИНСа // Тайга и тундра. – Л. – 1933. – № 2 (5).
2. Гончаров С. А., Набок И. Л., Петров А. А., Таксами Ч. М. Североведение в Герценовском университете. Институт народов Севера / под науч. ред. Г. А. Бордовского. – СПб.: Астерион, 2003. – 110 с.
3. Воскобойников М. Дыхание Севера (К 50-летию Ленинградского Института народов Севера) // Сибирские огни. – 1976. – № 5. – С. 149–150.
4. Весь Ленинград: адресная и справочная книга. – Л.: Лениздат, 1935. – 1248 с.
5. Шуберт А. Искусство народов Севера // Просвещение национальностей. – 1930. – № 6. – С. 121.

6. Омельчук А. Институт народов Севера // Дальний Восток. – 1981. – № 2. – с. 128.
7. Петрова-Бытова Т. Секрет движения. Зрелищно-театральное искусство народов Севера // Радуга на снегу. Культура, традиционное и современное искусство народов советского Крайнего Севера. – М.: Молодая гвардия, 1972. – с. 129–162.
8. Фёдорова Н. Н. Северный изобразительный стиль. Константин Панков. 1920–1930-е годы. – М.: Наше наследие, 2002. – 128 с.
9. Анисимов А. Ф. Научный центр Советского Севера // Советская Арктика. – 1936. – № 9. – С. 111.
10. Ленинградские театры. Репертуарно-программный справочник. – 1930. – № 66. – 1–5 декабря.
11. Ленинградские театры. Репертуарно-программный справочник. – 1930. – № 67. – 6–10 декабря.
12. Белая Э. Н. Театры Петрограда-Ленинграда. 1917–1957. Рукопись. – СПб.: Государственная театральная библиотека.
13. Государственный Русский музей (ГРМ). Государственный этнографический театр. Репертуар // Спутник по ленинградским театрам. Сезон 1931 г. Реклама.
14. Жукова Л. Театр тайги и тундры // Рабочий и театр. – 1930. – № 15. – 16 марта.
15. Жукова Л. Интернациональный вечер в избе-читальне // Рабочий и театр. – 1930. – № 4. – 20 января.
16. Цимбал С. Возвращение сказки // Рабочий и театр. – 1936. – № 7. – Апрель. – С. 20–23.
17. Рабочий и театр. – 1936. – № 9. – Май. – С. 22.
18. Огрызко В. Так зарождалась нанайская литература // Литературная Россия. – 2004. – № 15. – С. 13–14.
19. Авдеев А. Д. Происхождение театра. Элементы театра в первобытнообщинном строе. – М., Л.: Искусство, 1959. – 268 с.
20. Рабочий и театр. – 1932. – № 22. – Август. – С. 7.
21. Садовский А. Праздник народного творчества // Ленинградская правда. – 1936. – 12 мая.
22. Фонд групповой обработки (ФГО) РНБ. Программа концерта 10 Олимпиады художественной самодеятельности ленинградских профсоюзов. – Л., 1936.
23. Таксами Ч. М. От таежных троп до Невы. – Л.: Лениздат, 1976. – 160 с.
24. Театральный Ленинград. Сборник статей и информационных материалов по ленинградским театрам. – Л., М.: Искусство, 1937. – 170 с.
25. ФГО РНБ. XI Олимпиада художественной самодеятельности Ленинграда. Общегородские вечера. Программа 14-го вечера; Программа заключительного концерта – Л., 1938.
26. Дрейден С. Таланты народа // Ленинградская правда. – 1938. – 14 февраля.

References

1. Salatkin N. Third Anniversary of the Institute of the Peoples of the North [Trekhetie INSa]. *Tayga i tundra* (Taiga and Tundra), Leningrad, 1933, № 2 (5).
2. Goncharov S. A., Nabok I. L., Petrov A. A., Taksami Ch. M., Bordovskiy G. A. (Ed.) Arctic Social Sciences in the Herzen University. The Institute of the Peoples of the North [*Severovedenie v Gertsenovskom universitete. Institut narodov Severa*]. Saint Petersburg, Asterion, 2003, 110 p.
3. Voskoboynikov M. The Breath of the North (To the Fiftieth Anniversary of the Leningrad Institute of the Peoples of the North) [Dykhanie Severa (K 50-letiyu Leningradskogo Instituta narodov Severa)]. *Sibirskie ogni* (Siberian Lights), 1976, № 5, pp. 149–150.
4. The Entire Leningrad: The Address and Reference Book [*Ves Leningrad: adresnaya i spravochnaya kniga*]. Leningrad, Lenoblispolkom i Lensovet, 1935, 1248 p.
5. Shubert A. The Art of the People of the North [Iskusstvo narodov Severa]. *Prosveschenie natsionalnostey* (The Education of Nationalities), 1930, № 6, p. 121.
6. Omelchuk A. The Institute of the Peoples of the North [Institut narodov Severa]. *Dalniy Vostok* (Far East), 1981, № 2, p. 128.
7. Petrova-Bytova T. The Secret of Movement. The Theater of People of the North [Sekret dvizheniya. Zrelischno-teatralnoe iskusstvo narodov Severa]. *Raduga na snegu. Kultura, traditsionnoe i sovremennoe iskusstvo narodov sovetskogo Kraynego Severa* (Rainbow on the Snow. Culture, Traditional and Contemporary Art of the People of the North). Moscow, Molodaya gvardiya, 1972, pp. 129–162.
8. Fedorova N. N. Northern Style in Arts. Konstantin Pankov. 1920–1930-s Years [*Severnyy izobrazitelnyy stil. Konstantin Pankov. 1920–1930-e gody*]. Moscow, Nashe nasledie, 2002, 128 p.
9. Anisimov A. F. Soviet North Scientific Centre [Nauchnyy tsentr Sovetskogo Severa]. *Sovetskaya Arktika* (Soviet Arctic). – 1936. – № 9. – p. 111.
10. Leningrad Theaters. Repertoire and Program Reference Book [*Leningradskie teatry. Repertuarno-programmnyy spravochnik*]. 1930, № 66, December, 1–5.
11. Leningrad Theaters. Repertoire and Program Reference Book [*Leningradskie teatry. Repertuarno-programmnyy spravochnik*]. 1930, № 67, December, 6–10.
12. Belaya E. N. Theaters of Petrograd and Leningrad 1917–1957. Manuscript [Teatry Petrograda-Leningrada. 1917–1957. Rukopis]. Saint Petersburg, Gosudarstvennaya teatralnaya biblioteka.
13. The State Russian Museum. The State Ethnographic Theatre. Repertoire. [Gosudarstvennyy Russkiy muzey. Gosudarstvennyy etnograficheskiy teatr. Repertuar]. *Sputnik po leningradskim teatram. Sezon 1931 g. Reklama* (The Leningrad Theaters Guide. Season of 1931 year. Advertisement).
14. Zhukova L. Theatre of Taiga and Tundra [Teatr taygi i tundry]. *Rabochiy i teatr* (Worker and Theatre), 1930, № 15, March, 16.
15. Zhukova L. International Evening in Reading-Izba [Internatsionalnyy vecher v izbe-chitalne]. *Rabochiy i teatr* (Worker and Theatre), 1930, № 4, January, 20.

-
16. Tsimbal S. The Return of the Fairy-Tail [Vozvraschenie skazki]. *Rabochiy i teatr* (Worker and Theatre), 1936, № 7, April, pp. 20–23.
 17. *Rabochiy i teatr* (Worker and Theatre), 1936, № 9, May, p. 22.
 18. Ogryzko V. Thus Engendered Nanaian Literature [Tak zarozhdalas nanayskaya literature]. *Literaturnaya Rossiya* (Literary Russia), 2004, № 15, pp. 13–14.
 19. Avdeev A. D. The Origin of Theatre. Some Elements of Theatre in Primitive Society [*Proiskhozhdenie teatra. Elementy teatra v pervobytnoobschinnom stroe*]. Moscow, Leningrad, Iskusstvo, 1959, 268 p.
 20. *Rabochiy i teatr* (Worker and Theatre), 1932, № 22, August, p. 7.
 21. Sadovskiy A. The Holiday of Folk Arts [Prazdnik narodnogo tvorchestva]. *Leningradskaya Pravda* (The Leningrad Truth), 1936, May, 12.
 22. A Fund of Group Processing of the National Library of Russia. The Program of the 10-th Olympiad Concert of Amateur Talent Activities of Leningrad Trade Union [*Fond gruppovoy obrabotki Rossiyskoy natsionalnoy biblioteki. Programma kontserta 10 Olimpiady khudozhestvennoy samodeyatelnosti leningradskikh profsoyuzov*]. Leningrad, 1936.
 23. Taksami Ch. M. From Taiga Paths to the Neva [*Ot taezhnykh trop do Nevy*]. Leningrad, Lenizdat, 1976, 160 p.
 24. Theatrical Leningrad. Collected Articles and Information Materials about Leningrad Theatres [*Teatralnyy Leningrad. Sbornik statey i informatsionnykh materialov po leningradskim teatram*]. Leningrad, Moscow, Iskusstvo, 1937, 170 p.
 25. A Fund of Group Processing of the National Library of Russia. The 11-th Olympiad of Amateur Talent Activities. City Evenings. The Program of the 14-th Evening; The Program of the Closing Concert [*Fond gruppovoy obrabotki Rossiyskoy natsionalnoy biblioteki. Programma kontserta 10 Olimpiady khudozhestvennoy samodeyatelnosti leningradskikh profsoyuzov*]. Leningrad, 1936.
 26. Dreyden S. Talents of the People [Talanty naroda]. *Leningradskaya Pravda* (The Leningrad Truth), 1938, February, 14.

УДК 784

Язык и музыка: параллели и взаимодействия*

Бергер Нина Александровна – федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Санкт-Петербургская государственная консерватория им. Н. А. Римского-Корсакова», федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена», кафедра теории музыки, учебно-методическая лаборатория «Музыкально-компьютерные технологии» доцент, доктор искусствоведения, старший научный сотрудник, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: ninberg@bk.ru

190000, Россия, Санкт-Петербург, ул. Глинки, д. 2,

тел: +7 (812) 650 02 26.

Авторское резюме

Состояние вопроса: В современном обществе четко выявляется тенденция к активной форме общения с музыкой, при которой ее адресат может стать участником музыкального процесса. В этой связи становится актуальным выявление точек соприкосновения вербального и музыкального языка, определение их сходства и различия. Требуется дальнейшего изучения, например, сравнение возможностей голоса и руки в отражении процессов мышления при акте коммуникации.

Результаты: В человеке заложена не только потенциальная способность голоса к языку и пению, но и обязательная *потребность* использования этой способности в двух обозначенных формах. Эта потребность, возникающая на основе мышечных ощущений, проявляется независимо даже от наличия или отсутствия обычного слуха. Опора голоса, изначально подчиняющегося слуху, на зрительные ориентиры, а руки, изначально подчиняющейся зрению и осязанию, – на слуховые ориентиры является *приобретенной* способностью, развивающейся в процессе образования. В качестве базы, позволяющей все высотные элементы музыкального языка переводить непосредственно на предметно-мануальный уровень, выступает клавиатура, структурированное игровое поле – своеобразный аналог уже освоенного человеком пространства настольных и спортивных игр. Геометрическая структурированность клавиатуры и нотной записи – один из факторов, указывающих на близость музыки с *точными* науками.

Апробация предлагаемой модели освоения музыкального языка с учетом его математической составляющей по всей музыкально-образовательной вертикали привела к *выводу* о том, что возможность удовлетворения запроса на владение языком музыки вполне может быть реализована в современном обществе для любого контингента желающих.

* © Н. А. Бергер, 2015.

Выводы: а) освоение языка в устной форме и пение по слуху может происходить стихийно, без опоры на систему образования; б) письменной форме языка и инструментальному музицированию надо специально учиться, что невозможно без тренинга, являющегося основой любого образования.

Ключевые слова: язык; музыкальный язык; голос; рука; инструментальное музицирование.

Language and Music: Parallels and Interactions

Berger Nina Aleksandrovna – Saint Petersburg State Conservatory named after N. A. Rimsky-Korsakov; Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen, Department of Music Theory, Laboratory of Musical Computing Technologies, associate professor, Doctor of Arts, senior researcher, Saint Petersburg, Russia.

E-mail: ninberg@bk.ru

2, Glinka st., Saint Petersburg, Russia, 190000,

tel: +7 (812) 650 02 26.

Abstract

Background: Nowadays modern society tends to regard music as its active partner, which makes the addressee a real participant of the process. Therefore it becomes essential to find out some points of verbal and musical languages contact, to study their similarities and differences. For example, roles of the voice and hand in reflecting cognitive processes are under consideration.

Results: Humans not only have the potential ability for language and singing acquisition, but the essential need of this ability in the two forms mentioned above. This ability originated on the basis of muscle perception is manifested regardless of presence or absence of hearing. Both the voice orientation on vision and the hand orientation on hearing is an acquired ability developed during the training process, the former being subordinated to the ability to hear and the latter to the ability to see and touch. The fingerboard, being a structural playing ground, a peculiar analogue of the sphere of board and sports games, is the basis which permits to transfer all high elements of musical language directly on an object-manual level. The geometrical structure of the fingerboard and musical notation is one of the factors showing that music and mathematics are closely connected.

The approbation of the suggested model of musical language acquisition taking into consideration its mathematical component has shown that anyone in modern society could master it.

Conclusion: а) oral language acquisition and singing may occur spontaneously, without any special education; б) written language and instrumental playing need special education, which is impossible without training – the starting point of any education.

Keywords: language; musical language; voice; hand; instrumental music.

Оставил в потомстве Орфей,
За ним гусяры, бандуристы
То ль плод мусикийских речей,
То ль образ музыки речистой.
Якоб Айгеншарф

Под музыкальным языком¹ обычно понимают систему, элементы которой характеризуются эстетикой как средства музыкальной выразительности. Они рассматриваются теорией в качестве главных конструктивных слагаемых музыки (М. Арановский, Б. Асафьев, М. Бонфельд, А. Денисов, И. Земцовский, С. Мальцев, В. Медушевский, Е. Назайкинский, Г. Орлов, Ю. Рагс, В. и Ю. Холоповы, Г. Цыпин, В. Яконюк, А. Якупов и др.). Понятие «язык» применяется также и к исследованию особенностей одного из слагаемых, связанных с какими-либо стилевыми параметрами, например, «мелодический язык эпохи классицизма» или «гармонический язык Римского-Корсакова».

Асафьев выводит генезис музыкального языка из его связи с языком вербальным. Он считает, что «повторяемая в магической заклинательной формуле культа ... поэтической или ораторской речи постоянная ритмо-интонационная “высотность” могла обособиться от слова как совокупность двух тонов и стать интервалом *музыкальным*, особенно при наличии инструментального сопровождения и на инструменте закрепиться» [1, с. 213].

Известно, что музыка – тот язык, который, в отличие от вербального языка, можно слушать, иногда не понимая, но попадая под её воздействие, прежде всего эмоциональное. Архетипы эмоциональных состояний достаточно адекватно оцениваются всеми. Их понимание не требует специального обучения ни языку, ни музыке, что подтверждено экспериментами, описываемыми Д. Кирнарской [8, с. 69]. В отличие от незнакомого языка, музыка, организованная по эстетическим законам красоты, может удерживать внимание слушателя длительное время.

Положение о слушании музыки без понимания ее языка, безусловно, является действенным в устоявшейся концепции функционирования музыки в обществе, известной как «музыкант – слушатель», при котором приобщение к музыке, в том числе и к шедеврам музыкальной классики, может происходить в пассивной форме восприятия – с позиций наблюдателя. Однако в современном обществе значительно актуализирован вопрос об активной форме общения с музыкой с позиций *участника* музицирования. Предпосылкой к этому является сам статус музыки. В отличие от произведений пространственных искусств, музыка, как и литература, создаёт для адресата условия открытого доступа к своим художественным шедеврам, обеспечивая возможность *интерактивного* взаимодействия, в том числе и с ценнейшим художественным классическим наследием. Современные высокие технологии – еще одна предпосылка для этого. При активной форме общения с музыкой каждый участник музыкального

¹ В настоящей работе понятие *язык* мыслится как основное «средство общения членов ... человеческого коллектива, для которых эта система оказывается также средством развития мышления» [2, с. 530].

процесса, независимо от степени компетентности, становится музыкантом (профессионалом или дилетантом)². Музицирование – действие, основанное на коммуникации, даже если оно протекает как игра «для себя». Главной коммуникативной системой, как известно, является язык, а по определению Ю. Лотмана «все вторичные моделирующие системы в той или иной мере испытывают его влияние» [9, с. 54]. В музыке, как считает Е. Назайкинский, «языковой подход даёт возможность обнаружить строгую системную организацию, специфические семантические ресурсы той или иной системы художественных средств» [11, с. 99].

В настоящей статье рассматриваются некоторые точки соприкосновения вербального и музыкального языка, анализ которых происходит за счёт опоры на интегративные взаимосвязи художественных и нехудожественных видов деятельности. Задачей является выявление тех аналогий (или, наоборот, отличий) между музыкой и вербальным языком, на которые можно/нельзя опираться в процессе активного общения с музыкой. Сопоставление вербального языка³ и музыки осуществляется с позиций практики на основе выделения структурной и функциональной характеристик.

Музицирование аналогично речевому высказыванию. Понимание и говорение – две главные функции речевого высказывания – могут осуществляться с разной степенью свободы. Условно можно выделить два вида языковой компетентности: владение языком как *родным* и как *иностранным*. Отсюда – актуальность проблемы скорости и свободы в *оперировании* музыкальным языком для освоения шедевров классики и реализации возможности самовыражения.

Функционирование вербального языка и музыки проявляется в устной и письменной речи, графическое отражение звука буквой также свойственно обеим системам. В литературе о конструктивной стороне музыки часто наблюдается сопоставление алфавита и звукоряда, в отдельных случаях даже имеет место приравнение: звукоряд = алфавит. Кроме этого, музыка имеет собственную нотно-линейную систему письменности. Основные точки соприкосновения музыкальной и словесной речи – это звук и ритм. В процессе музицирования музыкант упорядочивает свои действия в отношении этих категорий. Условия звучания музыкального шедевра обозначены Бахом с математической точностью: «вовремя нажимать нужные клавиши».

Как известно, первичным носителем звука в вербальной речи и в музыке для нас является голос. Голосом мы говорим и читаем, в том числе и «про себя», интонируем (напеваем) вслух и «про себя» знакомую мелодию. Голос имеет изначальную предрасположенность подчиняться слуху: путем подражания мы осваиваем орфоэпию⁴ языка и поем по слуху. Кроме того, голос

² Есть более подробное рассмотрение проблемы [5].

³ Имеется в виду *звуковой* язык, при помощи которого общаются жители Земли. Наряду со звуковым языком локально существует жестовый язык, на котором осуществляется общение глухих людей, и особый тактильный язык для слепоглухих.

⁴ При обучении же устной речи глухого ребенка используются графические знаки орфоэпии (ударения, транскрипция).

выступает и как анализатор поступающей слуховой информации, ибо голосовые связки не только передают звук, но и принимают его «на себя»⁵.

Лепет и гуление, через которые проходит каждый человек на стадии младенчества, проявляют функционирование голоса как природного «устройства», направленного на возникновение звука. Лепет является *дискретным* принципом звукоизвлечения, перерастающим впоследствии в способность оперировать фонетикой языка. Гуление – *континуальный* принцип звукоизвлечения, перерастающий впоследствии в способность оперировать интонацией и петь⁶.

Данный фактор является важнейшим показателем того, что в человеке заложена не только потенциальная способность голоса к языку и пению, но и обязательная *потребность* использования этой способности в двух обозначенных формах, потребность, которая возникает на основе мышечных ощущений и проявляется независимо от наличия или отсутствия обычного слуха. Это прямо свидетельствует о том, что мышечная моторика нашего голоса хранит звуковые модели (по всей вероятности, в генной памяти), а сама потребность к их реализации является *врождённой*⁷.

Воспроизведение голосом *слов* – лексических единиц – характеризует следующий этап в развитии ребёнка вне какого-либо обучения и осуществляется на основе простого подражания *слуховым* образам-моделям, которые дети воспринимают из окружающего их аудиального пространства⁸. Несмотря на обычные фонетические искажения, ребёнок произносит слова сразу слитно, не разделяя их на составляющие элементы (звуки или слоги). Этот период почти совпадает с началом говорения фразами, при котором главной единицей речи становится *высказывание*, произносимое также слитно.

В вокальном интонировании мелодия мыслится как *целостная* линия. Узнавание и повторение голосом ее фрагментов не нуждаются во внимании к звуковому составу, а сама дискретность может не осознаваться⁹.

Голос и слух находятся в прямой связи, отсюда слуховая оценка эстетических качеств мелодической линии испытывает непосредственное влияние возможностей голоса. В частности, в отборе звуковых средств для интонирования музыкальное мышление пошло не по пути слуха с опорой на данный самой природой акустический феномен воспринимаемых призывков обертоновой шкалы, но по пути возможностей голоса – возникновения звукоряда, в котором звуки расположены на близком расстоянии (по секундам).

⁵ Эксперименты, проводимые с глухими детьми, показали, что ребенок может интонировать (хотя и довольно приблизительно) напеваемую или играемую на инструменте мелодию, даже не слыша собственного голоса. Объяснить это можно колебанием голосовых связок, вступающим в резонанс со звуком.

⁶ Через эти формы возникновения звука проходят и дети с тяжелой сенсорной патологией в области слуха, что является главной причиной поздней диагностики патологии.

⁷ Наблюдения показывают, что попытки петь по слуху свойственны многим детям, страдающим теми или иными отклонениями в развитии, и в частности даже тем, которые признаны необучаемыми. Это ещё раз свидетельствует о том, что в психике человека заложена способность и *потребность* петь, которая при определенных условиях может актуализироваться.

⁸ На этом этапе глухой ребенок нуждается в специальном обучении устному звуковому языку.

⁹ Так, например, в практике постоянно встречаются случаи, когда вокалисты пытаются поступать в музыкальный ВУЗ (!), не имея никакого представления о нотной грамоте.

Языковые нормы музыки (не только вокальных произведений, но и немалой части произведений инструментальных) длительное время имеют своей предпосылкой удобство голоса в вокальном интонировании¹⁰.

В музицировании наравне с голосом участвует рука, отвечающая за звукоизвлечение на инструменте. Согласно Асафьеву, «процесс ... интонирования, чтобы стать не речью, а музыкой ... минуя слово (в инструментализме), но испытывая воздействие “немой интонации” пластики и движений человека (включая “язык” руки), ... становится “музыкальной речью”, “музыкальной интонацией» [1, с. 211–212]. И, далее, «рука человека словно может “вложить голос” в инструментальную интонацию» [1, с. 216].

Известно, какую важную роль играет рука в развитии человеческого интеллекта. В речевом процессе рука часто помогает, уточняет, корректирует передаваемую информацию (даже говорящего по телефону), а в отдельных случаях заменяет звуковой язык, выполняя компенсирующую функцию¹¹.

Действия руки изначально подчиняются зрению. Воспринятая зрением игрушка становится объектом «внимания» четырех-пятимесячного малыша, который тянет руку к этому предмету. Зрительный образ предмета дает руке непосредственную информацию о его величине и конфигурации, и рука без всякого анализа автоматически принимает форму для его взятия и удержания. Эта способность руки постоянно развивается, достигая в различных видах профессиональной деятельности большой скорости.

Опора голоса, изначально подчиняющегося слуху, на зрительные ориентиры, а руки, изначально подчиняющейся зрению и осязанию, – на слуховые ориентиры является *приобретенной* способностью, развивающейся в процессе образования.

Если в пении по слуху голос может спонтанно воспроизводить мелодию как целостную линию, то *инструментальное* воспроизведение фрагментов музыки, принятых аналогичным образом «на слух» и сохранённое в памяти, такой спонтанностью и континуальностью не обладает. Игра на музыкальных инструментах отличается от пения тем, что в ней действуют различные звуковые носители, которыми потенциально являются части инструмента. Приводить их в актуальную форму звучания призваны руки музыканта, по природе предрасположенные координировать свои действия со зрительными и кинестетическими анализаторами (формирование у профессионалов «слышащей руки»). Координация действий рук со слуховыми образами так же, как и обычная грамотность, формируется годами.

По способу передачи и приема информации инструментальное музицирование оказывается ближе к речи, использующей азбуку Морзе, или дактилированию. По форме коммуникации названные речевые способы являются *устной* речью, когда передача и прием информации осуществляются в настоящем времени. Но сама знаковая система опирается на принципы речи

¹⁰ Избегаются скачки в одном направлении, увеличенные интервалы, правила разрешения, диссонирующие тоны созвучий обязательно разрешаются и т. д.

¹¹ Жестовая речь и дактиль (побуквенное «проговаривание» слова), где функцию голоса выполняет рука, являются способом общения глухих.

письменной, требующей включения *иного* уровня дискретности – звуко-буквенного. Он соответствует умению совершать логические умственные действия, на основе которых производится *анализ* звуковой информации. Разделение слова на звуки, а мелодии, исполняемой голосом, на ступени – более поздний этап развития, необходимый для сохранения информации в письменном варианте, при котором каждый элемент звучания получает индивидуальное графическое воплощение в букве или ноте.

Данное положение соотносимо с той ролью, которую играют голос и рука в функционировании вербального языка. В *устной* речи передача сообщения осуществляется через *мышечно-тактильные* (осозательные, кинестетические) действия голосовых связок, приём – посредством *слуха*. В *письменной* речи передача осуществляется через непосредственное действие руки (пишущей, равно как и печатающей), подчиняющейся слуху. Приём сообщения осуществляется посредством зрения с переводом в реальное или мысленное звучание. В случае различных сенсорных дефектов рука является *ближайшим заместителем* как зрения (чтение по системе Брайля), так и голоса (жестовая речь и дактилирование).

Вербальный язык *линеен*, письменность европейских языков строго горизонтальна, так как появление элементов языка всегда представляет собой *временной* процесс, при котором в наименьшую единицу физического времени появляется только одна фонетическая или графическая единица. Один из факторов, выявляющих линейность языка, М. Бонфельд определяет как исключение возможности «произношения (написания) двух знаков одновременно» [6, с. 12].

Одновременное появление разных лексических единиц, что возможно при участии нескольких лиц, исключает восприятие их смысловой содержательной сути. Как отдельный частный прием это используется в драматическом искусстве и в кино (как, например, в ряде моментов фильма «Служебный роман»). Но в целом в силу временной природы языка речевое вербальное многоголосие, осуществляемое в одновременности, превращается в шум. Если одновременно произносятся все звуки слова (что возможно осуществить только при участии нескольких лиц), то само слово как лексическая единица прекращает своё существование. Ограничение вербального языка «линейностью» позволяет воспринимать лексические единицы речи и понимать их смысл на довольно большой скорости.

Пение по слуху аналогично высказыванию в речи, передающей сообщение через голос: когда необходимая для передачи информация появляется спонтанно, произвольно. Все звуки принадлежат одному звуковому носителю – голосу. Пение для каждого отдельного человека является *одноголосием*¹².

«Что самое быстрое на свете?» – вопрос, традиционно задаваемый герою русских народных сказок в качестве информации для размышления. Если следующим утром герой ответит неверно («конь» или «стрела») – то ... «голова

¹² Однако у некоторых народностей (алтайцев, тувинцев, башкир) встречается особое горловое пение, соотносимое с двухголосием.

с плеч». Правильный ответ на этот вопрос, подсказанный Василисой Премудрой или Марьей-царевной, гласит – «мысль».

Вербальная *речь*, использующая звуковой язык и служащая оформленным средством концентрации и упорядочивания мысли в одном направлении, всегда *одноголосна, однолинейна*. По скорости и объёму никогда не приблизится к мысли. Скорость подачи и время анализа музыкального сообщения с помощью руки намного опережает его подачу и анализ голосом и в отдельных случаях способна *опередить мысль*.

Кроме того, мышление, в отличие от речи, не только имеет большую скорость, но обладает *многоплановостью*, в большинстве случаев носящей стихийный характер.

«Не десять соколов на стадо лебедей...»: инструментальное музицирование оперирует теми «лексическими» единицами музыкального языка, которые включают в определённый момент времени сразу несколько звуков, взятых на инструменте рукой, где стихийная многоплановость нашего мышления получает упорядоченность в автономной работе пальцев.

МЫШЛЕНИЕ	Стихийная многоплановость	Высокая скорость
ГОЛОС	Однолинейность	Низкая скорость
ИНСТРУМЕНТАЛЬНОЕ МУЗИЦИРОВАНИЕ	Упорядоченная многоплановость	Высокая скорость

Не исключено, что интерес к инструментальному музицированию в молодёжной среде вызван, в том числе, и стремлением (может быть и неосознанным) развить в себе новые способности через действия руки: координацию со слухом и реализацию природной многоплановости мышления в упорядоченном эстетически оформленном варианте звучания. Эти способности фактически вводят новое слагаемое в тезаурус личности *homo sapiens*.

Если удобство интонирования голосом является одной из предпосылок возникновения большей части интонационных стереотипов, то в той же степени это касается и руки. Удобство руки, «играющей руки» в интонировании инструментальном порождает свои законы, проявляющие себя как в нарушении классических норм¹³, так и в создании новых, постепенно меняющих привычные слуховые стереотипы.

Ощущения руки музыканта-инструменталиста оказываются способными бесконечно варьировать создаваемые слуховые образы. Эти ощущения оказывают несомненное влияние и на композиторское творчество, о чем писал

¹³ Так, например, привычный слуховой стереотип разрешения септимы доминантсептаккорда вниз в фортепианном музицировании часто нарушается композиторами – создателями классической гармонии. «Фигура» секстаккорда (в до мажоре – ре-фа-си) в правой руке, соответствующая распространенному мелодическому положению терцового тона в аккорде, переходит в аналогичную фигуру тонической гармонии (ми-соль-до) с движением септимы вверх. Разрешение же септимы «по правилам» вниз образует очень неудобную фигуру для руки (ми-соль-до), которой на скорости достаточно трудно оперировать.

еще Игорь Стравинский: «Не следует презирать пальцев: они являются сильными вдохновителями, часто пробуждая в нас подсознательные мысли, которые иначе, может быть, остались бы нераскрытыми» [12, с. 134]. Аналогичное наблюдение у Л. Гаккеля в отношении музыки Дебюсси: «...руки “нащупали” на клавиатуре полигармоническое звучание» [7, с. 29],

Из всего сказанного можно сделать следующие выводы:

– устной речи родного языка слышащему человеку учиться не надо, как можно не учиться пению и петь (для себя) по слуху; это может происходить стихийно, без опоры на систему образования;

– письменной форме речи надо специально учиться, как надо учиться и инструментальному музицированию (даже без освоения музыкальной письменности), что невозможно без тренинга, являющегося основой любого образования.

Языковые нормы музыкального интонирования, как вокальные, так и инструментальные, и их графическое отражение в письменности возникают не без участия математических представлений числового или образно-геометрического характера (вспомним, что музыка была обязательным слагаемым в средневековом квадривиуме). Именно в музыке числа не просто характеризуют величины, но перестают быть чистой абстракцией. В соответствии с именем-названием они конкретизируются, опредмечиваются, становясь «действующими лицами», «личностями», обретая плоть в звучании, в слухо-зрительно-тактильном облике сочетаний нот и клавиш (кнопок, пластинок).

В частности, сопоставление алфавита и звукоряда показывает их принципиальное отличие. Номер ступени звукоряда и величина интервала между ступенями становятся важными характеристиками музыкальной интонации. Для этого они должны быть измерены и отражены числом, например: «первая ступень – как главный звук лада, в который разрешаются остальные ступени; боевитые кварты (4), романсовые сексты (6) и щемящие секунды (2)». В частности, еще Д. Царлино писал о прелести музыкальных интервалов. В своих выражениях мы тоже иногда ссылаемся на номер буквы: «первую букву алфавита». Но измерение и выражение через число расстояний между буквами алфавита пока еще не стало выразительным средством художественного языка ни в прозаической, ни в поэтической речи.

Как известно, понимание смысловой стороны языка «на слух» предполагает способность мышления *выделять* его более мелкие единицы (слова) и опознавать их содержание. Лексические единицы языка – понятия – образуются на основе строгого порядка в соединении звуков, только на основе этого возникает смысл¹⁴. Из анаграммы – буквенного состава слова в алфавитном порядке – за редким исключением можно образовать только одно слово. При восприятии родного языка, в том числе в случаях большой скорости

¹⁴ Характерно, что абсолютно правильная с точки зрения ребёнка лексико-грамматическая форма отсутствует в языке и является одноразовым новым элементом (например, из наблюдений: рисовать «сёжа», юбочка «маликовата», «человек-гребсло»).

речевого потока, мы мгновенно соотносим понятие с явлением, за ним стоящим, исключая процесс анализа понятия с его структурной стороны (фонетической, морфологической). Понимание структурно-конструктивной стороны единиц речевого потока, например, с целью записать, образует уже следующий уровень владения языком.

Естественно, что в музыке нет аналога смысловой стороне речи, хотя термин «слово» иногда применяется к звукообразованиям в музыке. В данной статье во внимание принимается только фактор *величины* этих единиц. Сочетание музыкальных звуков не образует понятий, но образует само музыкальное *явление* («предмет»), которое может быть отражено звуками речи, вербально. Музыкальное мышление принципиально отличается от вербального, поскольку оперирует не понятиями, а образными представлениями «предметов», что часто связано с «внутренним слухом».

В отличие от языка порядок звуков, образующих мелодические обороты – небольшие фрагменты мелодии, по масштабу приближающиеся к лексическим единицам, – может сколь угодно меняться. То же касается и повтора отдельных звуков, который может бесконечно варьироваться. Тем не менее, наблюдения показывают, что и при восприятии музыки может проявиться мгновенное узнавание (вспомним радиопередачу «Угадай мелодию»). Да, узнавание мелодии доступно человеку, не знающему нот, т. е. неграмотному. Но определить ее звуковой состав (увы, не всегда) может только человек в той или иной степени владеющий музыкальным языком. В. Медушевский считает, что «языковой стороне музыкальных средств в сформировавшемся, “обученном” восприятии отвечают лишь процессы распознавания» [10, с. 21]. Владение языком предполагает умение *понимать* язык как со стороны эмоциональной характеристики поступающей информации, переданной через динамику, скорость и высотную интонацию, так и со стороны осознания его структурно-конструктивного компонента, так как понятийно-смысловой компонент в музыкальном языке отсутствует.

С целью выявить степень «обученности» восприятия мелодической «лексики» профессиональными музыкантами неоднократно проводился эксперимент. Его участники – студенты и преподаватели различных звеньев музыкального образования (слушатели курсов повышения квалификации). Эксперимент включал 5 этапов¹⁵. На первом, *констатирующем* этапе была зафиксирована *возможность опознавания* (т. е. мгновенного схватывания, минуя анализ) одного из известных элементов интонирования – движения мелодии по трезвучию, которое в разных вариантах ритмической и интонационной оформленности функционировало в качестве начального построения. Второй констатирующий этап был направлен на узнавание («понимание») в начале нескольких мелодий другого, не менее часто встречающегося мелодического образования. Эта стадия эксперимента показала, что на слух в языковом аспекте данные фрагменты не опознаются, их «понимание» требует подключения аналитического мышления. Третий и

¹⁵ Есть подробное описание эксперимента [3, с. 71–75].

четвертый этапы были *формирующими*. На основе классификации мелодических оборотов был освоен один из разделов «интонационного словаря» (по Асафьеву). Пятый, *контрольный* этап продемонстрировал совсем другой уровень восприятия: освоенные элементы опознавались без подключения аналитического мышления, мгновенно, как знакомые лексические единицы в вербальном языке.

С одной стороны, эксперимент показал, что проблема языковой «обученности» музыкального восприятия зависит, в том числе, и от принципов систематизации его «лексических» единиц, образующих «интонационный словарь». В частности, для мелодии в этой роли лучше всего выступают формулы-схемы или высотные «геометрические» *фигуры*, которые включаются в мышление музыканта не как простая сумма звуков, а как некая *матрица* – константная пространственная форма. Она выступает некоторым аналогом анаграммы и становится основой для разных мелодий¹⁶. С другой стороны, в отличие от языка вербального, которым можно овладеть стихийно, проблема владения музыкальным языком на любом уровне включает в себя освоение его элементов через обязательный тренинг, системность которого является прерогативой *образования*.

С опорой на изложенные положения в процессе исследования проблемы и по всей образовательной вертикали прошла апробацию модель освоения музыкального языка непосредственно в процессе музицирования¹⁷. Ведущие ориентиры выводятся путём интертекстуального анализа, трактуются как самостоятельно значимые художественно-эстетические ценности и осваиваются в креативных действиях. Опора на них для освоения единиц музыкального языка на разных уровнях (фразы, мелодического оборота или аккорда, отдельного звука) обеспечивает оперирование музыкальным материалом с наименьшей *отсрочкой звучания*, либо *запоминания*.

В качестве базы, позволяющей все высотные элементы музыкального языка переводить непосредственно на предметно-мануальный уровень, выступает клавиатура, структурированное игровое поле – своеобразный аналог уже освоенного человеком пространства настольных и спортивных игр. Геометрическая структурированность клавиатуры и нотной записи – один из факторов, указывающих на близость музыки с *точными* науками¹⁸.

Обозначенные положения нашли экспериментальное подтверждение в ряде учебных заведений России (музыкальных и немзыкальных). В этой связи была разработана серия инновационных программ («Основные элементы

¹⁶ Это отчасти проведено разработчиками музыкально-компьютерных программ по автоаккомпанементу и аранжировке.

¹⁷ Есть более подробное описание [4].

¹⁸ В частности, элементы музыки – звуки – и их графическое отражение в письменности осваиваются не без участия математических представлений числового или образно-геометрического характера. Именно в музыке числа не просто характеризуют величины, но перестают быть чистой абстракцией. В соответствии с именем-названием они конкретизируются, опредмечиваются, становясь «действующими лицами», «личностями», обретая плоть в звучании, в слухо-зрительно-тактильном облике сочетаний нот и клавиш (кнопок, пластинок). А сами математические показатели (количество элементов и их группировка в пространственную форму определенной величины) рука подает в более доступной по сравнению с голосом образной форме. Отсюда – особый акцент на *аппликатуру* с опорой на современные научные исследования [13].

музыкального языка и музыкальной письменности», «Клавирное сольфеджио» и др.), где музицирование легко объединяется со вторым по рейтингу пристрастием молодёжи – *компьютером*. Применение описываемой образовательной модели показало, что возможность удовлетворения запроса современного общества на владение языком музыки вполне может быть реализована любым контингентом желающих.

Список литературы

1. Асафьев Б. Музыкальная форма как процесс. – Л.: Музыка, 1971. – 376 с.
2. Ахманова О. Словарь лингвистических терминов. – М.: Советская энциклопедия, 1969. – 607 с.
3. Бергер Н. Мелодия: пространственные параметры. – СПб.: Композитор, 2010. – 206 с.
4. Бергер Н. Современная концепция и методика обучения музыке (Голос нот). – СПб.: Каро, 2004. – 368 с.
5. Бергер Н. Человек и музыка в XXI веке. Предпосылки обновления образовательной парадигмы. Германия, Саарбрюккен: Lambert, 2012, 135 с.
6. Бонфельд М. Музыка: язык, речь, мышление: опыт системного исследования музыкального искусства. – СПб.: Композитор, 2006. – 647 с.
7. Гаккель Л. Фортепианная музыка XX века. – Л.: Советский композитор, 1990. – 288 с.
8. Кирнарская Д. Музыкальные способности. Таланты – XXI век. – М.: Известия, 2004. – 493 с.
9. Лотман Ю. Анализ поэтического текста. Структура стиха. – Л.: Просвещение, 1972. – 271 с.
10. Медушевский В. В. О закономерностях и средствах художественного воздействия музыки. – М.: Музыка, 1976. – 254 с.
11. Назайкинский Е. Логика музыкальной композиции. – М.: Музыка, 1982. – 319 с.
12. Стравинский И. Хроника. Поэтика. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2004. – 368 с.
13. Эйсмонт Н. Заметки об аппликатуре. – СПб.: СПбГК им. Н. А. Римского-Корсакова, 2002. – 47 с.

References

1. Asafev B. Music Form as a Process [*Muzykalnaya forma kak process*]. Leningrad, Muzyka, 1971, 376 p.
2. Akhmanova O. Glossary of Linguistic Terms [*Slovar lingvisticheskikh terminov*]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya, 1969, 607 p.
3. Berger N. Melody: Spatial Parameters [*Melodiya: prostranstvennyye parametry*]. Saint Petersburg, Kompositor, 2010, 206 p.
4. Berger N. Modern Conception and Methods of Music Education (Voice of Notes) [*Sovremennaya koncepcia i metodika obucheniya muzyke (Golos not)*]. Saint Petersburg, Karo, 2004, 368 p.

5. Berger N. Human and Music in the XXI Century. Background of New Educational Paradigm [*Chelovek i muzyka v XXI veke. Predposylki obnoveniya obrazovatelnoy paradigmy*]. Germany, Lambert, 2012, 135 p.
6. Bonfeld M. Music: Language, Speech, Thought: A Sample of Systematic Study of Music [*Muzyka: Yazyk, Rech, Myshlenie: opyt sistemnogo issledovaniya muzykalnogo oskusstva*]. Saint Petersburg, Kompositor, 2006, 647 p.
7. Gakkel L. Piano Music of the XX Century [*Fortepiannaya muzyka XX veka*]. Leningrad, Sovetskiy kompozitor, 1990, 288 p.
8. Kirnarskaya L. Music Abilities. Talents of the XXI Century [*Muzykalnye sposobnosti. Talanty – XXI vek*]. Moscow, Izvestiya, 2004, 493 p.
9. Lotman Yu. Analysis of Poetic Text. Structure of Poetry [*Analiz poeticheskogo teksta. Struktura stikha*]. Leningrad, Prosveschenie, 1972, 271 p.
10. Medushevskiy V. V. On the Rules and Means of Music Esthetic Influence [*O zakonomernostyakh i sredstvakh khudozhestvennogo vozdeystviya muzyki*]. Moscow, Muzyka, 1976, 254 p.
11. Nazaykinskiy E. Logics of Music Composition [*Logika muzykalnoy kompozicii*]. Moscow, Muzyka, 1982, 319 p.
12. Stravinsky I. Chronicle. Poetics [*Khronika. Poetika*]. Moscow, Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya, 2004, 368 p.
13. Eismont N. Notes on the Fingering [*Zametki ob applikature*]. Saint Petersburg, SPbGK im. N. A. Rimskogo-Korsakova, 2002, 47 p.

УДК 53.08+612.85+78

Измерения как способ понимания языка музыки. Особенности экспериментального исследования*

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. (Проект «Формирование измерительной модели, связывающей музыкальное воздействие с эмоциями слушателей» № 15-04-00565).

Бакшеева Юлия Витальевна – федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения», кафедра бортовой радиоэлектронной аппаратуры, доцент, кандидат технических наук, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: baksheyeva@rambler.ru

190000, Россия, Санкт-Петербург, ул. Большая Морская, 67,
тел: +7 (812) 494-70-22.

Сапожникова Ксения Всеволодовна – Федеральное государственное унитарное предприятие «Всероссийский научно-исследовательский институт метрологии им. Д. И. Менделеева», лаборатория компьютеризированных датчиков и измерительных систем, заместитель руководителя лаборатории, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: k.v.s@vniim.ru

190005, Россия, Санкт-Петербург, Московский пр., д. 19,
тел: +7 (812) 948-54-61.

Тайманов Роальд Евгеньевич – Федеральное государственное унитарное предприятие «Всероссийский научно-исследовательский институт метрологии им. Д. И. Менделеева», лаборатория компьютеризированных датчиков и измерительных систем, руководитель лаборатории, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: taymanov@vniim.ru

190005, Россия, Санкт-Петербург, Московский пр., д. 19,
тел: +7 (812) 948-54-61.

Авторское резюме

Состояние вопроса: При оценке эмоциональной выразительности музыки музыковеды в настоящее время опираются, в основном, на экспертные мнения. Однако для дальнейшего развития теории музыки и разработки способов усиления ее воздействия на слушателей эффективнее были бы объективные методы количественной оценки на основе измерительной модели, выявляющие в музыке характерную языковую структуру. Это даст возможность по записи исполнения измерить наиболее вероятные параметры процесса возникновения и развития эмоций у предполагаемого слушателя.

Результаты: В музыке «закодированы» эмоции, и важнейшая операция по их расшифровке – нелинейное преобразование воспринятых звучаний.

* © Ю. В. Бакшеева, К. В. Сапожникова, Р. Е. Тайманов, 2015.

Построена модель измерений эмоций, ожидаемых при прослушивании музыки, включающая в себя три ступени. Модель отображает вероятный «механизм» формирования эмоций. На первой ее ступени происходит рождение базовых эмоций, на второй – общечеловеческих (базовых эмоциональных образов, число которых ограничено). На третьей ступени формируются культурно-обусловленные эмоциональные образы, связанные с особенностями национального менталитета и культуры, историей семьи, личными воспоминаниями и т. п. Измерения нейрофизиологических реакций мозга дает возможность разработать и обосновать шкалу базовых эмоций и раскрыть ее связь с диапазоном частот биоритмов мозга.

Область применения результатов: Исследования на основе предложенной измерительной модели открывают новые возможности для прикладных работ в области теории музыки и музыковедения, теории музыкальных инструментов, медицины, автоматического перевода речи, эмоциональной настройки человека, инструментального контроля уровня развития его эмоциональной сферы и т. п.

Выводы: Первые эксперименты по измерению эмоционального содержания некоторых фрагментов музыки, подтвердившие основные теоретические представления, дали основание для вывода об эффективности выбранного направления разработки измерительной модели, связывающей музыкальное воздействие с эмоциями слушателей.

Ключевые слова: измерение; восприятие музыки; эмоции; измерительная модель; биоритмы мозга; нелинейное преобразование звучаний.

Measurements as a Way of Interpreting the Language of Music. The Features of Experimental Study

Baksheeva Yulya Vitalevna – Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Department of On-board Radioelectronic Systems, associate professor, Ph. D. (technical sciences), Saint Petersburg, Russia.

E-mail: baksheyeva@rambler.ru

67, Bolshaya Morskaya ul., Saint Petersburg, Russia, 190000,
tel: +7 (812) 494-70-22.

Sapozhnikova Kseniya Vsevolodovna – D. I. Mendeleyev Institute for Metrology, Laboratory for Computerized Sensors and Measuring Systems, deputy head of laboratory, Saint Petersburg, Russia.

E-mail: k.v.s@vniim.ru

19, Moskovsky pr., Saint Petersburg, Russia, 190005,
tel: +7 (812) 948-54-61.

Taymanov Roald Evgenevich – D. I. Mendeleyev Institute for Metrology, Laboratory for Computerized Sensors and Measuring Systems, head of laboratory, Saint Petersburg, Russia.

E-mail: taymanov@vniim.ru

19, Moskovsky pr., Saint Petersburg, Russia, 190005,
tel: +7 (812) 948-54-61.

Abstract

Background: Interpretation of the language of music as the language of communication implies that a special structure exists in music, which is representative for language. While estimating the emotional expressiveness of music, expert opinions are generally taken into consideration. However, for the further musical theory development and its influence improvement on listeners, some objective methods of estimation on the basis of a measurement model, which indicates a special language structure, seem to be more effective. This interpretation makes it possible to measure, according to the performance recording, the most probable parameters of the process of emotion generation and development, which a potential listener can experience.

Results: Emotions are coded in music; the most important operation to decode them is a nonlinear conversion of perceived sound ensembles. The proposed model of emotion measurement includes three stages. The model reflects the probable 'mechanism' of emotion generation. In the first stage the generation of basic emotions occurs, in the second one human emotions appear (i. e. basic emotional images, the number of which is limited). In the third stage some culture-oriented emotional images are conjured up, they being associated with national mentality and culture, family history, personal reminiscences, etc. The measurement of some neurophysiologic reactions enables us to provide and verify the scale of basic emotions and to show its relationship with the range of brain biorhythm frequency.

Research implications: The study conducted on the basis of the measurement model proposed gives some new opportunities for applied investigations in musical theory and musicology, musical instrument theory, medicine, computer translation, human emotional mood, etc.

Conclusion: The first experiments on emotional content measurement of some pieces of music have confirmed the effectiveness of the measurement model proposed. It helps to understand the connection between musical influence and listener emotions.

Keywords: measurement; music perception; emotions; measurement model; brain biorhythms; nonlinear conversion of sound ensembles.

Введение

Философ А. Шопенгауэр и поэт Г. Лонгфелло едины в определении музыки как всемирного языка, не требующего перевода и говорящего не о вещах, а о различных эмоциях. Однако объяснений, почему этот язык эмоций понимают во всем мире, сегодня нет.

При оценке эмоциональной выразительности музыки, т. е. ее способности передать эмоции, музыковеды используют, в основном, экспертные оценки. Анализ влияния на такую оценку отдельных структурных и исполнительских элементов музыкального воздействия вызывает затруднения, связанные с необходимостью в этом случае отделить влияние факторов, характеризующих

услышанное (структура фрагмента, диапазон частот, ритм, специфика исполнения – агогика, громкостная динамика, тембр, интонирование и т. д.), от воздействия факторов, характеризующих слушателя (физическое состояние, настроение, музыкальная подготовка, наличие воспоминаний об этой музыке, ассоциации с ней и т. п.). Задача осложнена и тем, что ассоциации, возникающие при восприятии музыки, могут носить личный характер, а нередко они связаны с историей общества и его культурой, могут объединить или разделить слушателей.

Для дальнейшего развития теории музыки, методов усиления ее воздействия на слушателей, наконец, для совершенствования музыкальных инструментов сегодняшние подходы к оценке эмоциональной выразительности музыки, по мнению авторов, малоэффективны. Эмоциональная выразительность музыки определяется богатством и взаимосвязанностью эмоций, возбуждаемых ею у слушателей. Как определить, имея лишь запись исполняемой музыки, какой спектр эмоций она вызовет у потенциального среднестатистического слушателя, принадлежащего к определенной социокультурной группе? Подсказка содержится в известной фразе лорда Кельвина: «Каждая вещь известна лишь в той степени, в какой ее можно измерить».

Эту фразу для рассматриваемой ситуации можно трактовать как необходимость выявить в музыке характерную для языка структуру, содержащую ограниченный ряд простейших компонентов, стимулирующих рождение эмоций, и неопределенное множество последовательностей из групп таких компонентов, увеличивающих эмоциональную выразительность услышанного.

Такое понимание дает основание для построения модели измерений, которая, в свою очередь, даст возможность измерения по записи исполнения музыки наиболее вероятных параметров процесса возникновения и развития эмоций у ее предполагаемого слушателя.

Любые измерения предполагают, прежде всего, строгое определение измеряемой величины.

Общепринятого определения термина «эмоция» сегодня нет: различные авторы используют несовпадающие его трактовки [2; 3; 6; 7].

Наиболее убедительной представляется трактовка эмоции как рефлекторной психофизиологической реакции, связанной с проявлением пристрастного отношения человека (или животного) к возникшей ситуации и к обусловленным этим отношением его действиям, способствующим сохранности организма и популяции. Это определение близко к тому, которое предложено Е. П. Ильиным [3, с. 35]. Внешнее проявление эмоции ориентировано на передачу информации об отношении к возникшей ситуации другим членам популяции. Оно может отличаться в зависимости от ситуации, а применительно к человеку, и от его воли. Когда речь идет об эмоциях, возникающих в процессе прослушивания музыки, внешние проявления не обязательно важны. Неслучайным является выражение «слушать музыку, затаив дыхание». Для того, чтобы исключить ту часть реакции, которая связана

с формированием внешнего проявления эмоции, за основное внутреннее проявление эмоции принимается характерная нейрофизиологическая реакция, регистрируемая на электроэнцефалограмме (ЭЭГ).

Метрологи до недавнего времени теорией музыки не занимались, хотя, по существу, многие положения этой теории опираются на экспериментально установленные (т. е. полученные в результате измерений) факты. В частности, установленный в древности эффект гармонии при прослушивании звуков, частоты которых находятся в целочисленном соотношении, и дискомфорт при их отличии от этого соотношения дал основание для построения пифагорейского строя. Позднее выяснилось, что звучание основных интервалов такого строя при расширении звукоряда и усложнении структуры музыки вызывает ощущение «фальши». Это обстоятельство потребовало оценки границ допустимых отклонений соотношений звуков от их целочисленных значений, что привело к созданию равномерно-темперированного строя.

Изучение возможности измерения наиболее вероятных параметров процесса возникновения и развития эмоций при прослушивании музыки требует разработки модели измерений.

В настоящей статье рассматривается вариант модели измерений ожидаемых эмоций, программа исследований, направленных на ее обоснование и предварительные результаты первого ее этапа.

1. Модель измерений ожидаемых эмоций

Эмоции, как и многие другие величины, характеризующие человека, – функции значений разных величин. Для измерения ожидаемых эмоций надо установить их связь с определяющими эмоции величинами, значения которых могут быть измерены при сегодняшнем уровне развития науки и техники. Установление этих связей означает разработку модели измерений, которая, по существу, является моделью «механизма» формирования эмоций.

Разработка модели опиралась на представление о том, как эмоции развивались в процессе эволюции нервной системы животных и их связей в социуме. Это представление сформировалось у авторов на основе известных сведений и на ряде выдвинутых ими гипотез, позволивших согласовать эти сведения [5; 9–11].

Жизнь зародилась в воде, и ощущением, обеспечивающим «общение» с внешним миром, было лишь осязание. Для выживания популяции память о значимых воздействиях окружающего мира на животных и жизненно важных ответных реакциях на них необходимо было сохранить. Вследствие инерционности эффекта осязания такие воздействия и реакции по динамическим характеристикам могли относиться только к инфранизкочастотному и низкочастотной части звукового (далее – ИНЧ) диапазона. Память о значимых воздействиях (далее – сигналах-стимулах) и полезной реакции на них – древнейших «эмоциях», вероятно, была закреплена генетически путем формирования соответствующих по частоте биоритмов. (Передача информации, закодированной по частоте, как следует из теории радиосвязи, обеспечивает ее повышенную надежность).

В процессе эволюции животные вышли на сушу и оказались в значительно менее плотной среде, что повлекло за собой создание органов восприятия и воспроизведения более высокочастотных звуковых воздействий.

«Изобретенное» природой сочетание нелинейного преобразования звуковых воздействий и инерционности при восприятии результата преобразования позволило использовать полученные ранее знания о жизненно важных ИНЧ воздействиях и необходимой реакции на них. Такой механизм обеспечил формирование комбинационных ИНЧ колебаний, несущих необходимую информацию, из нелинейно преобразованных звуковых воздействий.

При передаче этой информации от одного животного другим с помощью биолингвистических звуковых сигналов их адресность (близко или далеко находятся члены популяции, которым направлена передаваемая информация), по-видимому, должна определяться зоной частот энергетического максимума звучания: более высокие частоты в звуковом диапазоне голосового аппарата способствуют увеличению направленности и, соответственно, дальности передачи информации.

Выживание вида на каждой следующей ступени эволюции требовало все большей дифференциации возникающих ситуаций и, соответственно, все большего количества психофизиологических реакций на них, в том числе обусловленных памятью о последствиях прошлых действий. Поскольку частоты сигналов-стимулов ограничены диапазоном, примерно, от единиц до 30–50 Гц, наиболее вероятно, что обогащение эмоций стало происходить на начальной стадии путем повышения частот биоритмов, а затем – за счет формирования эмоций несколькими сигналами-стимулами. Такие сложные эмоции авторы именуют эмоциональными образами.

Содержательная эмоциональная информация у более развитых животных, вероятно, стала формироваться на основе объединения образов в определенной последовательности. На высших ступенях развития биосферы структура эмоционального биолингвистического общения должна напоминать структуру речи – с ограниченным набором звуков, большим количеством слов и передачей содержательной информации фразами.

Изложенное выше представление о развитии эмоций согласуется с их классификацией [7], которая выделяет эмоции:

- основные (базовые) – врожденные и всеобщие, регулируемые подкорковой частью мозга;
- высшие когнитивные, связанные с той частью коры мозга, которая сформировалась в последние 5–10 миллионов лет (по нашей терминологии – базовые эмоциональные образы);
- культурно-обусловленные, сформированные воспитанием.

Из рассмотренного выше представления об эволюции эмоций следует, что их возбудителями являются сигналы-стимулы, выделяемые в мозгу в результате нелинейного преобразования услышанных звучаний и последующей селекции ИНЧ комбинационных колебаний. Это положение позволило

приступить к разработке модели измерений, но далее оказалось необходимым выдвинуть ряд дополнительных гипотез:

- для получения необходимого эффекта при звучании меняющихся по частоте звуков, на нелинейное преобразование должна поступать смесь звуков, непосредственно воспринимаемых и задержанных, услышанных на 0,15–0,3 сек. ранее (задержка соответствует длительности формирования эмоций, оцененной в [1]);

- эмоциональная окраска сигналов-стимулов должна соответствовать шкале базовых эмоций, которая, в свою очередь, должна быть согласована с частотами биоритмов мозга (возможно, что при этом наименования градаций этой шкалы будут уточнены);

- в модели должны присутствовать три отличающиеся ступени, формирующие различные типы эмоций по [7], причем две последние ступени должны предусматривать распознавание образов.

Изложенные выше положения дали возможность построить 3-х ступенчатую модель измерений ожидаемых эмоций при прослушивании музыки (рис.1), в которой:

- на 1-й ступени происходит рождение базовых эмоций;
- на 2-й – появляются общечеловеческие (базовые) эмоциональные образы, число которых ограничено;
- на 3-й – формируются культурно-обусловленные эмоциональные образы, связанные с особенностями национального менталитета и культуры, историей семьи, воспоминаниями и т. д.

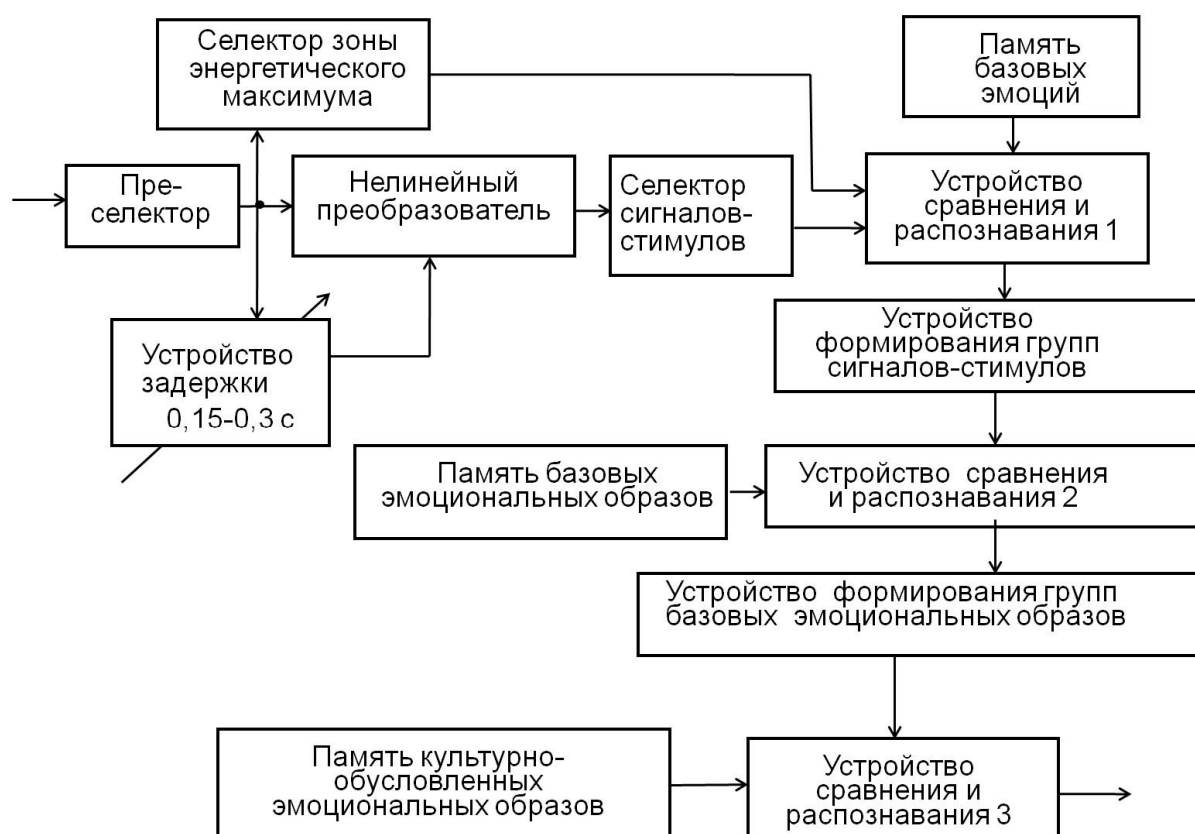

Рис.1. Модель измерений ожидаемых эмоций при прослушивании музыки.

Эта модель может быть описана следующим алгоритмом.

1-я ступень:

- запоминание услышанных звучаний (на 0,15 – 0,3 с);
- смешение услышанного звучания с ранее запомненным;
- нелинейное преобразование смешанных колебаний;
- селекция комбинационных ИНЧ колебаний;
- идентификация (по частоте) эмоциональной окраски сигналов-стимулов, отличающихся заметно повышенным, сравнительно с остальным спектром, уровнем;
- при достаточно малой скорости изменения частоты этих компонентов – формирование соответствующей базовой эмоции.

2-я ступень:

- при последовательном поступлении базовых эмоций от 1-ой ступени – формирование их в группы от 2-х до 3-х в зависимости от скорости поступления;
- идентификация эмоциональной окраски этих групп путем сопоставления их с базовыми эмоциональными образами; при достаточно малой скорости изменения этих групп – формирование базового эмоционального образа.

3-я ступень:

- при поступлении базовых эмоциональных образов и эмоций от 2-й ступени – сравнение их групп (по-видимому, включающих не более 3-х в каждой) и попытка идентификации с культурно-обусловленными образами, фиксированными в ассоциативной памяти.

Различие эмоций по сложности и происхождению структурирует поток эмоций, возникающий при прослушивании музыки, способствуя восприятию ее эмоционального содержания.

2. Программа исследований

Исследования, направленные на обоснование измерительной модели, целесообразно разделить на этапы:

1. Проверка, а при необходимости – корректировка предложенной модели измерений в части, связанной с формированием сигналов-стимулов, рождающих базовые эмоции.

2. Разработка и обоснование шкалы базовых эмоций и ее связи с диапазоном частот биоритмов мозга. (Предполагается за основу взять классическую шкалу Изарда [2]. В процессе исследования вероятна ее коррекция, поскольку связь градаций классической шкалы с частотами биоритмов не установлена. Известна шкала, связывающая активированные биоритмы бодрствующего человека с его настроением, но градации этой шкалы не адекватны градациям шкалы Изарда).

3. Разработка и обоснование шкалы сложных эмоций – базовых эмоциональных образов, формируемых группами базовых эмоций.

4. Разработка и обоснование шкалы сложных, культурно-обусловленных эмоций – эмоциональных образов, формируемых группами базовых эмоций.

5. Исследование эффективности сформированной модели измерений для количественной оценки эмоциональной выразительности музыкальных фрагментов и решения ряда прикладных задач в области музыковедения, психологии, медицины и некоторых других.

На последнем этапе предполагается осуществить объективный анализ эмоциональной выразительности музыкальных фрагментов в различном исполнении.

Каждый этап предполагает разработку эффективных методик экспериментов с обязательным учетом разнообразных факторов, влияющих на результат, – метрологических, психологических, музыковедческих и нейрофизиологических.

В частности, на начальной стадии первого этапа потребовалось разработать методику, позволяющую достоверно оценить связь между теоретически предсказанной и экспериментально полученной на ЭЭГ нейрофизиологической реакцией на определенные звуковые воздействия, которые – согласно модели – должны приводить к формированию сигналов-стимулов с известными частотами.

Опыт разработки этой методики иллюстрирует метрологические особенности измерений в выполняемом исследовании.

Эксперименты проводились с участием нейрофизиологов, докторов биологических наук О. М. Базановой и Е. Д. Николенко, а в качестве испытуемых принимали участия заинтересованные лица разного пола и возраста.

Звуковые воздействия (предъявления) представляли собой тонические трезвучия. Для исключения влияния субъективных факторов на их воспроизведение трезвучия были синтезированы на компьютере. Принятая в первых экспериментах стандартная методика предусматривала запись ЭЭГ в тишине с открытыми и закрытыми глазами, а затем предъявление испытуемому, глаза которого должны были быть закрыты, серий по 20 одинаковых воздействий с паузами между ними.

На основе записей ЭЭГ, полученных приборами БОСЛАБ и МИЦАР, с помощью преобразования Фурье со скользящим окном были построены спектрограммы, использованные далее для анализа.

3. Методики исследований с применением ЭЭГ и перспективы их совершенствования

Эксперименты подтвердили, что испытуемых нужно выбирать из молодежи, поскольку с возрастом увеличивается сопротивление костей черепа и падает чувствительность измерений электрических проявлений нейрофизиологической реакции. При этом эксперименты выявили, что у самых молодых испытуемых после звукового воздействия на ЭЭГ появляются биоритмы с предсказанными частотами.

Стремление к сокращению трудозатрат на проведение экспериментов и к повышению достоверности их результатов вызвало необходимость критически

проанализировать использованную методику и провести поиск путей ее оптимизации.

Анализ типичной спектрограммы, полученной у испытуемого с закрытыми глазами в тишине (рис. 2), показывает, что на ЭЭГ влияет множество разнородных процессов.

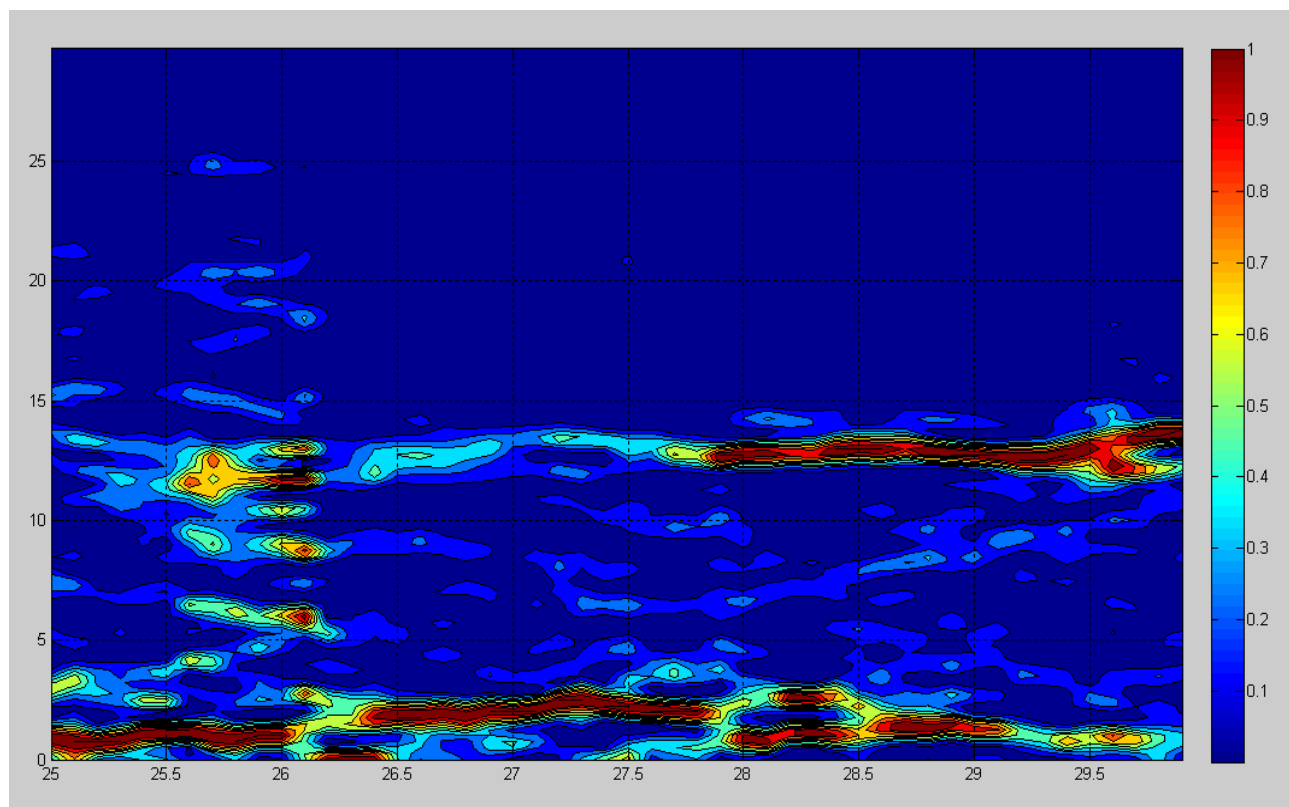

Рис 2. Пример типичной спектрограммы, построенной по ЭЭГ, записанной у испытуемого с закрытыми глазами в тишине. По оси X – время, с., по оси Y – частота, Гц. Цветом кодируется относительное значение спектральных составляющих (от 0 до 1).

На спектрограмме видны фрагменты с ярко выраженным максимумом альфа-ритма в зоне, примерно, 12–13 Гц, синхронные всплески в широкой полосе частот, по-видимому, физиологической природы, а также всплески случайного характера на разных частотах, вызванные возникшими мыслям и другими причинами.

В такой ситуации обработка всей совокупности данных неэффективна. Целесообразно, опираясь на принятую модель измерений и четко сформулированную цель эксперимента, ограничить при обработке результатов область анализа.

На стадии подготовки эксперимента необходима также предварительная «калибровка» испытуемых. Ее цель – приведение их в нейтральное (в эмоциональном отношении) состояние. Кроме того, если эксперимент предполагает анализ реакций на предъявляемые звуковые воздействия, полезно предусмотреть измерение частоты максимума альфа-ритма испытуемого и подобрать такие звуковые воздействия, чтобы частота вызванных ими реакций не совпадала с частотой максимума его альфа-ритма.

Формирование ряда звуковых предъявлений требует учета специфики работы мозга. Мозг всегда ищет новую информацию и быстро «теряет интерес» к тому, что уже известно. В процессе проведения эксперимента было зафиксировано, что ожидаемая реакция в мозгу возникала после первого предъявления, обычно отсутствовала при последующих (рис. 3), но иногда возникала как бы случайно в ответ на более поздние предъявления. Вывод: звуковые воздействия следует объединять в группы с разными ИНЧ компонентами, образуемыми после нелинейного преобразования, причем предъявлять их надо в неизвестном испытуемому порядке.

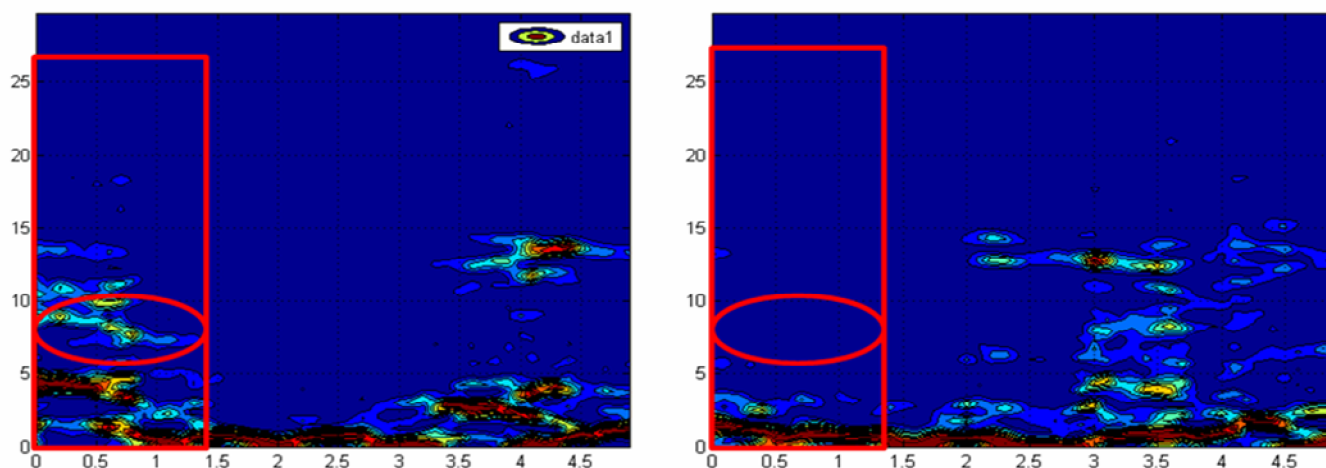

Рис. 3. Пример реакции мозга на предъявления трезвучия соль-мажор длительностью 1,5 с. (ИНЧ компонента – 8,5 Гц): слева – первое предъявление, справа – второе предъявление.

Существенный фактор – длительность прослушивания ряда предъявлений. Опасна потеря внимания к звуковым воздействиям, отвлечение испытуемого на собственные ощущения и размышления, если предъявлений слишком много и длительность эксперимента велика. Подготовка к эксперименту занимает заметное время, вследствие чего сокращение количества предъявлений мало влияет на его длительность, но снижает эффективность. Выход из этой ситуации может быть связан с формированием интереса испытуемого к предъявляемым разнообразным звучаниям. Например, интерес может возникнуть в ответ на стимулируемое предложение найти закономерности в их распределении во времени, в особенностях звучания и т. д.

Облегчить выделение нейрофизиологической реакции, связанной с рождением эмоции, от множества похожих, но обусловленных иными причинами, могут специальные меры, например, подача звуковых возбуждений в функции от дыхания, задержка дыхания по команде и т. д.

Особенность выбора метода обработки данных обусловлена нестационарным характером нейрофизиологического процесса, регистрируемого на ЭЭГ, и значительным уровнем нестационарных помех, вызванных нейрофизиологическими процессами, не связанными с формированием эмоции.

Для ослабления влияния помех при обработке результатов целесообразно:

– ограничить рассматриваемый диапазон частот относительно узкой зоной, где ожидается появление реакции;

– при необходимости – выявить корреляцию между ИНЧ частью воздействия и реакцией;

– наконец, провести дополнительные измерения мышечной реакции, частоты сердечных сокращений, частоты дыхания, температуры и выполнить совместную с ними обработку сигналов ЭЭГ с фильтрацией явных помех.

Среди известных и широко распространенных методов обработки нестационарных процессов – преобразование Фурье в скользящем окне (спектрограмма) и вэйвлет-преобразование. Ни тот, ни другой метод нельзя признать полностью удовлетворительным для решаемой задачи.

В исследуемой модели измерений используется понятие частоты, что стимулирует применение преобразования Фурье как более соответствующее рассматриваемой задаче.

Преобразование Фурье в скользящем окне имеет простой физический смысл, не требует значительных вычислительных ресурсов, имеет хорошее быстродействие. Однако оно обладает разной точностью для компонентов с разными частотами в исследуемом процессе. Большое значение имеет форма временного окна и его длительность. Эффективный выбор этих параметров предполагает предварительную, пусть гипотетическую, информацию о процессе.

Вэйвлет-преобразование в настоящее время широко используется как в задачах анализа, так и при обработке сигналов. Однако существует много разновидностей вэйвлетов, причем при использовании разных вэйвлетов будут получены разные результаты, что делает результаты не абсолютными, а относительными. Перевод масштаба вэйвлета в частоту – дополнительная операция.

Один из перспективных вариантов – применение так называемого «сложного базиса» [8]. Основная цель его применения состоит в поиске преобразования исходного сигнала ЭЭГ, дающего малое число составляющих. Исходный Фурье-спектр – недостаточно информативен: большое число спектральных гармонических составляющих не позволяет составить адекватное представление об истинных основных частотах сложных по форме колебания, содержащих обертона. Поэтому представляется перспективным использование сложного базисного сигнала, синтезированного из исходных гармонических. В итоге, спектр исследуемого сигнала будет содержать малое число составляющих, что позволит выделять основные компоненты в составе реакции мозга, а также предоставит возможности для сравнительного анализа тонкой структуры сигналов-стимулов. Подобный подход представляется интересным при анализе веретенообразного характера альфа-ритма, оценке спектра ИНЧ компоненты предъявляемого звукового воздействия и пр.

Рассмотренные выше программа работ и методы ее реализации могут корректироваться с учетом результатов, получаемых в ходе выполнения работы.

Заключение

Первые эксперименты дали основание для уверенности в том, что измерительная модель, связывающая музыкальное воздействие с эмоциями слушателей, может быть разработана.

Упрощенная шкала, связывающая активированные биоритмы бодрствующего человека с его настроением, дала возможность с помощью специальной программы опробовать работу первой ступени модели измерений. Оказалось возможным «прочитать» эмоциональное содержание этнической африканской музыки и колокольных звонов, сопровождающих похороны и праздники, увидеть разницу в темпах эмоционального развития младенцев по их вокализациям [5; 8–11].

Коллектив, сформированный для выполнения работы, включает увлеченных темой метрологов и нейрофизиологов, математика и психологов, музыковедов и арт-терапевтов. Это обстоятельство дает основание рассчитывать, что в течение ближайших лет будут получены новые интересные результаты.

Исследования на основе предложенной измерительной модели открывают большие возможности для последующих прикладных работ в области:

- теории музыки и музыковедения;
- теории музыкальных инструментов;
- автоматического перевода речи;
- медицины;
- эмоциональной настройки человека;
- инструментального контроля уровня развития эмоциональной сферы человека;
- этологии и т. д.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект «Формирование измерительной модели, связывающей музыкальное воздействие с эмоциями слушателей» № 15-04-00565).

Список литературы

1. Варягина О., Хроматиди А., Браттико Э., Новицкий Н., Терваниеми М. Негативность рассогласования как показатель изменения тональной схемы последовательности аккордов // Сенсорные системы. – 2006. – Т. 20. – № 3. – С. 180–186.
2. Изард К. Э. Психология эмоций / Пер. с англ. – СПб.: Питер. – 2006. – 464 с.
3. Ильин Е. П. Эмоции и чувства. 2-е изд. (Серия «Мастера психологии»). – СПб.: Питер, 2013. – 783 с.
4. Лэнгле А. Что движет человеком? Экзистенциально-аналитическая теория эмоций / Пер. с нем. 2-е изд. – М.: Генезис, 2009. – 235 с.
5. Тайманов Р. Е., Сапожникова К. В. Новые научные направления в метрологии // Мир измерений. – 2012. – № 2 (132). – С. 40–47.

6. Экман П. Психология эмоций. Я знаю, что ты чувствуешь. 2-е изд. (Серия «Сам себе психолог») / СПб.: Питер, 2010. – 334 с.
7. Эванс Д. Эмоции / Пер. с франц. – М.: Астрель; АСТ, 2008. – 192 с.
8. Baksheeva Yu., Sapozhnikova K., Taymanov R. Model for Emotion Measurements in Acoustic Signals and Its Analysis // *Advances in Mathematical and Computational Tools in Metrology and Testing X. Series on Advances in Mathematics for Applied Sciences*. – Singapore: World Scientific, 2015. – Vol. 86. – pp. 90–97.
9. Taymanov R., Sapozhnikova K. Measurements Enable Some Riddles of Sounds to Be Revealed // *Key Engineering Materials*. – 2014. – Vol. 613. – pp. 482–491. DOI: 10.4028/www.scientific.net/KEM.613.482.
10. Taymanov R., Sapozhnikova K. Improvement of Traceability of Widely-Defined Measurements in the Field of Humanities // *Measurement Science Review*. – Vol. 10. – 2010. – № 3. – pp. 78–88.
11. Taymanov R., Sapozhnikova K. Measurement of Multiparametric Quantities at Perception of Sensory Information by Living Creatures // *EPJ Web of Conferences*. – 2014. – Vol. 77. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.epj-conferences.org/articles/epjconf/pdf/2014/14/epjconf_icm2014_00016.pdf (дата обращения 04.07.2015). DOI: 10.1051/epjconf/20147700016.

References

1. Varyagina O., Khromatidi A., Brattiko E., Novitskiy N., Tervaniemi M. Mismatch Negativity as Indicator of Changing Tonal Scheme of Chord Sequence [Negativnost rassoglasovaniya kak pokazatel izmeneniya tonalnoy skhemy posledovatelnosti akkordov]. *Sensornye sistemy* (Sensor systems), Vol. 20, 2006, № 3, pp. 180–186.
2. Izard C. E. The Psychology of Emotions [*Psikhologiya emotsiy*], Saint Petersburg, Piter, 2006, 464 p.
3. Ilin E. P. Emotions and Feelings [*Emotsii i chuvstva*]. Saint Petersburg, Piter, 2013, 783 p.
4. Längle A. What Drives a Man? The Existential-Analytic Theory of Emotions [*Chto dvizhet chelovekom? Ekzistentsialno-analiticheskaya teoriya emotsiy*], Moscow, Genezis, 2009, 235 p.
5. Taymanov R. E., Sapozhnikova K. V. New Trends in Metrology [Novye nauchnye napravleniya v metrologii]. *Mir izmereniy* (The Measurements World), 2012, № 2 (132), pp. 40–47.
6. Ekman P. Emotions Revealed: Recognizing Faces and Feelings to Improve Communication and Emotional Life [*Psikhologiya emotsiy. Ya znayu, chto ty chuvstvuesh*]. Saint Petersburg, Piter, 2010, 334 p.
7. Evans D. Emotion [*Emotsii*]. Moscow, Astrel, AST, 2008, 192 p.
8. Baksheeva Yu., Sapozhnikova K., Taymanov R. Model for Emotion Measurements in Acoustic Signals and Its Analysis. *Advances in Mathematical and Computational Tools in Metrology and Testing X. Series on Advances in Mathematics for Applied Sciences*, Singapore, World Scientific, 2015, Vol. 86, pp. 90–97.

9. Taymanov R., Sapozhnikova K. Measurements Enable Some Riddles of Sounds to Be Revealed. *Key Engineering Materials*, 2014, Vol. 613, pp 482–491. DOI: 10.4028/www.scientific.net/KEM.613.482.

10. Taymanov R., Sapozhnikova K. Improvement of Traceability of Widely-Defined Measurements in the Field of Humanities. *Measurement Science Review*. 2010, Vol. 10, № 3, pp. 78–88.

11. Taymanov R., Sapozhnikova K. Measurement of Multiparametric Quantities at Perception of Sensory Information by Living Creatures. EPJ Web of Conferences, 2014, Vol. 77, Article Number 00016. Available at: http://www.epj-conferences.org/articles/epjconf/pdf/2014/14/epjconf_icm2014_00016.pdf (accessed 04 July 2015). DOI: 10.1051/epjconf/20147700016.

UDC 78.04

Interconnections: Spatial and Temporal Representation within Image and Sound*

Anastasya Koshkin – University of Wisconsin – Milwaukee, Department of Music, teaching assistant, Milwaukee, USA.

E-mail: ankoshkin@yahoo.com
2400 E Kenwood Blvd, Milwaukee, WI 53211, USA,
tel: +1 414-229-1122.

Abstract

Ethnographic work of Benjamin Ives Gilman in the “Hopi Songs” is a prominent work in ethnomusicology as it relates to an example of an imaginative interpretation of music. Gilman's documentation of the Hopi melody and a visual interpretation of the diatonic scale create an imaginative expression of the “Hopi Songs” alongside the western musical tradition. This study takes inspiration from Gilman's study in which the use of symbolism serves as an indication of content engaging the intercultural imagination. In this study two distinct languages act as one within the materiality of musical expression, developing an instance of universality in language and sound. Musical and linguistic landscapes pertaining to the Russian and English languages serve as interconnections integrating language and music-based sound and sonic representation. Via the author's musical work “Siberian Waves” language, it is a focus of this analysis where an event of language based expression precedes the musical event. In this study capturing music and language within systems of signs such as musical transcription and notation, and with digital media, presents an effort to extend music toward wider notions of culture and identity.

Keywords: music; folklore; image; visual perception; audio perception.

Взаимосвязи: пространственные и временные репрезентации в образе и звуке

Анастасия Кошкин – Университет Висконсин – Милуоки, факультет музыки, преподаватель, Милуоки, Соединенные Штаты Америки.

E-mail: ankoshkin@yahoo.com
2400 E Kenwood Blvd, Milwaukee, WI 53211, USA,
тел.: +1 414-229-1122.

Авторское резюме

Этнографический труд Бенджамина Айвза Гилмана «Песни народа хопи» является значительным вкладом в развитие этномузыкологии, представляя собой пример образного понимания музыки. Свидетельства Гилмана о мелодии народа хопи и зрительная интерпретация диатонической шкалы создают образную выразительность «Песен народа хопи» наравне с западной

* © A. Koshkin, 2015.

музыкальной традицией. Вслед за исследованием Гилмана данная работа рассматривает символичность как показатель вовлеченности межкультурной выразительности. В данном исследовании два различных языка действуют совместно в рамках музыкального высказывания, реализуя универсальность языка и звука. Музыкальные и языковые картины мира, свойственные русскому и английскому языкам, являются средством взаимопонимания, объединяющим язык и музыкальное представление. В рамках анализа собственного сочинения «Siberian Waves» автор рассматривает особенности построения музыкальной фразы на базе предшествующего языкового выражения. В данном исследовании в рамках рассмотрения музыки и языка при помощи таких знаковых систем, как музыкальная транскрипция и нотация, а также при помощи цифровых средств представлена попытка распространить музыку на более широкие понятия культуры и идентичности.

Ключевые слова: музыка; народная музыка; образность; визуальное восприятие; звуковое восприятие.

The Terrestrial Environment

Working with visuals and sounds as forms of embodied experience, we may communicate the presence of distance within the material world. Contours and boundaries of the external world may be brought toward human comprehension via visual and auditory stimuli. The material world is a terrestrial surface where earth and air meet. The environment between earth and air is filled with materials of light and sound, which are reflected and absorbed. The medium of image and sound may be viewed within an ecological framework to explore avenues of engaging with the external world. Photography and film create imprints of places in time. The photograph may capture a presence of a particular place and a quality of a particular landscape. Similarly, the medium of sound such as recorded sound may be viewed as a temporal imprint of a certain place in time.

Psychologist James Gibson writes that there are granules of sand scattered all over the terrestrial environment of more or less uniform size. Gibson draws a distinction between the notion of space as a uniform unit of measurement and the notion of space as a composition of a vast diversity. Within the terrestrial environment distances are filled with unique phenomena and change. The English etymology of the word “distance” has evolved from the Latin origin “to stand apart” [8, p. 131]. The terrestrial environment is composed of distances that stand apart as variables of unique material. The phenomenon of human perception of the visual and the sound-based is particularly interesting. Interdisciplinary fields of study in relation to the visual and sound may be employed in order to address the embodied experience of distance.

The Embodied Experience within Contemporary Culture

Perceptions of distance and spaciousness are a source of knowledge and a form of embodied experience. With the advent of civilization more complex social and political orders were formed, framing notions of distance and space in a particular

way. In “The Mass Ornament: Weimer Essays” Siegfried Kracauer explores the concept of “mute nature” as a spatial environment that is seldom given a voice in contemporary culture [14, p. 61]. Environments of nature are often seen unknown and unmanageable.

Distance within a spatial environment may be approach within an ecological approach. Contact with the terrestrial environment is ultimately an embodied experience. It is nested and embedded within the material world. The realm of digital media takes an interest in recreating embodied experience such as the experience of distance. An increased focus on interactive and embodied technology, such as the World Wide Web and telepresence, has contributed to the collapse of “physical distances, uprooting the familiar patterns of perception” [16]. An understanding of the world on the basis of digital artifacts and user-centered interfaces strives to provide an embodied experience within the digital interface. Within digital constructions of spatio-temporal frameworks now “at least in principle, every point on Earth is now instantly accessible from any other point on Earth.”

Photography as an Imprint of the Material World

The photograph is an imprint of a certain place in time. In John Berger’s collection of essays “About Seeing” a description of a photograph depicts a peasant couple leaning over a fence – behind them a field is unfolding. Berger states in relation to the photograph, “it is not the substantiality surfaces which fill every square inch but a Slav sense of distance, a sense of plains or hills that continue indefinitely” [1, p. 50]. The photograph takes on symbolic properties in relation to physical environments. The photograph may capture the presence of a particular place and the quality of a particular landscape.

I have photographed the Soins Forest, an ancient forest on the outskirts of Brussels. The Soins Forest stands at the edge of the city. Within the confines of the forest distant landscapes are surrounded by towering trees and hilly soft undergrowths. Green-filled distances stretch and rest before my eyes. A sense of distance could be felt within the presence of the Soins Forest. A certain distance unfolding out there is captured and is present within the photograph, as well. The photograph visually captures a vast expanse of the natural environment as it unfolds.

Along landscapes of Belarus, Israel, Canada, and the United States, I encountered places that have molded and shaped the quality of my voice. Currently in a suburb of Greater Toronto Area a building stands at the edge of the Scarborough Bluffs. It is peering toward a great expanse of water. Lake Ontario is infinite and blue. The transition between Canadian and American land is as far as the eyes could see. Distance unfolds from Toronto toward the shores of Buffalo. The sky is vast and unoccupied. Lake Ontario brings gusts of wind. Windows and balconies are lit with orange light. Light streams from windows and warm wind blows from the lake. The building stands. A distance of seventeen stories climbs up into the air in the night.

“A Slav sense of distance” that Berger describes, treats the photograph as a symbol, a depiction of continuous space. For instance, as seen in Fig. 1 a sense of distance unfolds within the photographs titled “Views in the Ural Mountains and Western Siberia, survey of waterways, Russian Empire.” The photographs depict

Western Siberia as a continuous distance. In one of the photographs small houses and outlines of church spires are seen. The photographs bring a place of knowledge about a faraway place. The photographs serve as symbolic objects representing a faraway place. Inhabitants of places composed of vast distances view the presence of vast distances within the external world as part of their lives. As Berger states, “what informs the whole photograph – space – is part of the skin of their lives” [1, p. 50].

The Audiovisual in Film

Film constructs a sense of distance and space as a reflection of external reality. Holding the world within a unified perspective visuals and sounds constructs perceptions of space. The human system continuously perceives a world that exists on the surface of the terrestrial environment between earth and air. Navigating between distances and borders of land and developing a shared experience of the terrestrial environment is essential to human experience. As light and sound is propagated along boundaries and outlines of the material world, visuals and sounds serve as imprints of the material world.

A profound respect for distance and space within the external world may be found within the genre of documentary film. In the documentary film “Fata Morgana” the audiovisual environment maintains a continuous encounter with the distant land of the Sahara desert. The camera crosses uninhabited landscapes of the Sahara desert presenting them to the viewer as a continuous encounter with distant uninhabited land. Within the camera’s viewfinder, distance becomes an imprint within a continuum.

In “Fata Morgana” the voiceover is narrated by Werner Herzog, the director himself. The narrator speaks about landscapes of the dessert, interpreting and bringing human presence to the visual world of uninhabited distances. The voice of the narrator interprets images of distance. The voice of the narrator becomes an important presence within landscapes of distance. Brimming with presence, as the narrator's voice speaks, the viewer finds zones of comprehension alongside images of uninhabited and distant land. Thus distances become present as they are given a voice and spent time with, within the visual frame.

The voice of the narrator drifts along desert sand, it approaches points in time as moments of encounter with human language and speech. “Textual speech – generally that of voiceover commentaries – inherits certain attributes of the intertitles of silent films, since unlike theatrical speech it acts upon the images.” [5, p. 172]. Textual speech unifies durations of visual footage, acting upon the images invisibly yet audibly. Interpreting visuals of the dessert, the narrator's voice serves a nondiegetic presence in film. Nondiegetic sound is a sound whose source remains off-screen. Media theoretician, Michel Chion, coined the term, nondiegetic, as a particular presence within the film's audiovisual domain. The word nondiegetic is used “to designate sound whose supposed source is not only absent from the image but is also external to the external world” [5, p. 73].

The external world of the desert is impervious, suspended before the viewer’s eyes. An immense distance of the dessert unfolds. Sand stretches yellow and gold. The vast environments of the dessert become as presences unfolding and self-

contained. The presence of the narrator's voice in "Fata Morgana" is important. The voice of the narrator drifts along desert sand, approaching points in time as moments of encounter. It acts independently of the visual content, unifying the plurality of the visual content into a coherent perspective.

Within the visual domain objects are present and made seen at once, such as trees within a forest. On the other hand, within the auditory domain, objects could be presented sequentially with the passing of time. For instance, a music composition or the narrator's voiceover within a film, communicate audible presences gradually, presenting each at a time within a narrative arch. As all objects may be visible at once within a visual environment, they may be articulated gradually with sound. This type of gradual articulation is reminiscent of perceiving places at a distance. As event-based environments of sound appear at a slower and more gradual pace, they expand as heterogeneous moments of time, separated by distances.

In the section "Music as Spatiotemporal Turntable" Chion writes, "Music can swing over from pit to screen at a moment's notice, without in the least throwing into question the integrity of the diegesis, as a voiceover intervening in the action would. No other auditory element can claim this privilege. Out of time and out of space, music communicates with all times and all spaces of a film, even as it leaves them to their separate and distinct existences. Music can aid characters in crossing great distances and long stretches of time almost instantaneously" [5, p. 81].

In the documentary film "Fata Morgana," across visuals of uninhabited space, the narrator's commentary and the presence of music characterize the visual imprint of uninhabited space. The narrator's voice acts invisibly yet audibly in relation to the landscapes of the dessert, unifying visual durations into a unified whole. As the medium of music unifies durations of film, it seamlessly crosses boundaries between one scene and another, crossing distances that are captured within the visual footage. The film captures a dynamic between a spatial environment as a homogeneous surface and the presence of sound as a heterogeneous temporal imprint. The relationship between visual objects and the material of sound are fundamental within expressive culture. The psychologist James Gibson views human perception in close relationship with surrounding environments of space. Gibson's work "concentrated on what he called the direct perception of the environment" [10, p. 2]. Gibson has advocated a view of human psychology striving toward the "sharing of the environment" [10, p. 2]. In the spirit of sharing, the medium of film combines visual and auditory modes of expression, reflecting human experience and the material world.

The Music Domain

"Music, like all the other arts, requires its own interpretation of the concept of distance" [20, p. 137]. Human perception of space and distance has been addressed by prominent electroacoustic music composers and theoreticians such as John Chowning. The article "Perceptual Fusion and Auditory Perspective" by John Chowning addresses the human perception of sound as it is sculpted and framed by the material world. Furthermore, the music work Chowning composed "demonstrated

something profound, musically, technically, and about the human perceptual system". The human perception of sound discerns audible aspects about the external world.

Electroacoustic music emerged from a focus on the material of sound and "the information contained in the spatial behavior of sounds." Patterns of music serve as symbols, aligning our bodily experience of the external world with the material of sound. Electroacoustic music composition is particularly interesting as a contemporary avenue of interpreting and drawing wisdom from the terrestrial environment. Within music, presences within the material world, such as distance and time, become present within the material of sound. To convey a certain distance between one event and another, music composers have integrated sound objects, sculpting atmospheres of distance with sound. The perception of sound-based phenomena, such as recorded sound, is particularly interesting as it communicates the presence of space and distance within the physical world. As a consequence of the surrounding environment, perceptual awareness of sound and music may be developed.

Sculpting particular properties of the sound object as a musical moment, we may work with the properties of sound, such as pitch and timbre, to "penetrate the internal organization of the sonic symbols" [24, p. 159]. Each note is a discrete articulation of a single pitch. Music composers choose between one note and the next, emphasizing, accentuating events, deciding on presences and absences of sound. The Japanese composer Toru Takemitsu has utilized notions of space within music composition in terms of the Japanese "ma." The Japanese "ma" is a kind of a space, and a pause, between two presences or potential presences in the physical environment. The Japanese "ma" as a presence and an absence affords a consideration of a certain place at a distance. Within music composition Takemitsu approached presences and absences of sound in relation to spatial environments and aesthetics of distance. Furthermore, music composers return to the concept of distance again and again. For instance, electroacoustic music work "Mint Cascade" composed by Andy Dolphin and "Givre" composed by Monique Jean sculpt sound-based presences, communicating a spatial environment flooded by sound, interpreting and presenting imagined environments.

The Domain of Recorded Sound

Contemporary practitioners have been considering music and sound art in relation to the surrounding environment. For instance, sound artist Jacob Kirkegaard created a sound work titled "4 Rooms." Kirkegaard recorded sonic environments within four deserted acoustic spaces in alienated regions of Chernobyl, Ukraine. Kirkegaard fed back the recorded environments several times within the acoustic spaces, in order to bring out the reverberant qualities of the empty rooms. Kirkegaard selected acoustic spaces that had a significant reverberant quality to capture the presence of empty space as an audible aura. The audible silences within the reverberant spaces, as durations of time, signal the presence of sound as an ongoing atmosphere. The sound of silence becomes as an audible presence, an atmosphere filled with unwitnessed time and space. Listening to the audible durations of emphasized silences within Kirkegaard's "4 Rooms" the presence of sound-based

silence, as an aura of a place, becomes as a recorded presence unique within each room.

“Field recording practices are considered by many soundscape artists as integral to engagement with specific places” [17, p. 1]. The practice of field recording may be approached as a way of learning about and consideration of sounds of distant environments. An embodied sense of distance comes from human experience. My experience of field recording sculpts my understanding of specific places and provides many opportunities for reflection. I like to record environmental sounds on the periphery of nature and civilization and listen to them as evolving landscapes. At Brooklyn Army Terminal in Brooklyn in New York, I recorded the presence of sounds as they echoed in the distance, as birds sang, as ship engines came and went, and as people on the pier explored landscapes of land and water.

The medium of recorded sound presents an opportunity to explore a specific place and keep it as a record or an audible presence. “Creating sonic fantasies begins with recording, letting us “photograph” real sounds and store their images on tape” [19, p. 350]. Environmental sound as a presence signifies a specific relationship to spatial environments. A sound recording captures an audible presence of a physical environment. A field of study termed “acoustic ecology” strives to capture and communicate the presence of unwitnessed sound embedded within remote environments. Practitioners of acoustic ecology encounter environments that are located at great distances to human culture, as presences heard within unwitnessed canopies of sound. “Acoustic ecology investigates the relationships between living beings and the acoustic environment or the soundscape”.

A sound recording inverts spatially occurring phenomena to a temporal imprint. Recorded sound is a temporal medium. It may point to a particular place at a distance to human perception. There is “the view that perceiving is a matter of constructing a mental representation from sensory inputs.” (Imagination article) A sound recording may be heard and interpreted as distance itself. The dynamic between a recorded duration of time, and the spatial environment, echoes the structure of the physical environment. The medium of sound-based recording, such as the field recording, translates spatially occurring phenomena to temporal imprints, resulting in a dynamic between spatial presence and temporal presence. This signifies a symbolic relationship between spatial and temporal environments, in which distance and aura coalesce to form the vast spatio-temporal environments in which we live. Thus, the material of recorded sound echoes the vastness and complexity of spatio-temporal environments as a point of value and deserved focus.

References

1. Berger J. *About Looking*. New York, Pantheon Books, 1980, 202 p.
2. Bird R. *Andrei Tarkovsky: Elements of Cinema*. London, Reaktion Books, 2008, 256 p.
3. Brower C. A Cognitive Theory of Musical Meaning. *Journal of Music Theory*, Vol. 44(2), 2000, pp 323 – 379.
4. Bregman A. S. Auditory Scene Analysis. *International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences*. Amsterdam, Pergamon, pp. 940–942.

5. Chion M., Gorbman C., Murch W. *Audio-Vision: Sound on Screen*. New York, Columbia University Press, 1994, 239 p.
6. Conway C. M. *The Oxford Handbook of Qualitative Research in American Music Education*. Oxford University Press, 2014, 696 p.
7. Cook P. R. *Music, Cognition, and Computerized Sound: An Introduction to Psychoacoustics*. Cambridge, MIT Press, 1999. 392 p.
8. Cresswell J. *The Oxford Dictionary of Word Origins. Second Edition*. Oxford, Oxford University Press, 2010, 512 p.
9. Herzog W. *Fata Morgana (film)*, 1971.
10. Gibson J. J. *The Senses Considered as Perceptual Systems*. Westport, Greenwood Press, 1983, 335 p.
11. Kane B. L'Objet Sonore Maintenant: Pierre Schaeffer, Sound Objects and the Phenomenological Reduction. *Organized Sound*, 2007, Vol. 12(01) pp 15–24.
12. Koshkin A. Along a Duration of Time: Extending Human Involvement to Remote Regions of the Earth. *Leonardo Music Journal*, 2014, Vol. 24, pp. 43–44.
13. Koshkin A. Ecological Validity. *Music in the Social and Behavioral Sciences: An Encyclopedia*, 2014, Vol. 5, pp. 356–358.
14. Kracauer S., Levin T. Y. *The Mass Ornament: Weimar Essays*. Cambridge, Harvard University Press, 1995. 403 p
15. Kubik G. *Theory of African Music*. Chicago, University of Chicago, 2010. 464 p.
16. Manovich L. *Cinema and Telecommunication / Distance and Aura*. Available at: http://manovich.net/content/04-projects/015-cinema-and-telecommunication-distance-and-aura/12_article_1996 (accessed 01 June 2013).
17. McCartney A. Ecotonicity and Listening Praxis in Sound Ecology, Ambiences, and Popular Music. *Wi: Journal of Mobile Media*, 2013, Vol. 7, № 1. Available at: http://wi.mobilities.ca/media/wi_07_01_2013_mccartney.pdf (accessed 01 June 2013).
18. Pacey A. *Meaning in Technology*. Cambridge, MIT Press, 1999, 264 p.
19. Roads C. *Microsound*. Cambridge, MIT Press, 2001. 409 p.
20. Rowell L. *Thinking about Music: An Introduction to the Philosophy of Music*. Amherst, University of Massachusetts Press, 304 p.
21. Schaeffer P., Brunet S. *De la musique concrète à la musique même*. Paris, Richard-Masse, 1977. 252 p.
22. Prokudin-Gorskii S. M. *Views in the Ural Mountains and Western Siberia, survey of waterways, Russian Empire*. 1912, Library of Congress, 168 photographic prints.
23. Siddons J. *Toru Takemitsu: A Bio-bibliography*. Westport, Greenwood Print, 2001, 200 p.
24. Xenakis I. *Formalized Music; Thought and Mathematics in Composition*. Bloomington, Indiana University Press, 1971, 273 p.

УДК 81 139

Современные технологии в обучении немецкой грамматике: алгоритмический подход*

Ямшанова Виктория Александровна – Санкт-Петербургский государственный экономический университет, кафедра немецкого и скандинавских языков и перевода, зав. кафедрой, доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербург, Россия.

vaifl@mail.ru

Россия, 191023 Санкт-Петербург, Садовая, 21,
тел.: +7-911-908-22-39.

Авторское резюме

Состояние вопроса: Новый профессиональный вызов – обучение магистрантов немецкому языку как второму иностранному с нулевого уровня в объеме 100 аудиторных часов – побудил преподавателей пересмотреть все составляющие образовательного процесса: цель, содержание и средства обучения, а также учесть новые характеристики обучающихся и обучаемых. Возникла необходимость предложить методики, которые позволили бы в столь сжатые сроки обеспечить создание цельного образовательного продукта, которым обучающийся смог бы с успехом пользоваться и по прошествии времени.

Результаты: Крайне жесткие заданные условия – нулевой уровень владения немецким языком и 100 аудиторных часов на весь курс обучения, трудно достижимая цель на выходе – достижение уровня А3–В1 владения языком – потребовали поиска путей ограничения содержания обучения. Таким ограничением стало обучение магистров профессионально-ориентированному языку, минуя этап обучения языку повседневному. Из четырех видов иноязычной деятельности (говорение, аудирование, чтение, письмо) в качестве содержания обучения был выбран только один – чтение, цель которого – извлечение информации из иноязычного текста. Немецкая грамматика была представлена в виде системы формализованных правил – языковых алгоритмов. Алгоритмы, в свою очередь, позволили создать обучающие и контролирующие компьютерные программы, резко расширившие возможности самостоятельной работы обучающегося по освоению языка.

Выводы: Алгоритмический подход, проявляющийся в анализе «от формы к смыслу», широком использовании языковых алгоритмов для приобретения знаний по немецкой грамматике и компьютерных обучающих программ для закрепления навыков перевода немецкого текста позволяет обучающемуся «нулевого» уровня получить достаточные для магистра экономики языковые навыки («читаю и перевожу со словарем») в течение предельно ограниченного учебного времени.

* © В. А. Ямшанова, 2015.

Ключевые слова: языковой алгоритм; компьютерная обучающая программа; магистранты; немецкий язык; грамматика; информация, перевод.

Modern Technologies in Teaching the German Grammar: Algorithmic Approach

Yamshanova Viktoriya Alexandrovna – Saint Petersburg State University of Economics, Department of German and Scandinavian Languages and Translation, Head of the Department, Doctor of Philology, Professor, Saint Petersburg, Russia.

vaifl@mail.ru

21, Sadovaya street, Saint Petersburg, 191023, Russia,

tel.: +7-911-9082239.

Abstract

Background: A new professional challenge – i. e. teaching German as a second foreign language from scratch to postgraduates taking a master degree, with 100 tuition hours required – has made the academic staff to review all the components of the teaching process: the purpose, content and teaching aids, as well as to consider some new characteristics of trainers and trainees. Several methods of teaching were proposed, which allow us to provide wholesome educational product in a short period of time, the latter being used successfully in due course.

Results: In extremely difficult conditions, namely zero level of the language knowledge, only 100 tuition hours required for the whole course to acquire A3–B1 level as a final goal, it became necessary to limit the content of education. This limitation was to teach postgraduates professionally oriented German, the basic language being excluded. From the four language skills (speaking, listening, reading and writing) only reading was chosen, the aim of which was getting information from a foreign text. The German grammar was presented as a system of formal rules – linguistic algorithms. The algorithms in turn permitted to introduce computer training and controlling programs, which extend independent study of the language.

Conclusion: The algorithmic approach is characterized by the analysis ‘from the form to the meaning’, extensive use of linguistic algorithms in order to acquire the German grammar and computer training programs in order to master translation skills. It gives postgraduates an opportunity to gain language skills (‘can read and translate using a dictionary’) relevant for a master of economics in a limited period of time.

Keywords: linguistic algorithm; computer training program; postgraduates; the German language; grammar; information; translation.

Когда в 2008 г. в Санкт-Петербургском государственном университете экономики и финансов было принято решение выделить на обучение магистрантов иностранному языку с нулевого уровня 100 учебных часов, преподаватели немецкого языка восприняли это как новый вызов их профессионализму. Сразу отметили принятую на других кафедрах идею

проводить занятия по уже апробированным аутентичным учебникам иностранного языка, рассчитанным, например, на 400 учебных часов, и просто прервать обучение через 100 часов. Необходимо было продумать, как в столь сжатые сроки обеспечить создание цельного образовательного продукта, которым обучающийся смог бы с успехом пользоваться и по прошествии времени.

Постановка новых задач потребовала пересмотра всех составляющих образовательного процесса. В качестве дидактической концепции для такого пересмотра мы воспользовались моделью образовательной системы, получившей отражение в структуре так называемой «акмеологической звезды».

1. «Акмеологическая звезда»

«Акмеологическая звезда» – базовое понятие акмеологии – науки, исследующей пути достижения человеком вершины своего личностного и профессионального развития, т. е. обращенной к становлению взрослого человека.¹ Целевые группы магистрантов находится как раз в этом периоде своего развития. Поступив в магистратуру, молодые люди приняли важное решение о дальнейшем пути своего совершенствования, как в личностном плане – приступив к новой стадии повышения своего образовательного уровня, так и в профессиональном отношении – выбрав (или продолжив) экономическое направление своего профессионального роста.

Структуру акмеологической звезды образуют 5 компонентов: цели обучения, учебная информация (чему обучать), средства учебной коммуникации (как обучать), обучаемые, обучающие. Каждый из этих структурных элементов связан со всеми другими элементами, образуя устойчивую систему (схема 1) [3].

Функционирование любой образовательной системы успешно при выполнении следующих условий:

- совпадение в главном *целей обучающихся и обучающихся;*
- поддержка осуществления *целей* обучения адекватной *учебной информацией* и соответствующими *средствами и методами обучения;*
- соответствие *учебной информации* запросам *обучающихся* и представлениям *преподавателей* о ее целесообразности;
- размещение *учебной информации* в адекватных *учебных материалах* и донесение ее до обучающихся адекватными *методами;*
- соответствие *средств обучения* задачам успешного общения между *обучающимися* и *преподавателями;*
- отношения сотрудничества между *обучающимися* и *обучающими*, предполагающие согласие относительно общих *целей* обучения, содержания *учебной информации* и *средств* ее преподнесения.

¹ Термин «акмеология» происходит от греческого слова «акме», что означает «высшая точка, острие, расцвет, зрелость, лучшая пора». Акмеология – наука, возникшая в России в середине XX в. на стыке естественных, общественных и гуманитарных дисциплин и изучающая закономерности и механизмы развития человека на ступени его зрелости и особенно при достижении им наиболее высокого уровня в этом развитии. Акмеология занимается изучением «закономерностей самореализации творческих потенциалов зрелых людей в процессе созидательной деятельности на пути к высшим достижениям (вершинам)» [2, с. 373].

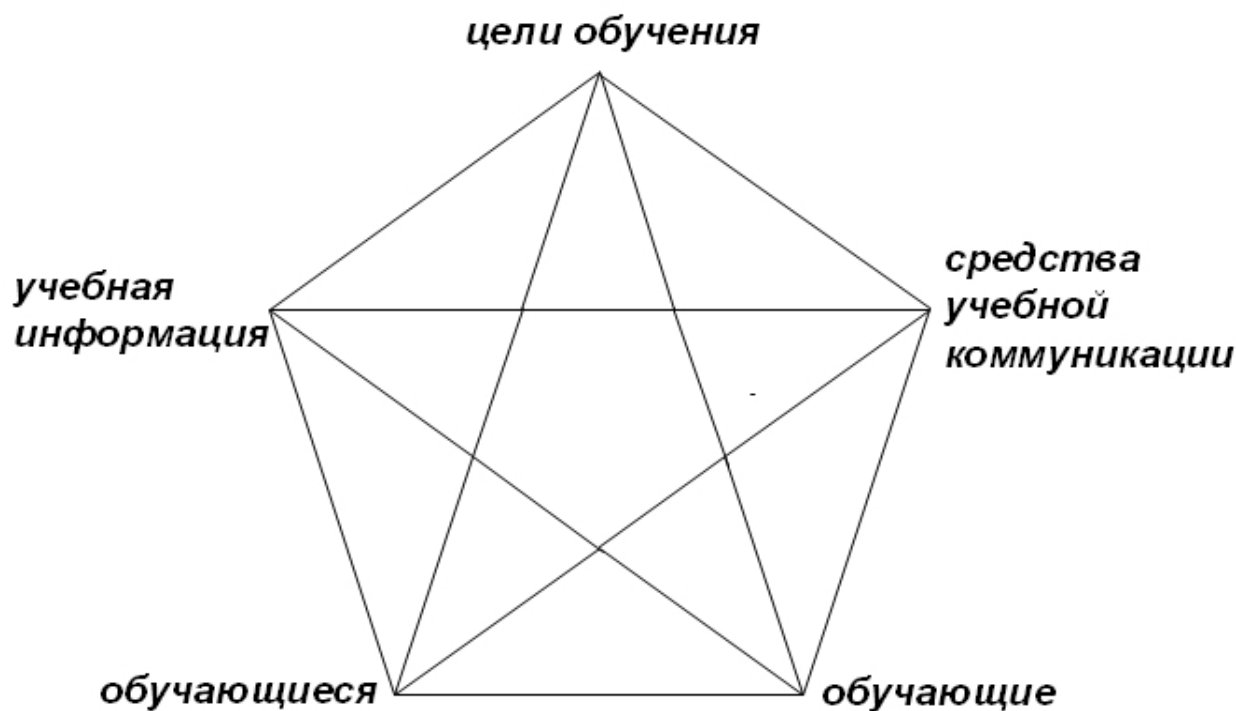

Схема 1.

Новая целевая группа – магистранты-«нулевики» – потребовала выработки для нее индивидуальной образовательной программы, все элементы которой должны быть скорректированы в соответствии с новыми потребностями целевой группы и условиями ее обучения.

1.1 Обучающиеся

Характеристики обучающихся известны изначально: это молодые люди с высшим образованием, обладающие достаточным, подтвержденным дипломом уровнем компетенций в области экономических знаний, а также владеющие первым, чаще всего английским, иностранным языком, обычно повседневным, реже – профессионально-ориентированным, на уровне В1–В2, что определено государственным стандартом обучения иностранному языку в российском вузе. Поступив в магистратуру СПбГЭУ, эти молодые люди готовы изучать второй иностранный язык (немецкий), которым ранее они никогда не занимались, но который, по их мнению, пригодится им в профессиональной деятельности и, возможно, для удовлетворения личных потребностей.

1.2 Цели обучения

Цель обучения магистрантов в самом общем виде сформулирована как обучение немецкому языку как второму иностранному языку с нулевого уровня и достижение уровня А3–В1 через 100 аудиторных часов обучения. Для достижения этой, безусловно, амбициозной цели потребовалось, в первую очередь, пересмотреть содержание обучения.

1.3 Содержание обучения

Содержание обучения («учебная информация») обусловлено его целями и связано с характеристиками обучающихся. Заданные условия – более чем скромные параметры на входе (нулевой уровень владения немецким языком и 100 аудиторных часов на обучение этому языку) и трудно достижимая цель на выходе (достижение уровня А3–В1 владения немецким языком) – привели преподавателей к необходимости ограничения содержания обучения.

Поскольку магистранты обладают высоким уровнем компетенций в области экономических знаний, было решено сразу приступить к их обучению профессионально-ориентированному языку – «языку экономики», минуя этап обучения повседневному языку. Успеху такого выбора способствует не только знание экономических реалий, но и владение магистрантами обширным пластом экономической терминологии, общей для всех европейских языков.

В свою очередь, в рамках специального языка экономики, подразделяющегося на «деловой» и «язык для академических целей», или в другой терминологии – на «язык профессии» и «язык специальности»², приоритет отдан последнему. *Язык для академических целей* (язык специальности) необходим для чтения тематически и грамматически сложной литературы по специальности и соответствует академической направленности обучения в магистратуре. Типы текстов, на базе которых происходит обучение языку для академических целей, – научные статьи экономического содержания, газетные новости экономики, словарные статьи из экономических лексиконов, аннотации и т. п.

Среди признанных в дидактической литературе 4-х видов иноязычной деятельности – говорение, аудирование, чтение, письмо – в качестве содержания обучения магистрантов был выбран один – *чтение*. Основанием для такого ограничения явилось несколько соображений. Хотя приобретаемый навык называется «чтение», понятно, что это обозначение условно, ведь никто не читает тексты, особенно с профессионально-ориентированным содержанием, ради самого чтения. Цель чтения – извлечение информации из читаемого. Обучение извлечению информации из иноязычного текста обычно связано с его переводом на родной язык. Некоторые исследователи подчеркивают эту составляющую чтения текста на иностранном языке, считая *перевод* еще одним, пятым видом иноязычной деятельности.

Чрезвычайно важным является также соображение о сроках сохранения знаний и навыков, полученных в ходе обучения, о так называемых «остаточных знаниях». Чтение обладает повышенной длительностью сохранения остаточных знаний по сравнению, например, с говорением или аудированием, поскольку поддерживается материальными «носителями» этих знаний: грамматики, словари, справочники, записи лекций, собственные переводы учебных текстов.

² Разграничение между «языком специальности» и «языком профессии» применительно, например, к экономике можно провести по следующим линиям: язык *об* экономике – язык *в* экономике; язык экономической теории/науки – язык экономической практики – язык на рабочем месте; язык общения специалистов-теоретиков между собой – язык общения профессионалов-практиков друг с другом или с третьими лицами, непрофессионалами; знание – умение; языковая система – функциональное употребление языка.

Это позволяет сохранить навык чтения и извлечения информации из текста и с течением времени, когда, например, срочно потребуются прочесть в оригинале важную статью по интересующей тематике.

Таким образом, содержание обучения магистрантов-«нулевиков», получивших экономическое образование, а также знание первого иностранного языка и стремящихся овладеть в очень сжатые сроки немецким как вторым иностранным языком, было подвергнуто существенному ограничению по сравнению с тем, что обычно принято считать содержанием обучения иностранному языку (умение рассказать о себе, коммуникация в повседневных ситуациях, чтение художественной литературы и т. п.). Содержание обучения магистрантов-«нулевиков» определено как чтение и извлечение информации из текста экономического содержания, в частности, перевод экономического текста.

1.4 Средства обучения

Содержанию обучения должны соответствовать адекватные средства («средства учебной коммуникации» – методы, способы, инструменты) обучения. Если содержание обучения определено как извлечение информации из экономического текста на немецком языке, то выбор средств обучения должен быть направлен на работу с информацией, со структурой немецкого текста и с немецкой экономической лексикой.

В связи с ограниченностью времени, выделенного на аудиторные занятия, работа над немецкой экономической лексикой в основном передается на самостоятельное изучение. Однако самообучение может быть успешным только в том случае, если обучающиеся получают от преподавателя соответствующие средства обучения. Для работы над лексикой магистранты располагают обучающими и тренирующими лексическими упражнениями разных видов, текстами, тестами, расположенными согласно обучающей прогрессии – в строгом соответствии с текущим грамматическим материалом [см.: 4]. Особое внимание уделяется обучению работе со словарем. Текущий контроль над усвоением лексики происходит на каждом аудиторном занятии в ходе проверки домашнего задания и выполнения тестовых заданий. Предусмотрены также промежуточный и завершающий типы контроля.

Работа над структурой немецкого текста и извлечение из него информации не только вследствие знания значений слов, но и, главное, за счет понимания закономерностей построения иноязычного предложения проводятся на базе привлечения современных средств обучения – анализа текста «от формы к смыслу», внедрения алгоритмического подхода к языковым явлениям, использования обучающих и контролирующих компьютерных программ.

1.4.1 Анализ текста «от формы к смыслу»

Обучение чтению с целью извлечения информации из сложного профессионально-ориентированного текста предполагает отказ от довольно распространенного подхода, уповающего на знание лексики. Опыт показывает, что даже зная значения слов, но не опираясь на первостепенную роль

грамматики, обучающиеся с легкостью переводят один и тот же текст, например, как «Спрос определяет предложение» или «Предложение определяет спрос» в зависимости от своих предпочтений в понимании экономики.

Снять эту «зависимость от лексики» помогает подход к обучению немецкой грамматике, базирующийся на учете формальных грамматических признаков, которые позволяют установить в предложении (и шире – в тексте) связи между словами, лексические значения которых временно отходят на задний план. Таким образом, обучение извлечению информации из текста направлено «от формы к смыслу» и характеризует так называемую «пассивную грамматику» в отличие от «активной грамматики», нацеленной на порождение речи и отражающей путь «от смысла к форме».

Известный пример академика Л. В. Щербы с предложением, имеющим вымышленную лексику, но построенным по правилам грамматики русского языка, – *глокая куздра итеко быдланула бокра и курдачит бокренка* – ярко демонстрирует возможность извлечения существенной информации из текста даже в отсутствии знания конкретных значений слов. Грамматика ясно показывает, о ком идет речь (о *куздры*), о действиях *куздры* ранее и в настоящее время (*быдланула* и *курдачит*), о «родственных» отношениях, в которых находятся объекты воздействия (*бокр* и *бокренок*), о характеристиках «предметов» и действий (*глокая*, *бокренок*, *итеко*) и т. д. Точно так же строится текст и на немецком языке, и понимание его структуры – первый шаг на пути извлечения информации из текста.

1.4.2 Языковые алгоритмы

Обучение в направлении «от формы к смыслу» можно организовать максимально экономно, представив немецкую грамматику в виде комплекса формализованных правил – языковых алгоритмов [1, с. 6]. Под алгоритмом понимается способ (программа) решения задачи, точно предписывающий, как и в какой последовательности надо действовать, чтобы получить результат, определяемый исходными данными. Языковой алгоритм предполагает «пошаговое» движение по предложению (тексту), сопровождаемое альтернативными ответами типа *да – нет* на каждый вопрос («шаг»). Алгоритм должен привести к однозначному результату, например, определению значения какой-либо грамматической формы и далее ее переводу на родной язык. Так артикль (или его заместитель), оканчивающийся на *-t*, свидетельствует о дательном падеже имени существительного (или его заместителя: *dem*, *einem*, *seinem*, *diesem*, *ihm* и т. п.), причем не только в немецком, но и в русском языке (кому?, чему?, ему?)³.

³ Алгоритмический подход пригоден главным образом для анализа научного, в частности, экономического, текста, обладающего гораздо более строгой структурой, чем, например, текст художественный. Адресатом алгоритмической грамматики является не филолог-исследователь тонкостей языка, а обычный пользователь, целью которого является чтение научной литературы на иностранном языке и извлечение из нее необходимых сведений. Как и любое языковое правило, алгоритм не обязательно должен покрывать все 100% реальных языковых ситуаций; его цель – охватить типичные случаи.

Алгоритмические правила могут быть представлены в виде словесного объяснения или в виде схемы. Преимуществом словесного выражения алгоритма является передача более полной и дифференцированной информации, а также возможность использования большого количества примеров. Преимущество алгоритма-схемы состоит в краткости и наглядности; цветное оформление алгоритмов активизирует механизмы памяти (схемы 2; 3; 4) [1, с. 23; 117]. Представление грамматического материала в виде алгоритма не мешает его изучению в несколько этапов: сначала более простые, но часто встречающиеся случаи, затем – иногда через довольно продолжительное время – случаи более редкие, но более полно охватывающие реальные языковые ситуации (ср. схемы 2 и 3). Так грамматический материал, представленный в сводной схеме 4, обычно изучается в три приема: сначала – определение, выраженное именем прилагательным, затем – определение, выраженное причастиями, отдельно – Partizip I для выражения долженствования.

Алгоритм 1: Функции омонима während

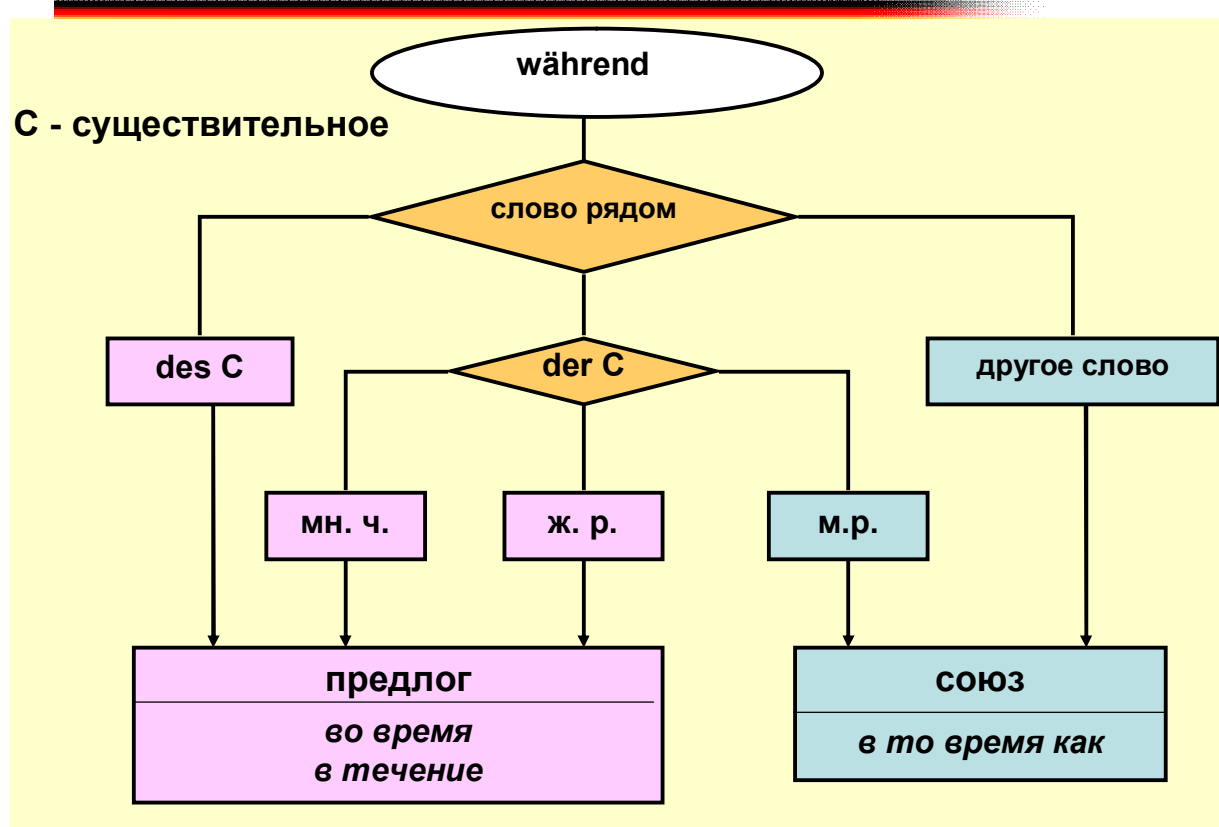

Схема 2.

Независимо от способа представления алгоритмов знания легко могут приобретаться обучающимися самостоятельно, в автономном режиме, что получает первостепенное значение в условиях ограниченных сроков обучения. В пособиях по алгоритмической грамматике, изданных как в бумажном, так и в

электронном вариантах [5; 6; 7], алгоритмы присутствуют как в словесном, так и в схематическом виде.

Алгоритм 2: Функции омонима während

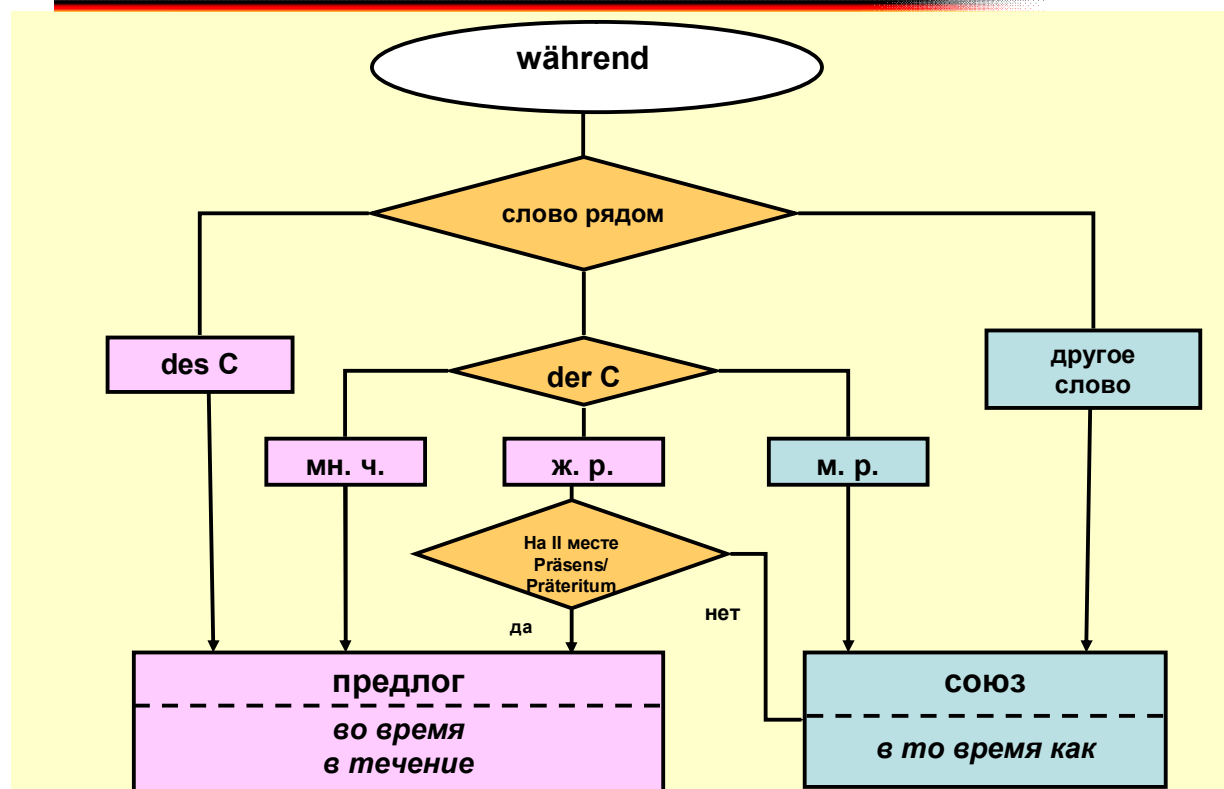

Схема 3.

1.4.3 Компьютерные обучающие программы

Использование алгоритмов способствует самостоятельному усвоению грамматических знаний, однако цель изучения иностранного языка – не просто усвоение знаний, но приобретение *навыка* владения языком. На приобретение навыка нацелены компьютерные обучающие программы.

И алгоритмы, и обучающие программы заменяют отсутствующего при автономном обучении преподавателя: алгоритмы заменяют объяснения преподавателем действующих в языке закономерностей, «языковых правил», а обучающие программы берут на себя пошаговый контроль за усвоением правила и, может быть, самое главное – исправление допущенных ошибок. Выработка и закрепление навыка возможны только путем проб и ошибок.

Обучающая программа состоит из нескольких заданий, расположенных по возрастающей сложности. При формулировке заданий учитываются *типичные ошибки* обучающихся, которые выявлены опытным преподавателем на основе предварительной «диагностики ошибок». Важно, чтобы даже в модельных случаях варианты возможных ответов отражали реальные языковые ситуации, а

не придумывались преподавателем для заполнения заданного числа ответов (как, например, часто бывает в заданиях «множественного выбора»).

Алгоритм: Прилагательное и причастие в роли определения

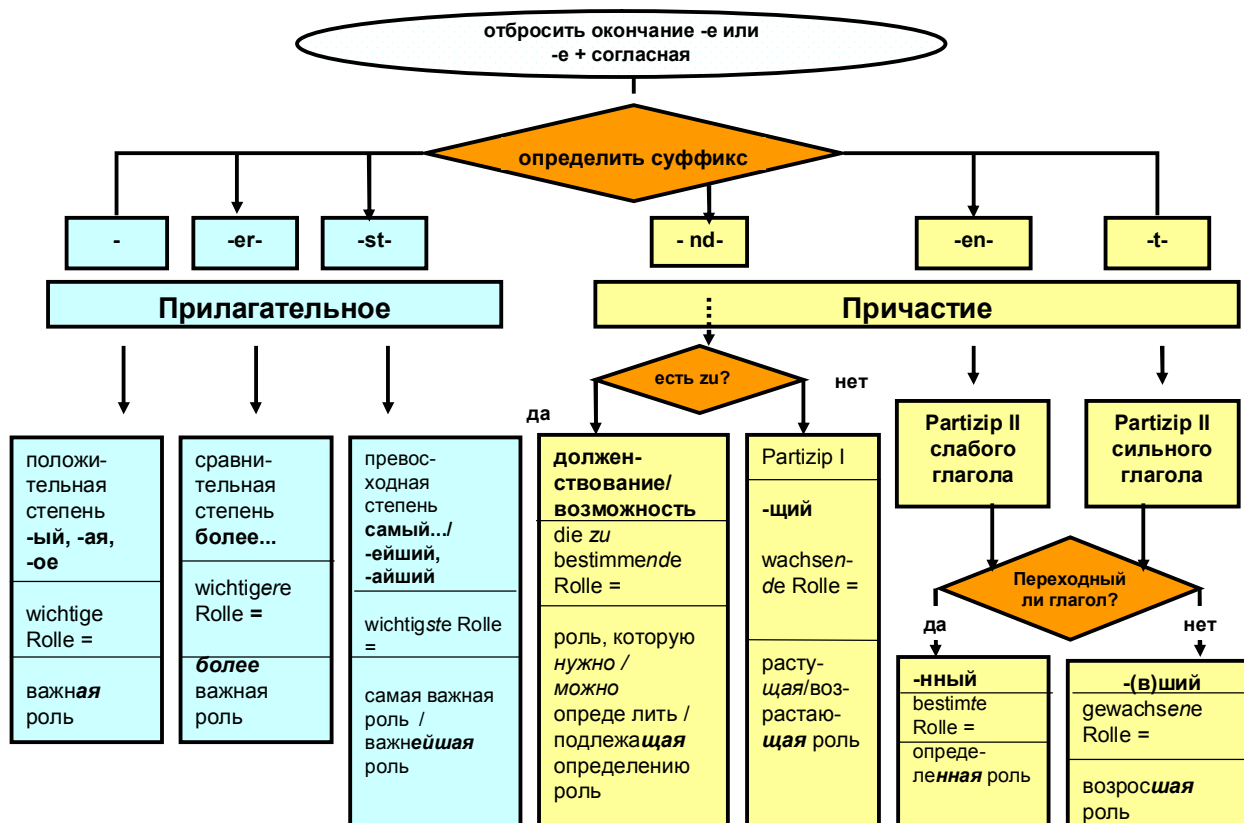

Схема 4

Для полной отработки алгоритмического правила и выработки навыка его применения в реальных текстовых условиях целесообразно использовать несколько заданий, сформулированных по-разному. Такой подход увеличивает количество обрабатываемых – модельных и аутентичных – примеров, ведя к *закреплению навыка*. Кроме того, разная формулировка заданий позволяет обучающемуся посмотреть на изучаемое явление с разных сторон и, обнаружив определенные закономерности, создать «свою» систему правил, которая дольше сохраняется в памяти, чем «навязанная» кем-то извне. Известно, что именно собственные мысли, появляющиеся в поисках связей между элементами изучаемых систем и ведущие к субъективному открытию, являются наиболее ценным результатом мыслительной работы. В то же время алгоритмический подход предполагает известное единообразие хода анализа, что формирует помимо освоения конкретного языкового явления представления о той системе, в которую оно входит.

Объяснение каждого неверного ответа заканчивается предложением вернуться к заданию (вопросу) и продолжить поиск правильного решения.

После его нахождения можно (автоматически) перейти к выполнению следующей операции.

Если в ходе работы над одним грамматическим явлением выявляется отсутствие у обучающегося знаний по предшествующему языковому материалу, их можно восполнить, пройдя по ссылке к объяснению «пропущенной» грамматики и, если необходимо, к выполнению соответствующих тренирующих заданий.

Правильно ответив на все вопросы, обучающийся делает свой перевод, сравнивая его с эталоном.

1.4.4 Компьютерные контролирующие программы

Существенное место в обучении, как известно, занимает контроль результатов обучения. Контролирующие программы позволяют обеспечить такую важную часть контроля, как *самоконтроль* со стороны обучающегося. Имея доступ к пакету программ текущего контроля (тестов), магистрант может воспользоваться ими на любом этапе автономного обучения.

1.5 Обучающие

Роль обучающего (преподавателя) невозможно переоценить. Именно он должен дать в ответ на возникший спрос своевременное предложение по содержанию требуемого образовательного продукта, отвечающего новым целям, а также обеспечить наилучшие средства донесения этого содержания до обучающегося. Обучающий должен найти способы мотивирования последнего, убедив его в целесообразности и достижимости конкретных целей обучения и соответствия им содержания и средств обучения, а также создать атмосферу сотрудничества. Важным элементом этого сотрудничества является обеспечение обратной связи, помогающей преподавателю вовремя корректировать свою профессиональную деятельность.

Так наряду с изложением на входе программы обучения (цели, содержание, средства обучения) магистранты-«нулевики» получают и представление о том результате, который они смогут достигнуть на выходе – по завершении обучения через 100 аудиторных часов. Выходные требования состоят в реферировании/переводе как минимум двух аутентичных статей на немецком языке по теме выпускной магистерской работы (объем реферата/перевода – минимально 4 страницы формата А4). Начиная с 2009 г. магистранты с успехом выполняют это контрольное задание и рады, что могут теперь по праву писать в своих анкетах и резюме относительно знания немецкого языка: «читаю и перевожу со словарем».

2. Преимущества алгоритмического подхода при обучении чтению и извлечению информации из текста

Если в 2008 году, времени введения курса иностранного языка в обучение магистрантов, немецкий язык с нуля изучали около 20 человек, то в 2014–2015 учебном году это число увеличилось на порядок: в магистратуру СПбГЭУ было зачислено 256 магистрантов, выразивших желание изучать немецкий язык, из

них 235 начали изучение этого языка с нулевого уровня. Подавляющая часть этих магистрантов успешно окончила курс обучения немецкому языку, защитив свои рефераты/переводы аутентичных статей по найденной ими самими интересующей их профильной тематике.

Хотя курс обучения немецкому языку продолжается в течение всего 100 аудиторных часов, преподаватель по традиции дважды – через несколько первых занятий и в конце курса – обращается к магистрантам с просьбой кратко описать свой опыт изучения немецкого языка с нулевого уровня по новой методике. Положительные отзывы во много раз превышают критические, которые присутствуют, в основном, в начале обучения. Основные критические замечания касаются необходимости увеличения количества часов на изучение иностранного языка, а также невозможности в рамках ограниченного времени изучать алгоритмическим способом и разговорный язык. Свои отзывы об алгоритмическом подходе к обучению немецкой грамматике дали и преподаватели немецкого языка, прошедшие в 2014 г. в СПбГЭУ курс повышения квалификации «Новые педагогические технологии в сфере профессионально-ориентированного обучения иностранным языкам: алгоритмический подход к чтению и извлечению информации из текста».

Подводя итог положительным отзывам об алгоритмическом подходе в обучении иностранным языкам как со стороны преподавателей, так и со стороны обучающихся, можно выявить преимущества дидактико-методического и воспитательного характера. К преимуществам первого рода относятся следующие:

- развитие логического мышления и навыков рефлексии на основе выявления формальных признаков («от формы – к смыслу»);
- ознакомление с особенностями логического мышления носителей другого (в данном случае – немецкого) языка;
- формирование представления о языке (не только немецком, но и родном) как о системе;
- возможность выстроить для каждого обучающегося индивидуальную траекторию обучения:
 - время и место работы над обучающими и контролирующими программами выбирает сам обучающийся;
 - каждый тратит на обучение столько времени, сколько требуется именно ему на усвоение новой информации; если грамматический материал уже известен, соответствующая программа может быть опущена;
 - отсутствует непосредственный надзор со стороны преподавателя (не каждый любит, чтобы кто-то «стоял у него над душой»);
 - компьютер не выражает отрицательного отношения к повторным ошибкам со стороны обучающегося;
 - следование принципу деятельностно-ориентированного обучения, т. е. подчиненности всего процесса обучения реальным потребностям в будущей профессиональной деятельности;
 - возможность преобразования курса «немецкий язык с нулевого уровня» в дистанционный.

Среди преимуществ воспитательного характера выделяются в первую очередь:

- воспитание самостоятельности в обучении – самообучение, самоконтроль и самооценка;
- воспитание уважения к технологичности труда – сначала учебного, а потом и профессионального – на основе использования языка схем и диаграмм, а также работы на компьютере;
- осуществление регулярной обратной связи способствует не только успешному осуществлению учебной программы, но и воспитанию навыков коммуникации;
- реальное действие принципа сотрудничества между преподавателем и обучающимся, когда каждый из них несет свою долю ответственности за результаты обучения.

Список литературы

1. Белопольская А. Р. Руководство по алгоритмическому анализу немецкого текста («Путеводитель по тексту»). – СПб: СПбГУ, 2014. – 192 с.
2. Бранский В. П., Пожарский С. Д. Социальная синергетика и акмеология. – СПб: «Политехника», 2002. – 476 с.
3. Кузьмина Н. В. Профессионализм деятельности преподавателя и мастера производственного обучения. – М.: Высшая школа, 1989. – 167 с.
4. Щекина Н. М., Ломоносова А. Л., Романова Н. В. Сборник лексических упражнений по немецкому языку: Учебное пособие для магистрантов экономических специальностей. – СПб.: СПбГУЭФ, 2010. – 79 с.
5. Ямшанова В. А. Грамматика немецкого языка в алгоритмах. Часть 1: Группа существительного: Учебное пособие. – СПб.: СПбГУЭФ, 2007. – 48 с.
6. Ямшанова В. А. Грамматика немецкого языка в алгоритмах. Часть 2: Глагол: Учебное пособие. – СПб.: СПбГУЭФ, 2009. – 74 с.
7. Ямшанова В. А. Грамматика немецкого языка в алгоритмах. Часть 3: Синтаксис: Учебное пособие. – СПб.: СПбГУЭФ, 2010. – 83 с.

References

1. Belopolskaya A. R. Instruction in Algorithmic Analysis of German Text [*Rukovodstvo po algoritmicheskomu analizu nemetskogo teksta*]. Saint Petersburg, SPbGU, 2014, 192 p.
2. Bransky V. P., Pozharsky S. D. Social Synergetics and Acmeology [*Sotsialnaya sinergetika i akmeologiya*]. Saint Petersburg, Politekhnik, 2002, 476 p.
3. Kuzmina N. V. Professionalism of the Work of Teachers and Instructors of Industrial Training [*Professionalizm deyatel'nosti prepodavatelya i mastera proizvodstvennogo obucheniya*]. Moscow, Vysshaya shkola, 1989, 167 p.
4. Schekina N. M., Lomonosova A. L., Romanova N. V. Lexical Exercises in German Language. Tutorial for Master Students in Economics [*Sbornik leksicheskikh uprazhneniy po nemetskomu yazyku. Uchebnoye posobiye dlya magistrantov ekonomicheskikh spetsialnostey*]. Saint Petersburg, SPbGUEF, 2010, 79 p.

5. Yamshanova V. A. Grammar of the German Language in Algorithms. Part 1: The Group of Noun [*Grammatika nemetskogo yazyka v algoritmakh. Chast 1: Gruppya suschestvitelnogo*]. Saint Petersburg, SPbGUEF, 2007, 48 p.

6. Yamshanova V. A. Grammar of the German Language in Algorithms. Part 2: A Verb [*Grammatika nemetskogo yazyka v algoritmakh. Chast 2: Glagol*]. Saint Petersburg, SPbGUEF, 2009, 74 p.

7. Yamshanova V. A. Grammar of the German Language in Algorithms. Part 3: Syntax [*Grammatika nemetskogo yazyka v algoritmakh. Chast 3: Sintaksis*]. Saint Petersburg, SPbGUEF, 2010, 83 p.

УДК 82.03; 811.111

Фразеологические единицы в романе Т. Драйзера «Американская трагедия»^{*}

Смирнова Анастасия Олеговна – федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения», кафедра иностранных языков, магистр, Санкт-Петербург, Россия.

Email: seapretty@gmail.com

196135, Россия, Санкт-Петербург, ул. Гастелло, д.15,
тел: +7 921 757 55 12.

Авторское резюме

Состояние вопроса: Перевод фразеологических единиц представляет собой сложную задачу, требующую комплексного подхода. Фразеологизмы являются своеобразными украшениями языка и носителями эстетической функции в художественном тексте. Несмотря на то, что многие из них имеют постоянные межъязыковые соответствия, переводчик в первую очередь должен учитывать контекст, от которого зависит не только смысл фразеологической единицы, но и ее функция в тексте.

Результаты: В ходе работы были рассмотрены теории ученых, занимающихся изучением фразеологии русского и английского языков. Из всего многообразия классификаций устойчивых сочетаний, предлагаемых авторами фразеологических теорий, были выделены классификации фразеологизмов, опирающихся на признаки, которые имеют первостепенное значение для теории и практики перевода. Итак, мы определили, что определение фразеологизма, предложенное В. М. Мокиенко, наиболее полно отражает смысл понятия «фразеологическая единица» и помогает четко отделить фразеологизм от свободного словосочетания. Среди рассмотренных классификаций наиболее оптимальными для практики перевода оказались классификация по грамматическому признаку (с опорой на стержневой компонент) и классификация Н. Н. Амосовой, опирающаяся на такой признак, как постоянство контекста. Признаки, на которых основаны данные классификации, принимаются во внимание при переводе и, следовательно, при сравнительно-сопоставительном анализе перевода устойчивых сочетаний. Иллюстративным материалом послужил роман Т. Драйзера «Американская трагедия». Фразеологизмы романа предварительно были распределены на две группы в соответствии с выбранными классификациями.

При анализе способов перевода фразеологизмов была выбрана классификация способов перевода устойчивых сочетаний Н. Л. Шадрина, на основе которой был проведен анализ частотности использования того или иного способа перевода.

^{*} © А. О. Смирнова, 2015.

Область применения результатов: Выделенные в романе фразеологизмы могут быть полезны не только для изучения авторского стиля Т. Драйзера, но и для понимания структуры фразеологизмов и их функции в тексте. Помимо этого, способы перевода, рассматриваемые в статье, могут послужить основой переводческих действий при работе с текстом, содержащим фразеологизмы.

Выводы: Диаграмма, составленная в ходе анализа перевода фразеологических единиц, отразила наиболее частотные способы передачи фразеологизмов при переводе романа Т. Драйзера «Американская трагедия».

Ключевые слова: фразеологическая единица; фразема; идиома; Н. Н. Амосова; стержневой компонент; способы перевода; Т. Драйзер; Американская трагедия.

Phraseological Units in Theodore Dreiser's Novel "An American Tragedy"

Smirnova Anastasija Olegovna – Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Department of Foreign Languages, master, Saint Petersburg, Russia.

Email: seapretty@gmail.com

196135, Russia, Saint Petersburg, Gastello st., 15,

tel: +7 921 757 55 12.

Abstract

Background: Phraseological units are quite complicated phenomenon from the point of view of translation. Characteristically they have figurative meaning and consist of the lexemes, which meanings cannot be deduced from the meanings of separate words. Hence, the central problem of the translator is to find the phraseological unit in the text and to produce an adequate target text corresponding to the stylistic norms of the source text. Primarily, the one should start the translation from the context analysis to interpret the meaning of each phraseological unit correctly.

Results: The article analyses the works of scholars dealing with the study of phraseology of the Russian and English language and highlights the most appropriate theories from the translation practice point of view. The definition of the phraseological unit suggested by V. M. Mokienko is regarded as the most meaningful as it covers all significant aspects to help distinguish the free phrase from the fixed one. With regard to classifications, the article considers two of them as central: classification based on grammatical characteristics and classification by N. N. Amosova based on the context constancy. Grammatical classification assumes phraseological unit to have a pivotal component which can be a verb, noun, adjective or adverb. These characteristics are crucial for the translation practice as they help not only to understand the phraseological unit meaning, but also to analyze the context and the structure of such units. This statement was proved on the specific examples from Theodore Dreiser's novel "An American Tragedy" to show the role of

phraseological units in fiction. According to the chosen classifications, all these units were divided in two groups and provided by examples.

The third classification by N. L. Shadrin deals with translation techniques for the phraseological units describing the main principles and reasons of each method implementation. On the basis of this classification we counted the frequency of each technique used in the translation process of the novel “An American Tragedy” to the Russian language.

Research implications: Phraseological units found in Theodore Dreiser’s novel contribute to the study of author style peculiarities and to the understanding of the phraseological unit structure and their function in the text. Reviewed in the article translational techniques could be regarded as the basis for translator’s activities in the process of working with texts.

Conclusion: The pie chart drawn as a result of the analysis reflected the most frequent translational techniques found in the process of translation the novel “An American Tragedy” to the Russian language.

Keywords: phraseological unit; pivotal component; translation techniques; N. N. Amosova; grammatical classification; context constancy; An American Tragedy; Th. Dreiser.

Фразеологические единицы (*далее ФЕ*), в отличие от остальных единиц языка, обладают особой экспрессивностью и образностью. Такие единицы составляют особый пласт языка, именуемый фразеологией. Фразеология – это самостоятельная лингвистическая дисциплина. Ее предметом является изучение особенностей ФЕ и их функционирование в речи. Фразеологизмы обогащают нашу речь, делая ее более яркой, живой. В частности, в художественном произведении ФЕ используются для создания образа, а также характеристики персонажа, его характера, поведения, речи и т. д.

Существует большое количество исследований, объектом которых является фразеология. В рамках своих теорий авторы по-разному трактуют фразеологическую единицу. С нашей точки зрения, наиболее полным является определение, предложенное В. М. Мокиенко: ФЕ – это относительно устойчивое, воспроизводимое, экспрессивное сочетание лексем, обладающее целостным значением [5]. Данное определение отражает значимые свойства ФЕ, позволяющие отличить ее от свободного словосочетания. Помимо общих категориальных свойств ФЕ, отраженных в приведенном определении, различные ученые выделяли и более специфичные свойства, присущие фразеологизмам: осложненность семантической структуры, функциональную осложненность и употребительность (С. Г. Гаврин), идиоматичность (В. П. Жуков), известность (В. А. Архангельский), моделируемость (В. М. Мокиенко) и т. д. Для практики перевода важны такие свойства, как воспроизводимость, устойчивость, моделируемость. Воспроизводимость тесно связана с устойчивостью, которая обеспечивает постоянство значения и лексического состава ФЕ. Оба этих свойства помогают выделить фразеологизм в тексте. Моделируемость ФЕ предполагает возможность выстраивания

фразеологизма по структурной схеме, существующей в языке, в случае отсутствия постоянного соответствия или при переводе авторских фразеологизмов.

ФЕ имеют определенное строение и состоят из компонентов. Эти компоненты в составе любого фразеологизма связаны друг с другом. «Компонент – это составная часть фразеологизма, представляющая собой преобразованное слово» [4]. Следует отметить, что компоненты фразеологизма отличаются по степени значимости. В связи с этим выделяется понятие стержневого компонента, который может быть семантическим и грамматическим. Фразеологизмы с формальной точки зрения напоминают свободные словосочетания и стоят по тем же структурным схемам. Например, стержневым словом в словосочетании может быть глагол, существительное, прилагательное и наречие. Так, в русском языке ФЕ образуются по предикативным и непредикативным моделям. Примерами предикативных моделей являются глагольные, субстантивные, наречные и адъективные ФЕ («ломать голову», «гусь лапчатый», «наобум лазаря», «легок на помине»). Непредикативные модели, образованные по модели предложения, составляют относительно небольшую группу («глаза на лоб полезли», «руки чешутся») [4]. Выделение компонентов ФЕ важно для понимания смысла и структуры. Понимание структурной организации единиц способствует грамотному выделению ФЕ в тексте.

Отечественных и зарубежных исследователей на протяжении многих лет волновала проблема классификации фразеологических единиц. Ученые в рамках своих работ создавали классификации с опорой на разные принципы: В. В. Виноградов – на признак мотивированности – немотивированности, А. В. Кунин – на функцию в речи, Б. А. Ларин – на исторический принцип и С. Г. Гаврин – на функционально-семантическую осложненность. Однако, с нашей точки зрения, наиболее обоснованной для практики перевода является классификация Н. Н. Амосовой. В основу классификации положен принцип «постоянного контекста». На этой основе она выделяет фраземы (в которых один из компонентов является указательным минимумом для реализации смысла) и идиомы (характеризующиеся общим значением словосочетания) [1]. Контекст при переводе всегда играет значимую роль. Для достижения адекватного перевода переводчик должен уметь выделять ФЕ в тексте и учитывать указательный минимум для правильного понимания смысла, т. к. многие фразеологизмы могут приобретать авторские коннотации в рамках конкретного произведения.

Рассмотренные теоретические положения нашли отражение в практической части нашей работы. В качестве материала для исследования был взят роман Т. Драйзера «Американская трагедия». При анализе оригинала произведения был найден 91 фразеологизм, из состава которых были исключены пословицы и поговорки. ФЕ, найденные в произведении, были распределены по двум критериям. Первый критерий представлен классификацией на основе стержневого компонента, то есть в основу классификации был положен грамматический признак. В связи с этим все ФЕ

были распределены на 4 группы (глагольные, предложно-именные, адъективные и наречные) (рис.1).

Глагольные фразеологизмы	Именные и предложно- именные фразеологизмы	Адвербиальные фразеологизмы	Адъективные фразеологизмы
To insinuate himself into good graces	On the other hand	Here and there	For good
To lose one's head	On the contrary	To and fro	In short
To go wrong	In the face of smth	Hither and thither	Thick and fast
To make ends meet	With arms akimbo	On and on	
To be on the level with	From head to toe	Right away	
To tie a can to	Into the bargain		
To gain time	From top to bottom		
To walk the plank	At full tide		
To bear in mind	On someone's account		
	In the name of		

Рис. 1. Классификация ФЕ

Вторая классификация создана с опорой на такой критерий, как постоянство контекста. За основу была взята классификация Н. Н. Амосовой. Относительно выделенных критериев ФЕ, все устойчивые сочетания были поделены на фраземы и идиомы (рис.2).

Фраземы	Идиомы
On the other hand – (hand – рука) с другой <u>стороны</u>	To lose one's head - потерять голову
To insinuate oneself into good graces (to insinuate - проникать) – <u>снискать</u> расположение	To be on the level with - честный, правдивый
To go wrong - (wrong - неправильный) - сойти с <u>пути истинного</u>	To tie a can to- порвать отношения
To keep one's eyes open (eye – глаз) - держать <u>ухо</u> остро	To gain time - выиграть время
To make ends meet (meet – встречать)- <u>сводить</u> концы с концами	To walk the plank - быть уволенным
The last word (word – слово) - последний <u>крик моды</u>	To bear in mind - помнить
Part and parcel (parcel – посылка; часть) - <u>главная</u> часть чего-либо	To watch the step - соблюдать осторожность
To string him along (to string – завязывать) – <u>обманывать</u>	To break the ice- сломать лед
To move in her favor (move in – въезжать) – <u>пользоваться</u> благосклонностью	To trifle with fire - играть с огнем
	Snares and pitfalls - соблазны, искушения
	A grain of mustard seed - семя, упавшее на благодатную почву, залог успеха
	Scarlet woman – блудница
	Part and parcel - главная часть чего-либо
	Poor hand – неопытный

Рис. 2. Классификация ФЕ по грамматическому признаку на фраземы и идиомы

Проблема перевода ФЕ остается актуальной в практике перевода, ведь на настоящий момент окончательно не сформулированы и не могут быть однозначно сформулированы способы перевода фразеологизмов. Наша работа заключалась в анализе способов перевода ФЕ на основе оригинала и перевода романа «Американская трагедия». В связи с этим была составлена таблица анализа перевода с точки зрения примененного способа. За основу была взята классификация способов перевода, предложенная Н. Л. Шадриним, согласно которой соответствия при переводе включают: эквивалент, аналог, синонимическое соответствие, постоянное лексическое соответствие, окказиональное лексическое соответствие, контекстуальный аналог, калькированное соответствие и описание [6]. Помимо этого были рассмотрены нефразеологические способы перевода, а именно метафорическое и клишированное соответствие. В результате анализа было выявлено, что чаще всего при передаче ФЕ на русский язык встречается описательный перевод и аналог (рис. 3).

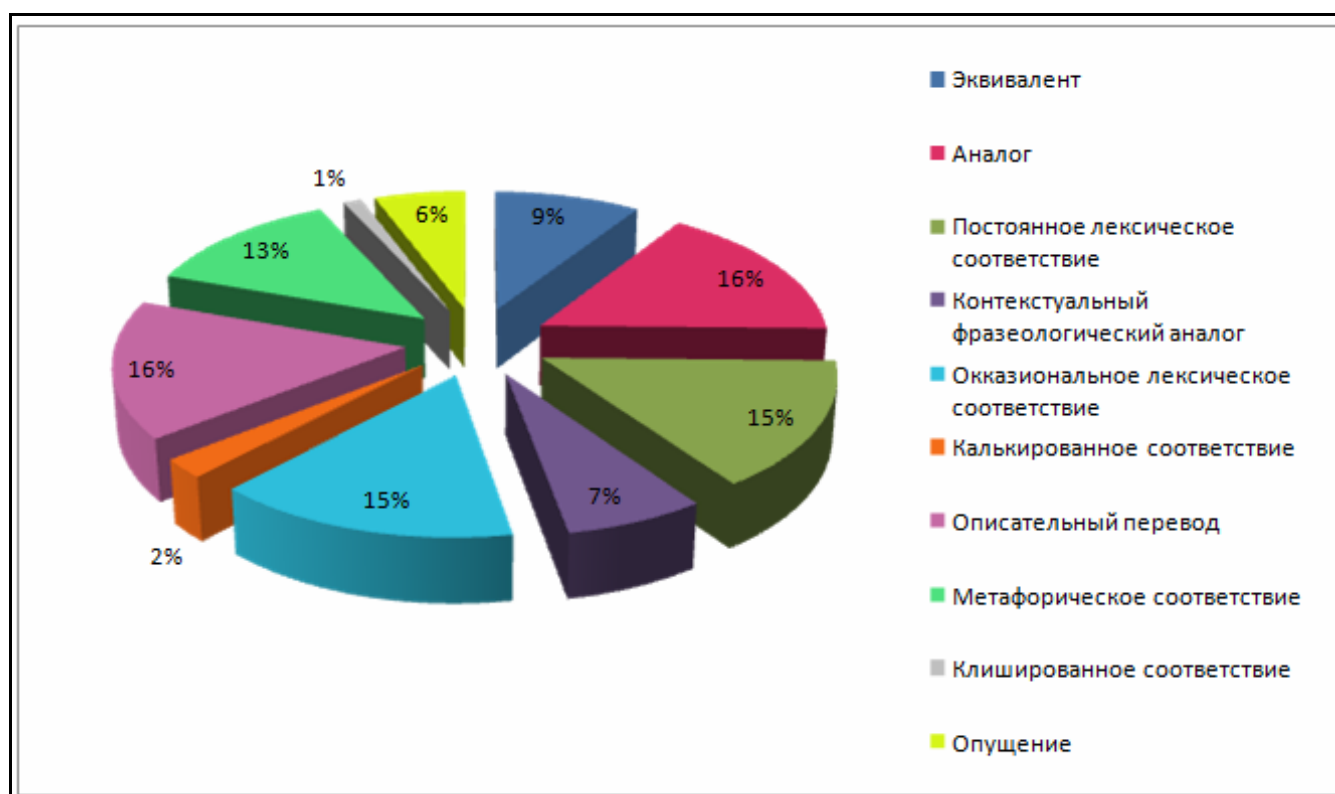

Рис.3 Диаграмма процентного распределения способов перевода ФЕ

Таким образом, были рассмотрены свойства и классификации ФЕ. Помимо этого были описаны особенности строения фразеологизмов. Фразеологизм – это сложное образование, которое требует особого внимания при переводе. Переводчик в первую очередь должен обращать внимание на контекст, в котором употреблена ФЕ. Ведь даже при наличии постоянных межъязыковых соответствий контекстуальное значение ФЕ может отличаться. Фразеологизмы – это богатство и украшения языка, а в художественном произведении еще и носители эстетической функции. Следовательно, перевод таких единиц требует предельной внимательности и особого мастерства.

Список литературы

1. Амосова Н. Н. Основы английской фразеологии. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1963. – 207 с.
2. Драйзер Т. Американская трагедия: Роман в двух частях. Часть первая. – Баку: Язычы, 1988. – 368 с.
3. Драйзер Т. Американская трагедия: Роман в двух частях. Часть вторая. – Баку: Язычы, 1988. – 368 с.
4. Жуков В. П. Русская фразеология. – М.: Высшая школа, 2006. – 408 с.
5. Мокиенко В. М. Славянская фразеология. – М.: Высшая школа, 1980. – 207 с.
6. Шадрин Н. Л. Перевод фразеологических единиц и сопоставительная стилистика. – Саратов: Издательство Саратовского университета, 1991. – 219 с.
7. Dreiser T. An American Tragedy, Vol. 1. – Moscow: Foreign Languages Publishing House, 1949. – 515 p.

8. Dreiser T. *An American Tragedy*, Vol. 2. – Moscow: Foreign Languages Publishing House, 1949. – 342 p.

References

1. Amosova N. N. *Fundamentals of English Phraseology* [*Osnovy angliyskoy frazeologii*]. Leningrad, Izdatelstro Leningradskogo Universiteta, 1963, 207 p.
2. Dreiser Th. *An American Tragedy*. Vol. 1. [*Amerikanskaya tragediya. Chast pervaya*]. Baku, Jazychy, 1988, 368 p.
3. Dreiser Th. *An American Tragedy*. Vol. 2. [*Amerikanskaya tragediya. Chast vtoraya*]. Baku, Jazychy, 1988, 368 p.
4. Zhukov V. P. *Russian Phraseology* [*Russkaya frazeologiya*]. Moscow, Vysshaya Shkola, 1980, 408p.
5. Mokienko V. M. *Slavonic Phraseology* [*Slavyanskaya frazeologiya*]. Moscow, Vysshaya Shkola, 1980, 207 p.
6. Shardin N. L. *Translation of Phraseological Units and Comparative Stylistics* [*Perevod frazeologicheskikh edinits i sopostavitelnaya stilistika*]. Saratov, Izdatelstvo Saratovskogo Universiteta, 1991, 219 p.
7. Dreiser T. *An American Tragedy*, Vol. 1. Moscow, Foreign Languages Publishing House, 1949, 515 p.
8. Dreiser T. *An American Tragedy*, Vol. 2. Moscow, Foreign Languages Publishing House, 1949, 342 p.

ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКИ

УДК 612.821; 159.91

О жизненном и научном пути В. С. Дерябина (к 140-летию со дня рождения)*

Забродин Олег Николаевич – Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет им. акад. И. П. Павлова Министерства здравоохранения Российской Федерации», кафедра анестезиологии и реаниматологии, старший научный сотрудник, доктор медицинских наук, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: ozabrodin@yandex.ru

197022, Россия, Санкт-Петербург, ул. Льва Толстого, 6/8,
тел.: +7 950 030 48 92.

Авторское резюме

Предмет исследования: Анализ этапов жизни и клинической и научной деятельности В. С. Дерябина.

Результаты: Жизненный путь В. С. Дерябина определялся «сверхзадачей» – выяснением физиологических основ психической жизни человека. Этому служили его учеба и работа в лабораториях, руководимых И. П. Павловым, а также возврат к физиологическому эксперименту в середине 30-х гг. Целью явилось исследование функций головного мозга: корково-подкорковых взаимоотношений, интрацентральных отношений, а в психофизиологическом аспекте – изучение аффективности (чувств, влечений и эмоций) и ее роли в психической деятельности. При анализе особое внимание уделено приоритетности исследований В. С. Дерябина: созданию учения о физиологических основах аффективности (монография «Чувства, влечения, эмоции»), психофизиологическому анализу кардинальных проблем психологии (его работы «О сознании», «О Я», «О счастье») и социальной психологии («О потребностях и классовой психологии» и др.).

Выводы: В работах, выполненных в середине 20-х – 50-х гг. XX в., В. С. Дерябин впервые осуществил системный подход к анализу роли аффективности в психической деятельности человека.

Ключевые слова: В. С. Дерябин; жизненный путь; корково-подкорковые взаимоотношения; аффективность; социальная психология.

* © О. Н. Забродин, 2015.

V. S. Deryabin's Life and Research (To Mark the 140-th Anniversary of His Birth)

Zabrodin Oleg Nikolaevich – Pavlov First Saint Petersburg State Medical University, Anesthesiology and Resuscitation Department, Senior Research Worker, Doctor of Medical Sciences, Saint Petersburg, Russia.

E-mail: ozabrodin@yandex.ru

6/8 Lva Tolstogo str., Saint Petersburg, Russia, 197022,

tel: +7 950 030 48 92.

Abstract

Subject of research: Analysis of the stages of V. S. Deryabin's life and his clinical and scientific research.

Results: V. S. Deryabin's life experience was determined by ultimate priority, i. e. to elucidate physiological bases of mental life. This aim was due to his studies and work in the laboratories, headed by I. P. Pavlov, as well as his return to physiological experiments during the mid-1930s. The aim was to study the functions of the brain: cortical – subcortical interactions, intracentral relations and in the psychophysiological aspect – the study of affectivity (feelings, inclinations and emotions) and its role in mental activity. In the paper special attention is given to the priority of V. S. Deryabin's research: the creation of the doctrine of the physiological bases of affectivity (the monograph 'Feelings, Inclinations, Emotions'), psychophysiological analysis of fundamental problems of psychology (his work 'About Consciousness', 'About Ego', 'About Happiness') and social psychology ('On Needs and Class Psychology', etc.).

Conclusions: In the works written in the 1920–1950s V. S. Deryabin was the first to provide a systematic approach to the analysis of the role of affectivity in human's mental activity.

Keywords: V. S. Deryabin; life experience; cortical-subcortical interactions; affectivity; social psychology.

Викторин Сергеевич Дерябин – ученик и продолжатель дела Ивана Петровича Павлова [42; 43], родился 9 ноября 1875 г. по старому стилю в селе Соровском Шадринского уезда Пермской губернии (ныне относится к Курганской области) в семье священника. О происхождении В. С. Дерябина узнаем из аттестата, выданного ему ректором Московского университета в декабре 1911 г.: «Из потомственных почетных граждан; имения ни за ним, ни за родителями его не значится». Семья была большой – семеро детей. В детстве Викторин воспитывался в духе трудолюбия, взаимопомощи, честности, скромности, уважения к людям, отрицательного отношения ко всем формам несправедливости.

Учился в Екатеринбургской гимназии. В отличие от своих сверстников, просто и непосредственно воспринимавших жизнь, вдумчивый юноша рано стал интересоваться вопросами о жизни и смерти. Сам Викторин Сергеевич так

писал об этом в письме внуку: «Я когда-то думал, что человек — существо разумное, одаренное свободной волею, но, когда перед моими глазами прошла жизнь многих людей в разных ситуациях, я увидел, что дело не так просто, что я, в сущности, не знаю, что такое человек... Человек знает себя со стороны своих чувств, желаний, надежд, опасений, симпатий и антипатий, своих мыслей и намерений, но не знает, как и почему они возникают, не знает их материальной физиологической и социальной обусловленности. Из этого незнания вытекает много самообманов, иллюзий, заблуждений, о которых человек не подозревает. Он очень часто не сознает, что чувства, желания, эгоизм, честолюбие и т. д. управляют его разумом. Когда я увидел это, передо мной встал вопрос: что такое человек с его „свободной волей" и поступками? И я стал психиатром, изучал психологию и физиологию центральной нервной системы, и это определило направление всей моей работы, стало делом жизни» [27, с. 148].

С шестого класса участвовал в работе нелегального гимназического кружка. Сам он писал об этом так: «Читали мы тогда и токовали о всякой всячине: и Дарвина, и Писарева с Добролюбовым, и политэкономию, и об экономическом развитии России, и всякую иную печатную и гектографическую нелегальную литературу – все это было тогда запрещено. Читали, конечно, и легальную литературу. Издавались тогда и программы для самообразовательного чтения в целях выработки мировоззрения» [27, с. 254]. Вспоминая то время, Викторин Сергеевич отмечал, что чтение запрещенной литературы, обсуждение социально-политических вопросов, волновавших студенчество, расширили кругозор и дали хорошую подготовку для поступления в университет.

После окончания гимназии в 1895 г. В. С. Дерябин поступает на отделение естественных наук физико-математического факультета Московского университета. В ту пору Московский университет являлся центром волнений демократически настроенного студенчества. Захватили они и В. С. Дерябина. В январе 1897 г. он был уволен из университета за участие в Союзном Совете студенческих землячеств. Из переписки Московского охранного отделения видно, что В. С. Дерябин по делу о Союзном Совете 23 декабря 1896 г. в г. Москве был обыскан, но, так как 26 декабря 1896 г. выбыл в Калужскую губернию, остался неарестованным. 22 января 1897 г. Московским охранным отделением ДЕРЯБИН В. С. был задержан и по постановлению министра внутренних дел был подчинен гласному надзору полиции на два года, на родине, в Пермской губернии.... Из переписки министерства внутренних дел от 20 ноября 1898 года видно, что ДЕРЯБИН В. С. в 1898 году от гласного надзора полиции был освобожден с воспрещением жительства в столицах вплоть до особого распоряжения [1].

В ту пору уволенным из столичных университетов разрешалось поступать в один из периферийных университетов. В январе 1899 г. В. С. Дерябин был принят в число студентов медицинского факультета Юрьевского (ныне – Тартуского) университета, однако и тут продолжал активно участвовать в студенческих волнениях. Уже в марте 1899 г. за участие в общестуденческом

съезде в Москве его увольняют под предлогом непосещения лекций. 21 апреля 1899 г. в Москве, в квартире Ильи Ивановича Шишановича, ДЕРЯБИН В. С. был арестован, содержался под стражей в Арбатском полицейском доме и по делу о «Всероссийском студенческом съезде» привлекался к дознанию по 318 ст. ул. о нак. при Московском охранном отделении [1] и выслан на родину в г. Шадринск под гласный надзор полиции.

В августе 1900 г. В. С. Дерябин был вновь принят в число студентов Юрьевского университета, но в марте 1902 г. был уволен за участие в общеинститутской недозволенной сходке. В 1903 г. В. С. Дерябин получает отказ министра народного просвещения на свое прошение о продолжении образования в одном из университетов России, что заставило его для этой цели выехать в Германию.

С 1903 г. по 1908 г. он проходит обучение в Мюнхенском университете. В то время, как известно, в деревне были сильны влияния социалистов-революционеров (эсеров), по-видимому, к ним был близок и В. С. Дерябин. В январе 1906 г он был арестован в Жиздренском уезде Калужской губернии за подстрекательство крестьян деревни Марьино к захвату частновладельческой земли и неплатежу казенных повинностей; с 12 января содержался под стражей в Жиздренской уездной тюрьме, а 5 февраля был выслан под гласный надзор полиции в Архангельскую губернию на четыре года [1]. Во время сессии 1-й Государственной думы В. С. Дерябин получил разрешение уехать за границу и в августе 1906 г. выехал в Мюнхен для продолжения учебы.

На медицинском факультете он с большим увлечением слушал лекции корифея психиатрии Эмиля Крепелина, который впервые выделил шизофрению как самостоятельную нозологическую единицу под названием «деменция прекокс» (раннее слабоумие). Сам В. С. Дерябин подчеркивал, что лекции Э. Крепелина определили для него выбор будущей специальности – психиатрии. Под влиянием ярких лекций Э. Крепелина у В. С. Дерябина сформировался глубокий интерес к психической жизни человека, страстное стремление помочь самым несчастным – психическим больным.

Сохранилось немного сведений о годах учебы В. С. Дерябина в Германии. Хорошее знание немецкого языка впоследствии помогло ему в знакомстве с литературой по психиатрии, психологии и физиологии. Многие книги по этим дисциплинам имелись в оригинале в его библиотеке. На них он часто ссылался в своих работах. Пребыванием В. С. Дерябина в Германии навеяны его высказывания о реакционном влиянии германского государства на студенчество. В «Письме внуку» Викторин Сергеевич писал об этом: «В Германии вопрос об умении держать себя в обществе практически был поставлен так. В университетские города съезжались зеленые молодые люди, часто неуклюжие, застенчивые. В университете они вступали в корпорации, и тут начиналась их муштра. Вновь поступивших – “фуксов” обрабатывали старые корпоранты, давали им всякие поручения, нередко издевательского характера. Они учились танцам, участвовали в балах, учились фехтованию. Они должны были научиться, где нужно быть светскими людьми, а при случае быть дерзкими и нахальными. Для этого служили дуэли. Чтобы вызвать на дуэль,

нужно было оскорбить, проявить нахальство. На дуэли нужно было проявить твердость, хладнокровно перенести рану и зашивание ее. И это проделывалось повторно. Выпускался немец, способный делать карьеру и служить своему хищному фатерланду. Так готовила своих людей к жизни аристократия, дворянство и буржуазия» [28, с. 72]. В том же письме он приводит слова своего квартирного хозяина-немца: «Против всего можно пойти, а против моды не пойдешь!» [27, с. 153].

В 1908 г. В. С. Дерябин оканчивает университет, защитив диссертационную работу на степень доктора медицины: «Zur Kenntnis der malignen Nebennierentumoren» [51]. К моменту окончания университета в 1908 году ему 33 года. Можно видеть, что участие в студенческом движении, преследования царского правительства помешали ему вовремя получить высшее образование и посвятить себя избранной специальности. Викторин Сергеевич впоследствии в своем «Эпилоге» [32] положительно оценил период своего «студенческого бунтарства».

В биографии В. С. Дерябина, как увидим далее, было немало моментов, когда он как бы все начинал сначала – иногда в силу обстоятельств, иногда – сознательно, но это не лишало его мужества, целеустремленности, не нарушало predetermined личностью «линию жизни».

В контексте настоящего времени, связанного с переоценкой нашего исторического прошлого, меры воздействия царской администрации в отношении студентов-бунтарей, добивавшихся регулирования общественной жизни студенчества и прогрессивного решения социальных вопросов, нельзя не признать относительно мягкими. Подобные репрессии коснулись и известного в будущем поэта Максимилиана Волошина – активного участника студенческих волнений в Московском университете, арестованного по делу о Всероссийском студенческом съезде в 1900 г. [47]. Репрессивные меры заключались во временном исключении из университета с высылкой на родину с правом последующего поступления в высшее учебное заведение. Трижды исключенный из российских университетов (один раз – из Московского, дважды – из Юрьевского), В. С. Дерябин все же имел возможность завершить образование за границей с последующим правом получить врачебную специальность на родине.

Для того чтобы получить право заниматься врачебной практикой в России, необходимо было сдать «лекарские экзамены». В связи с этим в 1908 г. доктор медицины Мюнхенского университета Викторин Сергеевич Дерябин, бывший студент Московского и Юрьевского университетов, обратился в Министерство Народного просвещения с ходатайством разрешить ему подвергнуться экзаменам на звание лекаря в медицинской испытательной комиссии при одном из российских университетов. Такое разрешение было получено, и в 1909 г. им были сданы лекарские экзамены при Московском университете.

С января по ноябрь 1910 г. В. С. Дерябин служил уездным врачом сначала в Пинежском уезде Архангельской губернии, затем на родине – в Шадринском уезде Пермской губернии. Однако Викторин Сергеевич неуклонно стремился стать психиатром. С этой целью он работает сначала экстерном, а с февраля

1911 г. – ординатором психиатрической клиники Московского университета, директором которой был профессор Владимир Петрович Сербский. О работе у В. П. Сербского В. С. Дерябин вспоминал следующее. «Когда я был в клинике, директором был очень хороший старик. От него зависело, кого из оканчивающих ординаторов он оставит при клинике в качестве ассистента. Я, вновь поступивший, наблюдал, как ему стараются угодить. Он любил, чтобы ему для журнала давали рефераты иностранных статей. И вот один ему даст три реферата, другой пять, тогда в следующий раз первый тащит семь. Один молодой ординатор проявлял горячий энтузиазм ко всему, что нравилось старику. Посмотрел я на эту конкуренцию и решил, что эта дорога не для меня, в такую конкуренцию я не вступлю. Для меня лишь есть путь работы и конкуренции лишь путем – кто лучше кого сделает» [28, с. 72].

Специализации по психиатрии помешали общественные события, взволновавшие Московский университет. По приказу реакционного министра народного просвещения Л. Д. Кассо, отличавшегося антисемитизмом, из университета были уволены известные прогрессивными взглядами профессора А. А. Мануилов и М. А. Мензбир. В. П. Сербский в знак протеста против этого увольнения подал заявление об уходе из университета. Из солидарности с ним в сентябре 1911 г. отказались от должности многие преподаватели и врачи, среди которых был и В. С. Дерябин, верный своим общественным убеждениям.

С января 1911 г. по февраль 1912 г. В. С. Дерябин сдает докторантские экзамены при Московском университете. В это время он связывает свою судьбу со студенткой женских медицинских курсов Еленой Александровной Захаровой, ставшей женой и впоследствии врачом-психиатром, верным другом и помощником В. С. Дерябина в жизни и работе, матерью троих детей – Нины (род. в 1912 г.), Сергея (род. в 1918 г.) и Ольги (род. в 1919 г.).

С декабря 1912 г. по июнь 1914 г. В. С. Дерябин работает в лабораториях академика И. П. Павлова в Императорских Военно-медицинской академии (ИВМА) и Институте экспериментальной медицины (ИИЭМ) в качестве соискателя. В этих лабораториях в ту пору широко развернулись работы по физиологии высшей нервной деятельности (ВНД). «Лишь один из учеников И. П. Павлова в этот период был психиатром, но и то оставившим психиатрию и избравшим своей новой специальностью физиологию (Дерябин)» [44, с. 20].

И. П. Павлов поручил В. С. Дерябину работу по физиологии времени как условного возбудителя слюнных желез. Параллельно этой работе он продолжал изучать невропатологию и психиатрию в соответствующих учреждениях, в частности, в течение 1912–1913 учебного года слушал курс лекций в Императорском клиническом институте (впоследствии – Государственный Институт для усовершенствования врачей (ГИДВ), позднее – Медицинская академия последипломного образования (МАПО), ныне – Северо-Западный государственный медицинский университет им. И. И. Мечникова). Лекции читали профессора Л. В. Блуменау, З. М. Вайнштейн, Л. М. Кутузов, М. Е. Колпакчи и другие видные ученые.

И. П. Павлов очень требовательно относился к выполнению экспериментов начинающими сотрудниками, а с допустившими в проведении опытов

небрежность, невнимательность без сожаления расставался. В. С. Дерябин – вдумчивый и педантичный в исследованиях – выдержал экзамен на право работать у И. П. Павлова. Об этом свидетельствует характеристика, данная ему И. П. Павловым 24 июня 1924 г. [43, с. 202–203]: *«Сим свидетельствую, что знаю д-ра В. С. Дерябина по его работе по физиологии головного мозга в заведомой мной физиологической лаборатории Института Экспериментальной Медицины. На основании этого знакомства должен рекомендовать его как в высшей степени добросовестного, наблюдательного и вдумчивого научного работника, каковые качества особенно выступили в трудной области исследования, которую представляет сейчас физиология больших полушарий, изучаемая по новому методу (условных рефлексов).*

Ленинград

Проф. И. П. Павлов»

Полученные экспериментальные данные послужили материалом для докторской диссертации «Дальнейшие материалы к физиологии времени как условного возбудителя слюнных желез» [3], которую В. С. Дерябин успешно защитил на заседании Ученого Совета ИВМА в марте 1917 г. Оппонентами (тогда их называли цензорами) по диссертации выступали профессора И. П. Павлов, Н. П. Кравков и доцент Л. А. Орбели.

В августе 1914 г. в связи началом 1-й Мировой войны В. С. Дерябин был мобилизован и служил последовательно младшим врачом пешей дружины, врачом пехотного полка, ст. ординатором дивизионного лазарета. С июня по сентябрь 1917 г. он состоял членом Главного Военно-Санитарного Совета, будучи выбранным врачами Юго-Западного фронта. С сентября 1917 г. был ординатором эвакуационного госпиталя для нервных и душевно больных. По демобилизации, с марта 1918 г. по август 1919 г. В. С. Дерябин работал в Шадринском Земстве сначала санитарным врачом, затем врачом Городской Земской больницы. В августе 1919 г. он был мобилизован в армию Колчака, а с января по март 1920 г. служил помощником главного врача 2-го Петропавловского госпиталя Красной Армии.

Бурные годы империалистической и гражданской войн нарушили судьбы миллионов людей, помешали они и В. С. Дерябину своевременно включиться в работу врача-психиатра. Такая возможность представилась в августе 1920 г., когда В. С. Дерябин с семьей – женой и тремя детьми переезжает в старинный университетский город Западной Сибири Томск. Здесь он с августа 1920 г. по ноябрь 1922 г. работает последовательно ординатором, зам. главного врача по медико-санитарной части, а в 1923 г. – главным врачом Сибирской областной психиатрической больницы [46].

В архиве лечебницы сохранился рапорт В. С. Дерябина от 8.08.20, заставшего больницу в плачевном состоянии: «Доношу, что вверенное мне отделение находится в крайне тяжелом положении. Внешний вид палат производит удручающее впечатление на сознательных, в особенности впервые поступивших больных: голые стены, истертый пол, койки, не покрытые простынями и одеялами. В отделении расставлено 60 коек, а число больных доходит до 120. Часть больных помещается подвое на койке, часть на полу...

Количество персонала явно недостаточно...из 27 сиделок, положенных по штату, имеется 11.... Много истощенных, цинготных, дизентерийных больных... Ванны в отделении не работают...слабые и неопрятные больные не моются по нескольку месяцев» [46].

В воспоминаниях, впервые публикуемых, дочь В. С. Дерябина Нина Викториновна Дерябина так писала о том времени: «Состав врачей в Томской психиатрической больнице был очень неоднороден. Старшее поколение врачей работало там еще до революции и держалось обособленно.... Папа принадлежал к среднему поколению врачей. Позднее все больше стало появляться молодых способных специалистов, окончивших медицинский институт в Томске. Они явно тяготели к отцу». Среди учеников В. С. Дерябина были врачи: Игорь Стапанович Сумбаев, Александра Степановна Борзунова, Яков Львович Виккер и др., ставшие впоследствии профессорами, заведующими кафедр.

И. С. Сумбаев (1900–1962) оформился как психиатр под многолетним руководством В. С. Дерябина. В 1928 г. по предложению В. С. Дерябина он переехал в Иркутск для работы на кафедре психиатрии медицинского факультета Иркутского гос. университета, которую с 1927 г. возглавлял его учитель, а в последствии – с 1939 по 1962 г. – сам профессор И. С. Сумбаев. Он известен в особенности работами в области судебной психиатрии. Еще в 30-е гг. И. С. Сумбаев выполнил ряд работ клинко-экспериментального характера о влиянии фармакологических веществ на галлюцинации и бредовые идеи [51].

А. С. Борзунова (1896–1980), работавшая в Томской областной психиатрической больнице в 1925–1935 гг., первую научную работу «О психопатологии эпидемического энцефалита» в 1927 г. выполнила под руководством В. С. Дерябина. Впоследствии она – доктор медицинских наук, профессор, заведовала кафедрами психиатрии в Уфе и Ленинграде.

Яков Львович Виккер прислал автору этих строк воспоминания об учителе. «Доктор медицины В. С. Дерябин несколько лет работал заместителем директора Томской психиатрической больницы по медицинской части. В очень трудных условиях разрухи тех лет В. С. (Викторин Сергеевич – О. З.) руководил текущей работой врачей-психиатров больницы и возглавлял конференцию врачей, на которой систематически представлялись психические больные. Благодаря В. С. конференция работала на высоком теоретическом уровне.

В. С. был очень доступен и внимателен к интересам молодых психиатров. Молодому психиатру А. Г. Ципесу он предоставил возможность начать психотерапевтическую деятельность в больнице и продолжить ее в клинике, где А. Г. Ципес приобрел широкую известность как гипнотерапевт. В результате тов. А. Г. Ципес смог организовать первый в Томске психотерапевтический общедоступный прием при одной из городских амбулаторий... Нам, психиатрической молодежи, соприкасавшейся с В. С., была известна уже тогда заветная мечта его – написать книгу о психологии на физиологической основе» (речь идет о монографии «Чувства, влечения и

эмоции», первый вариант которой был написан В. С. Дерябиным в 1928–1929 гг. – О. 3.).

В. С. Дерябин постоянно стремился вести научную работу в области психиатрической клиники и психофизиологии. Этим можно объяснить, что с января 1923 г. он по приглашению профессора Л. И. Оморокова – зав. кафедрой нервных и душевных болезней медицинского факультета Томского университета – перешел на работу в нервно-психиатрическую клинику при кафедре в качестве старшего ассистента (должностей доцента и профессора в то время не существовало). При этом В. С. Дерябин не порвал связи с больницей, оставаясь консультантом Сибирской областной психиатрической больницы, куда ездил раз в неделю и председательствовал на конференции врачей.

Напряжённая клиническая работа требовала экспериментальной проверки. В связи с этим в 1924 г. В. С. Дерябин обратился к И. П. Павлову с просьбой дать возможность выполнить в его лаборатории экспериментальную работу. Сохранился ответ И. П. Павлова [43]. В письме сохранена старая орфография, которой оставался верен И. П. Павлов. Письмо написано на сдвоенном листе бумаги размером 9×11 см чёрными чернилами.

1924 г., 24 марта

Многоуважаемый Викторин Сергеевич,

Конечно, я был бы рад Вас принять опять в лаборатории как отличного работника, но очень боюсь, что Ваша работа в силу чрезвычайной переполненности моей лаборатории будет очень затруднена. Теперь не то, что было раньше: работой хоть целый день. Сейчас комнату занимают двое – трое, работать приходится по определённым часам. Да и с животными беда: нет достаточного помещения и не всегда хватает средств для их пропитания. Так и рассудите сами: есть Вам расчёт работать при таких условиях, или нет. Тема, о которой пишете в письме, не разрабатывалась дольше. Но надо сказать, что тот предмет далеко вперёд ушёл против Вашего периода во многих отношениях. Конечно, есть не малый интерес и просто только познакомиться со всем тем, что сейчас делается в лаборатории. Намечаются очень определённые и важные отношения нашей работы к нервным заболеваниям.

Итак, как хотите, но знайте, что дело с некоторым риском.

Преданный Вам

Ив. Павлов.

Несмотря на отсутствие возможности экспериментально проверить свои научные гипотезы в стенах павловской лаборатории, В. С. Дерябин использует работу на кафедре для организации научных исследований. В 1924 г. он вместе со студентами А. Г. Ципесом и Я. Л. Виккером создает кружок психопрофилактики. При его содействии при неврологической клинике была открыта экспериментально-психологическая лаборатория. Методы экспериментально-психологического исследования В. С. Дерябин широко применил при изучении психических нарушений у больных в исходных

состояниях эпидемического энцефалита и у пациентов с психическими заболеваниями.

В созданной лаборатории В. С. Дерябин регулярно проводил занятия со студентами, в ней же он выполнил работу «О восприятии объемов» у зрячих и слепых испытуемых, опубликованную в Иркутске отдельной брошюрой в 1928 г. [11]. Подробнее об этом вспоминал Я. Л. Виккер: «Помню, например, как я... присутствовал в свободное от дежурств время при том, как В. С. исследовал у больных...восприятие объема. Исследования эти В. С. проводил во врачебной библиотеке, служившей и для заседаний конференции врачей, на которых В. С. председательствовал. Для своих исследований В. С. приходилось самому заказывать какому-то мастеру деревянные кубики и шарики различной величины. В такой обстановке В. С. проводил свои психофизиологические исследования, которые должны были привести к вынашиваемой В. С. надежде когда-нибудь написать книгу о физиологической психологии. И доктор медицины, защитивший диссертацию у И. П. Павлова, охотно допускал студента, мечтавшего стать психиатром, присутствовать при его исследованиях и давал студенту пояснения. Помню, как, касаясь условий, в которых приходилось проводить исследования в те времена, В. С. любил повторять: “А что делать? Податься ведь некуда!”. Фразы эти он произносил как-то особенно мягко и при этом добродушно улыбался, заражая и нас своим оптимизмом и настойчивостью в достижении поставленной цели в науке...

В бытность старшим ассистентом В. С. опубликовал ряд работ и в числе их интересное наблюдение над индуцированным психозом: муж, больной шизофренией, паранойдной формой с религиозным бредом величия, и жена, истероидная личность, индуцированная бредом мужа. Они были выявлены в тюрьме пишушим эти строки в порядке психиатрического надзора и направлены в психиатрическую больницу, где и были представлены Викторину Сергеевичу» (Письмо Я. Л. Веккера О. Н. Забродину от 23.11.1976). Речь идет о статье В. С. Дерябина «О психогенезисе индуцированного помешательства» [6].

Обращает на себя внимание 1926 г., отмеченный пиком публикаций Викторина Сергеевича: тут и работы непосредственно по психиатрии [4–6], и на стыке психиатрии с неврологией [7; 8]. О большом интересе к вопросам прикладной (военной) психологии свидетельствует статья «Задачи и возможности психотехники в военном деле» 1926 [33]. Проблемы психологии и психиатрии одновременно привлекали внимание В. С. Дерябина, объединяющим моментом являлся его постоянный интерес к психофизиологической проблеме, укрепившийся в период его работы у И. П. Павлова.

Поворотным моментом в научных исследованиях В. С. Дерябина явилось изучение им в середине 20-х гг. психических нарушений у больных в исходных состояниях эпидемического энцефалита. У таких больных он обратил внимание на значительные расстройства в эмоционально-волевой сфере, которые превалируют над нарушениями внимания, памяти и способности к логическому суждению. Он писал: «При побледнении душевных движений получился живой

труп. Психическая жизнь интеллигентного человека оказалась сведенной к низшим проявлениям: из больного, выражаясь образно, как бы вынули душу, и сохраненный интеллект не может прикрыть глубокого изменения личности» [10; 39]. Это позволило ему в 1928 г. сделать важный вывод о том, что в отношении психических функций, которые ранее связывали исключительно с деятельностью коры больших полушарий, теперь приходится признать возможным, что эмоции и воля находятся в функциональной зависимости от подкорковых образований.

Этот «клинический опыт, произведенный природой», как его называл В. С. Дерябин, подвигнул его на написание в 1928–1929 гг. монографии «Чувства, влечения и эмоции», которая в случае опубликования могла явиться первой в стране на эту тему. Опубликованию книги помешали идеологические установки того времени. В связи с этим книга вышла в свет только в 1974 г., через 20 лет после смерти автора.

Сам автор предпослал названию книги подзаголовок: «Опыт изложения с психофизиологической точки зрения». В этом проявилась приверженность его диалектическому материализму, а во взглядах на психофизиологическую проблему – материалистическому монизму. В монографии В. С. Дерябин изложил положения учения о физиологических основах аффективности. Проблема аффективности – чувств, влечений (ныне – мотиваций) и эмоций привлекла его не только благодаря клиническому опыту, но и потому, что чувства, влечения и эмоции являются одновременно явлениями физиологическими и, вместе с тем, имеющими психическую, субъективную окраску. Таким образом, по В. С. Дерябину, аффективность представляет собой связующее звено между физиологическим и психологическим. Вместе с тем, как подчеркивает автор, объединение простых чувств, влечений и эмоций под общим термином аффективность свидетельствует об эволюционной генетической связи между простыми чувствами, влечениями и эмоциями.

В работе «О закономерности психических явлений» [9; 29], предшествовавшей написанию монографии «Чувства, влечения и эмоции», В. С. Дерябин излагает методологические подходы к изучению психики на основе достижений физиологических школ И. П. Павлова и А. А. Ухтомского. В частности, он применяет принцип доминанты А. А. Ухтомского, опубликованный последним в 1925 г. [52], для объяснения механизма действия влечений (мотиваций) и впервые выдвигает положение о единой психофизиологической доминанте. Таким образом, еще в конце 20-х гг. он обосновал положения учения о физиологических основах аффективности.

В стремлении полностью отдаться работе по психиатрии В. С. Дерябин вместе с семьей переезжает в Иркутск, где проходит по конкурсу на должность заведующего кафедрой психиатрии лечебно-профилактического факультета Иркутского госуниверситета (с 1930 г. – Восточно-Сибирского медицинского института). В этой должности он работает в звании профессора с мая 1927 г. по июль 1933 г.

По приезду В. С. Дерябина тепло встретил проф. Н. Н. Топорков, коллега и товарищ по работе в Томской психиатрической больнице, а ныне заведующий

кафедрой нервных болезней лечебно-профилактического факультета Иркутского госуниверситета. На II и III Сибирских совещаниях здравоохранения он выдвигает программу развития психиатрической службы в Иркутской губернии и Восточной Сибири, рассматривая Иркутск с его кафедрой и клиникой в качестве будущего центра психиатрической помощи в Восточной Сибири, базы подготовки врачей-психиатров и среднего медицинского персонала [49].

Понятно, что Н. Н. Топорков привлек к осуществлению своих планов В. С. Дерябина, который стремился продолжить исследования на самостоятельной кафедре психиатрии. Как и в Томске, В. С. Дерябин не ограничивается чисто клинической работой. При кафедре им организуется экспериментально-физиологическая лаборатория с экспериментально-психологическим исследованием больных. В этой работе ему помогают И. С. Сумбаев и М. А. Панкратов, вместе с которыми В. С. Дерябин изучает проблемы общей психопатологии и патофизиологии ВНД. М. А. Панкратов был учеником В. С. Дерябина. Вероятно, по инициативе В. С. Дерябина он вслед за ним переехал в Ленинград и стал коллегой Л. А. Орбели. С 1955 по 1957 г. он – зав. кафедрой анатомии и физиологии человека и животных в Педагогическом институте им А. И. Герцена, впоследствии в течение ряда лет – профессор этой кафедры.

Работая в Иркутске, В. С. Дерябин много сил и времени уделяет учебно-преподавательской деятельности, общественной и административной работе, будучи деканом лечебно-профилактического факультета Иркутского госуниверситета. О напряженной деятельности В. С. Дерябина в этот период вспоминал во впервые публикуемом письме автору этих строк профессор Б. Х. Ходос, работавший тогда ассистентом кафедры нервных болезней. «За время пребывания в Иркутске В. С. (Викторин Сергеевич – О. З.) провел большую работу по организации кафедры психиатрии, уделял много внимания организации учебной работы студентов, обеспечил высокий уровень преподавания этой дисциплины, провел большую методическую работу с сотрудниками кафедры и со студентами. Руководство мединститута высоко оценило его организационную и методическую работу и привлекло к работе в деканате лечебно-профилактического факультета... Викторин Сергеевич уделял много внимания учебно-методической работе – курсу лекций, групповым занятиям, зачетам, экзамену и пр. Викторин Сергеевич был хорошим вузовским лектором, студенты с интересом слушали его лекции, серьезно относились к зачетам и контрольным занятиям в студенческих группах.

Профессор В. С. Дерябин был высоко-эрудированным психиатром, отлично знал русскую и немецкую литературу по своей специальности, хорошо изучал каждого больного, намеченного к разбору на лекции... Викторин Сергеевич стремился сочетать свою огромную учебную, лечебно-консультативную и организационную работу с научной, несмотря на слабое оборудование кафедры.

Профессор В. С. Дерябин... отличался большой скромностью, доступностью и простотой в общении. Он очень внимательно относился к больным и их родственникам. Это было счастливое сочетание: большой врач-специалист и гуманист в самом большом значении этих слов. Эти мои строчки я хотел бы закончить, отметив еще одну особенность личности Викторина Сергеевича: он был очень хорошо знаком с литературой социально-экономического профиля».

В воспоминаниях проф. Б. Х. Ходоса В. С. Дерябин предстает в новых качествах: способного лектора, организатора учебной и методической работы в масштабах не только кафедры, но и института. Его организаторские способности проявились при создании Восточно-Сибирского краевого научно-медицинского общества и Восточно-Сибирского медицинского института.

В 1931 г. вышли из печати две статьи В. С. Дерябина: «Задачи психиатрической помощи в Восточной Сибири» [12] и «Задачи Восточно-Сибирского краевого научно-медицинского общества» [13], которые характеризуют его как организатора здравоохранения и психиатрической помощи в Восточной Сибири. Во второй статье он дает широкий обзор положения научных исследований в капиталистических странах в XIX и XX вв. Далее автор переходит к задачам науки в условиях социалистического общества, приводит слова Н. И. Бухарина, сказанные им на Всесоюзной конференции по планированию научно-исследовательской деятельности: «Наука должна стать практическим рычагом нашего великого строительства, это предполагает ориентацию на массу, небывалую в истории демократизацию знаний, рост массовой технической научной культурности... Только бешено развивая научно-исследовательскую работу, повышая ее темпы, применяя новые социалистические методы, решительно расширяя сеть научно-исследовательских учреждений, повышая удельный вес науки всей общественной жизни Союза, только смело соединяя ее с промышленностью и сельским хозяйством, прежде всего, мы сможем выдержать предстоящий нам всемирно-исторический экзамен» [13, с. 5]. Знаменательно, что в приводимой статье, относящейся к 1931 г., В. С. Дерябин дважды цитирует Н. И. Бухарина, к тому времени отстраненного И. В. Сталиным от основных партийных и государственных должностей, и ни разу не упоминает имени Сталина. Факт для того времени беспримерный!

Организационные вопросы здравоохранения, разработка планов по снижению заболеваемости, вопросы гигиены и патологии труда и т. д. – все эти вопросы потребовали создания Научно-медицинского общества в масштабах Восточно-Сибирского края. Основной целью общества явилось вовлечение в научное творчество широких кругов врачей, в частности, работников периферии и содействие членам общества в выполнении конкретных научно-исследовательских задач. В. С. Дерябин в связи с этим подчеркивает, что свое отражение в жизни общества должны иметь и обсуждение вопросов, рождающихся в текущей работе на местах, и организационные и плановые вопросы здравоохранения, и научно-исследовательская работа. Характерно, что

завершает он статью словами: «Диалектический метод мышления должен лечь в основу научной и практической работы членов общества» [13, с. 7].

Печатные работы В. С. Дерябина иркутского периода научной деятельности (1927–1933) главным образом посвящены обобщению психопатологических симптомов у больных эпидемическим энцефалитом, выполненных в нервно-психиатрической клинике Томского госуниверситета. Знаменательно, что работы иркутского периода по психиатрии были представлены одной статьей: «Бред одержимости и соматические ощущения» [37].

Вместе с тем работа в Восточной Сибири диктовала необходимость откликнуться на потребности краевой медицины. Насущной проблемой явилась диагностика у психических больных сифилиса, главным образом, врожденного. Итогом работы кафедры психиатрии в этом направлении, выполненной под руководством проф. В. С. Дерябина, явился изданный под его общей редакцией в 1934 г. сборник трудов Восточно-Сибирского медицинского института «Сифилис при душевных болезнях» [14]. Следует отметить, что при всей важности изучавшейся проблемы краевой медицины она все же была далека от сферы основных научных интересов В. С. Дерябина, определявшейся психофизиологической проблемой и, в частности, проблемой аффективности. Кроме того, возможности вузовской науки того времени, в особенности на периферии, были очень ограничены.

Разумеется, такое положение не могло удовлетворить ученого, поставившего вслед за своим учителем И. П. Павловым научной целью познание материальных основ психической деятельности. Не удовлетворяло его и состояние психиатрии того времени, о чем писал сам он в Автобиографической записке: «Работая по психиатрии, пришел к заключению, что, руководясь клинко-психологическим методом исследования, психиатрия, после установления основных нозологических единиц, зашла в тупик, что выяснение патологической сущности психических заболеваний может дать лишь материалистическое исследование, и, в первую очередь, физиология и патофизиология нервной системы» [45, с. 98].

Это обстоятельство заставило В. С. Дерябина совершить крутой поворот в своей научной деятельности – вернуться к работе в области физиологии. Если учесть, что В. С. Дерябину было в ту пору (1933 г.) 58 лет, то это свидетельствует о большой смелости и принципиальности ученого. К тому моменту он занимал прочное положение заведующего кафедрой, декана, пользовался известностью и уважением в среде медицинских работников (в частности – психиатров, невропатологов) Сибири. Однако стремление «во всем дойти до самой сути» не позволило ученому продолжать работу в русле принятых, но не удовлетворявших его представлений. Сыграло роль и давнишнее тяготение В. С. Дерябина к научно-исследовательской работе по физиологии и патофизиологии центральной нервной системы (ЦНС). Таким образом, переход, а, имея в виду предшествующую работу у И. П. Павлова, возврат к физиологическому эксперименту был закономерным, продуманным шагом.

По рекомендации И. П. Павлова В. С. Дерябин в декабре 1933 г. был принят в возглавляемый академиком Л. А. Орбели отдел специальной и эволюционной физиологии Всесоюзного института экспериментальной медицины в качестве сотрудника 1-го разряда. Настойчивое желание врача-психиатра проверить свои идеи в условиях физиологического эксперимента были близки тогдашним устремлениям самого И. П. Павлова, нацеленным на приложение накопленных экспериментальных данных к условиям неврологической и психиатрической клиник. Леон Абгарович Орбели хорошо знал Викторина Сергеевича по работе в павловских лабораториях еще с 1912 г. При этом он считал, что В. С. Дерябин, исключительно строго относящийся к научным исследованиям, имеет в работе серьезные преимущества благодаря знанию двух родственных дисциплин – физиологии и психиатрии.

С момента перехода к работе в области физиологии научные интересы Викторина Сергеевича концентрируются на изучении механизмов нарушений ВНД, возникающих при экспериментальных повреждениях ЦНС, а также при воздействии на организм животных фармакологическими агентами. Можно видеть, что в экспериментальных исследованиях В. С. Дерябин пытался ответить на вопрос, который возник у него при изучении психических нарушений у больных эпидемическим энцефалитом, а именно – какова роль подкорковых структур головного мозга и эмоций в психической деятельности? В том, что академик Л. А. Орбели одобрил программу исследований, предложенную психиатром из Сибири, сказалось исключительно доброжелательное отношение Леона Абгаровича к В. С. Дерябину. Л. А. Орбели систематически присутствовал во время экспериментов В. С. Дерябина, участвовал в операциях и проявлял живой интерес к результатам исследований.

Параллельно с экспериментальными исследованиями Викторин Сергеевич в середине 30-х гг. пишет психофизиологический очерк «О счастье», вошедший позднее в его монографию «Психология личности и высшая нервная деятельность» [26]. Однако по многостороннему охвату проблемы «О счастье» уместно отнести к монографиям. Хотя эта работа была написана в середине 30-х гг., она и в наше время представляет собой явление уникальное. Это отметил в своей рецензии известный нейропсихолог Дмитрий Вадимович Ольшанский: «Не часто встречаемый в мировой литературе анализ аффективности на примере положительных эмоций.... осуществляется практически со всех возможных сторон – эволюционно-филогенетической, химической, онтогенетической и геронтологической, психо- и нейрофизиологической, клинической, социальной, социологической и даже идеологической» [50, с. 619]. К сказанному следует добавить философский, моральный, педагогический и психофармакологический аспекты.

Кроме методологической, была и другая причина применения автором системного подхода, заставлявшего его черпать данные по проблеме из области смежных наук – недостаточность и несовершенство знаний того времени, в первую очередь – в области нейрофизиологии головного мозга. Однако эта очевидная трудность послужила автору на пользу во всестороннем

рассмотрении проблемы счастья, доказывая, что основным препятствием к целостному пониманию предмета является не недостаток фактических данных, а отсутствие методологически правильного подхода к их рассмотрению. Следует отметить и смелость ученого, посягнувшего на изучение феномена счастья методом психофизиологического анализа.

В. С. Дерябин не мог не понимать трудности взятой на себя задачи. Попытка «поверить алгеброй гармонию» в святая святых человеческой психики – в сфере высших, личностных эмоций могла вызвать стихийный протест читателя, подобный тому, который вызывает сведение любви с ее поэтической окраской к чисто физиологической стороне. Ученый хорошо сознавал опасность быть неправильно понятым, но не боялся подставить себя под удар. Это, однако, не означало, что счастье человека как социологическую категорию В. С. Дерябин рассматривал с чисто психофизиологических позиций.

После реорганизации отдела специальной и эволюционной физиологии ВИЭМ в Институт эволюционной физиологии и патологии высшей нервной деятельности им. акад. И. П. Павлова В. С. Дерябин продолжает в нем работать вплоть до 07.06.41 г. Хотя институт находился в Колтушах и относился к Биологической станции им. акад. И. П. Павлова, В. С. Дерябин работал на базе Естественно-научного института им. П. Ф. Лесгафта АПН СССР, который был расположен в Ленинграде на проспекте Маклина. Сам В. С. Дерябин в ту пору жил с семьей в соседнем с институтом доме по ул. Союза Печатников (д. 25а). В 30-е гг. жил там и работал директор этого института, знаменитый народоволец Николай Александрович Морозов – «шлиссельбуржец».

В стенах института в довоенные годы В. С. Дерябин выполнил несколько работ, часть из них была опубликована: «Влияние бульбокапнина на пищевые условные рефлексy» [15] и «Влияние бульбокапнина на оборонительные (кислотные и двигательные) условные рефлексy» [16]. На III совещании по физиологическим проблемам в Москве в 1938 г. он выступает с докладом «О влиянии повреждения таламуса и гипоталамической области на высшую нервную деятельность», на V совещании – с докладом «К вопросу о бульбокапниновой кататонии у собак». Позднее эти работы были опубликованы в виде статей [19; 20].

В предвоенные годы В. С. Дерябин большое внимание уделяет проблеме «Мозг и психика», которой посвятил статью «Душа и мозг» в журнале «Наука и жизнь» [17], а также чтению научно-популярных лекций.

В. С. Дерябин тяжело переживал начало II мировой войны – 1 сентября 1939 г. Сохранилась фотография, сделанная моим отцом Н. И. Забродиним 3 сентября 1939 г., на которой дед в понимании трагичности момента стоит перед репродуктором «тарелкой» в момент сообщения о том, что Великобритания и Франция объявили войну Германии в ответ на ее вероломное нападение на Польшу. Наша официальная пропаганда периода пакта Молотова-Риббентропа была враждебно настроена к «прогнившим демократиям», к которым относили Великобританию и Францию. Атмосфера того времени ярко описана в мемуарах И. Г. Эренбурга «Люди, годы, жизнь».

В. С. Дерябин, переживший на своем веку несколько войн, в том числе I Мировую, участником которой был почти все годы, хорошо понимал, что Советский Союз неизбежно будет вовлечен в мировую войну, что война с Германией неизбежна. Умудренный жизнью человек с тревогой следил за ходом мировых событий. Мать моя вспоминала, что однажды в кругу родных отец высказал опасение, что в случае войны Ленинград вследствие своего географического положения, легко может быть отрезан, блокирован. К сожалению, его тревожные предчувствия оказались провидческими. Официальные установки предвоенной поры на войну «малой кровью» и на «чужой территории», вероятно, слишком напоминали ему атмосферу «шапкозакидательства» времен начала русско-японской и германской войн.

В памятный день 22 июня 1941 г. стояла чудесная летняя погода, цвели сирень и черемуха и все располагало к отдыху. Известие о начале войны застало В. С. Дерябина на Карельском перешейке, когда он вместе с родными возвращался после воскресного отдыха. Поезда на Ленинград были переполнены. Многие дачники спешили вернуться в город. Никто в ту пору не предполагал, что война продлится почти четыре года и принесет неисчислимые бедствия нашему народу.

Сын В. С. Дерябина – Сергей Викторович был призван на действительную военную службу в 1939 г. и проходил ее под г. Белостоком, входившим ранее в состав Польши. После разгрома Польши фашистской Германией по соглашению тогдашнего руководства Германии и Советского Союза г. Белосток и одноименная область вместе с Западной Белоруссией вошли в состав СССР. Сохранилось фото, присланное С. В. Дерябиным с места службы, на обороте которого он написал: «Мл. сержант Дерябин в полной выходной форме. 10.1.41 г.». Войска 3-й и 10-й армий Западного фронта, действовавшие в белостокском выступе, с начала войны оказались в тяжелейшем положении – были обойдены с флангов, а частично и с тыла. Командующий фронтом генерал армии Д. Г. Павлов в ночь с 25 на 26 июня принял решение об отводе этих армий, которым грозило быстрое окружение, но «в войсках уже не было горючего и транспортных средств, захваченных или уничтоженных в первые дни боев противником. Беспорядочный отход соединений осуществлялся в тяжелейших условиях господства немецкой авиации в воздухе, стремительных обходных маневров подвижных групп противника» [2]. С. В. Дерябин, как и миллионы его сверстников, принял первый удар фашистского нашествия. Сохранилось неотправленное письмо В. С. Дерябина сыну от 26.06.41 г., когда его, видимо, уже не было в живых.

«Дорогой Сережа!

По сегодняшней сводке немецкая волна далеко перехлестнула Белоруссию. Все-таки пишу по старому адресу. Тотчас же напиши хоть пару слов, чтобы знать, что ты еще цел. На войне прорыв – дело обычное. Плохо для того, кто в него угораздился, но для всего фронта это часто оказывается лишь местным инцидентом. Пиши, не нужно ли чего выслать. Твой В. Дерябин».

Это письмо – один из многочисленных документов того времени. Отец тревожился за судьбу сына. Позднее, уже в эвакуации в Свердловске, он многократно обращался с запросами в военкомат, но получал один ответ: «В списках убитых и раненых не числится». «Пропал без вести» – официальная формулировка того времени, существовавшая для миллионов солдат и командиров, погибших или попавших в плен во время войны. Вынужденное быстрое отступление наших войск зачастую не позволяло в то время собирать жетоны с личными номерами с убитых военнослужащих. У отца не было сомнений, что его сын – Сергей Викторович Дерябин честно исполнил свой воинский долг, пал смертью храбрых.

4 июля В. С. Дерябину вечером позвонил академик Л. А. Орбели и сообщил, что на следующий день будет организован поезд для отправки пожилых научных сотрудников и членов их семей за пределы Ленинградской области. В. С. Дерябин хотел, чтобы эвакуировалась его дочь – Нина Викторовна с сыном. Однако она, по характеру очень похожая на отца, заявила, что согласится на это только в том случае, если отец поедет вместе с ними. К отходу поезда подъехал Леон Абгарович Орбели, который очень тепло попрощался с отъезжающими. Выглядел он тогда цветущим, и глаза южанина светились добротой.

По приезде в г. Свердловск Викторин Сергеевич устроился на работу ординатором в клинику нервных болезней медицинского института. Клиника находилась при кафедре нервных болезней, которой заведовал известный невропатолог профессор Д. Г. Шефер.

Сам В. С. Дерябин вспоминал о том времени в письме внуку. «В Свердловске во время войны я заведовал палатой с самыми тяжелыми больными. Часто попадали больные без сознания, парализованные, лишенные речи (афазия). Такие больные неопытны («ходят под себя»), у них легко возникают пролежни, а, раз возникнув, принимают тяжелое, нередко смертельное течение... Почти во всех случаях пролежни обнаруживал я, хотя до меня, принимая дежурство, сестра должна была делать осмотр больных, но она его не делала... Была одна сестра-старушка, которая работала еще в земской больнице. Эта сестра была единственная, на которую можно было положиться. Она делала для больных все, что нужно... Одному больному сделали тяжелую спинномозговую операцию. Больной был в очень тяжелом состоянии. У других сестер он погиб бы от пролежней, а она его выходила – он вышел из клиники на работу. То, что делала эта сестра, сумела бы сделать каждая, но у других не было охоты – “своя рубашка ближе к телу”» [28, с. 63–64].

В этих откровенных воспоминаниях – неприятие эгоизма, душевной черствости, которые и в мирное время тяжелы для окружающих, а в военное – недопустимы. Своим самоотверженным трудом В. С. Дерябин, несмотря на преклонный возраст, – к началу войны ему было 65 лет – спас многих раненых бойцов. Этому способствовали не только огромный опыт невропатолога и психиатра, но и исключительная требовательность – как к самому себе, так и к медицинскому персоналу.

Н. В. Дерябина вспоминала: «Ему досталось одно из тяжелых отделений с черепными ранениями и травмами. Много благодарственных писем получал он впоследствии с фронта от воинов, которые в результате лечения выздоровели и стали трудоспособными... Хуже всего переносил недостаток питания отец... Папу спасла его врачебная специальность. Во время резких ухудшений его госпитализировали в клинику, в которой он работал. Помимо лечения ему назначали усиленное питание».

Работая в клинике, В. С. Дерябин одновременно выполнял обязанности консультанта-психиатра Свердловского военного округа. В это время он выполнил два исследования по военной тематике.

В январе 1943 г. В. С. Дерябин узнает о смерти в блокированном Ленинграде жены – Елены Александровны Дерябиной. Елена Александровна была не только верной спутницей жизни В. С. Дерябина, но и товарищем по работе, коллегой-психиатром, делившей с ним все трудности и радости самой гуманной медицинской специальности. Верная долгу врача, перед самым началом блокады Елена Александровна с последним поездом эвакуировала своих пациентов из психиатрической больницы в поселке Вырица в Ленинград, где продолжала оказывать им помощь в блокированном городе, пока хватало сил.

Самым тяжелым в Свердловске был 1944 г., когда на улицах от голода стали падать люди. Рабочие на военных заводах работали без отдыха по 14 и более часов в сутки. Некоторые из них стали опухать от голода и падать от усталости. Несмотря на это, тыл жил интенсивной, трудовой жизнью. И непрерывно на запад отправлялись поезда с танками и новыми видами вооружений. Им давалась «зеленая улица».

Несмотря на развившуюся алиментарную дистрофию, В. С. Дерябин не прервал научных исследований. В 1944 г. в журнале «Знание – сила» была опубликована его статья «Эмоции как источник силы» [18], в которой автор обращается к многочисленным примерам самоотверженности, мужества и высокой физической выносливости солдат и офицеров Красной Армии. В. С. Дерябин подчеркивает, что чувство патриотизма, ненависть к захватчикам умножают силы воинов за счет динамогенного действия эмоций, в основе которого лежит усиление адаптационно-трофической функции симпатической нервной системы, учение о которой было создано академиком Л. А. Орбели.

В мае 1944 г. В. С. Дерябин вместе с семьей возвращается в Ленинград и возобновляет прерванные войной исследования в должности старшего научного сотрудника в Институте физиологии им. И. П. Павлова АН СССР. В письме племяннику Льву Николаевичу Дерябину, в ту пору – фронтовому хирургу, от 3.12.44 г. Викторин Сергеевич упомянул о том, что Л. А. Орбели предложил ему в больнице им. Балинского заведовать психиатрической клиникой на 5-й линии Васильевского острова, которая в свое время была организована И. П. Павловым. Предложение это Викторин Сергеевич принял с большими колебаниями. В письме племяннику он писал: «Если бы это произошло 5 лет назад, я был бы очень рад. Теперь другое дело. Зачем занимать плацдарм, если знаешь, что всерьез воевать не придется. При моем сердце и

кровенном давлении нужно считать удачей, если протяну много 5 лет, а для того, чтобы достичь серьезных результатов, это срок малый». Далее он пишет о состоянии дел в клинике, недостатке клинических больных и врачей, развертывании в ней лабораторий – психологической, эндокринно-вегетативной и обмена веществ и добавляет: «Словом скрипка есть (вернее будет) – надо суметь сыграть». Он хочет привлечь к работе в клинике по проведению электроэнцефалографии Л. Н. Дерябина, зная его знания и опыт в области электротехники. К сожалению, планам этим не суждено было сбыться из-за плохого состояния здоровья Викторина Сергеевича, подорванного войной [40].

В 1948 г., оставаясь в штате Института физиологии им. И. П. Павлова АН СССР, В. С. Дерябин продолжил работу в физиологическом отделе, руководимом Л. А. Орбели, Естественного института им. П. Ф. Лесгафта АПН СССР. С этого времени исследования проводились совместно с Л. Н. Дерябиным, который после демобилизации из армии был принят Л. А. Орбели на работу в его лабораторию в упомянутом институте. Л. Н. Дерябин вспоминал, что В. С. Дерябин привлекал его к участию в «клинических средах», которые проводил Л. А. Орбели в больнице им. Балинского и которые являлись продолжением «Павловских сред», организованных И. П. Павловым.

В послевоенные годы В. С. Дерябин изучал влияние биологически активных веществ (ацетилхолина, адреналина) на моторику собак в условиях разобщения нервных центров, связанного с перерезкой спинного мозга [23; 24]. По воспоминаниям Л. Н. Дерябина, Викторин Сергеевич так объяснял ему цель исследования. В экстремальных ситуациях, в условиях сильных эмоциональных потрясений (военные действия, землетрясения и т. п.), в случаях, когда наступает внезапное ослабление функций коры головного мозга, люди обнаруживают различные типы двигательной активности: одни впадают в ступор, другие – в сильное психическое и двигательное возбуждение. Подобные же варианты двигательного реагирования на опасность наблюдаются и у животных: от полной неподвижности («затаивание» или «рефлекс мнимой смерти»), через координированные реакции борьбы или бегства вплоть до хаотического моторного возбуждения типа «двигательной бури». Первая и последняя реакции наблюдаются и у лабораторных животных при взятии экспериментатором в руки или при иммобилизации. Выделение в организме биологически активных веществ (ацетилхолина, адреналина), наступающее в подобных ситуациях, может иметь иногда защитное значение (в случае борьбы, бегства) путем усиления функционирования физиологических систем (сердечно-сосудистой, мышечной и др.), но в случае ступора может оказаться губительным. При этом вспоминается статья В. С. Дерябина «Психотехника в военном деле», 1926 г. [33], в которой он подчеркивает роль негативных эмоций (страх) в торможении мыслительной и двигательной активности участников военных действий в критических ситуациях.

Эти экспериментальные исследования, как и выполненные в 30-е гг. (с повреждением таламуса и гипоталамической области, с введением

бульбокапнина), кроме общефизиологического значения имели целью изучение механизмов некоторых психопатологических явлений, в частности, кататонии, имеющей место у больных шизофренией.

В первые послевоенные годы В. С. Дерябин в свободное от основной работы время интенсивно работает над психофизиологическими очерками «О сознании» и «О Я», которые были опубликованы в 1980 г. в составе монографии В. С. Дерябина «Психология личности и высшая нервная деятельность» [26].

В соответствии с системным подходом к изучению сознания, очерк «О сознании» состоит из двух разделов: «О сознании с формальной стороны» и «О содержании сознания». В первом сознание рассматривается в физиологическом и медицинском аспектах, во втором – в социальном и морально-этическом. Известному положению марксизма о ложности индивидуального сознания В. С. Дерябин дает объяснение с позиций неосознаваемого влияния аффективности, сигнализирующей о потребностях, на мышление и сознание.

В работе «О сознании» сознание с психофизиологических позиций рассматривается автором как функция мозга, непосредственно связанная с его механизмами, в первую очередь — с механизмами ВНД. При этом автор подчеркивает, что сознания как особой психической функции, отдельной от других психических функций, нет. Эти высказывания автора нашли подтверждение в данных психопатологии [48], которые свидетельствуют о том, что ослабление, нарушение или выключение отдельных или нескольких психических функций вызывает то или иное нарушение сознания.

В очерке «О Я» автор впервые проанализировал формирование и структуру переживания Я с эволюционных и психофизиологических позиций. С этой целью он выделил уровни интеграции в организме физиологических и психических процессов: соматический, соматопсихический, высшей психофизиологической интеграции организма и уровень высшей интеграции психических функций. Последняя, по В. С. Дерябину, осуществляется на основе согласованной деятельности аффективности, мышления и активности.

В первые послевоенные годы В. С. Дерябин также готовит к публикации монографию «Чувства, влечения и эмоции» [25]. С монографией ознакомились в рукописи и дали положительные отзывы академик Л. А. Орбели, профессора Ф. П. Майоров, В. В. Строганов, Л. Н. Федоров, П. А. Останков. Рукопись монографии была подготовлена автором к печати в 1949 г., но из-за отрицательного отзыва влиятельного рецензента путь к изданию книги был закрыт.

В этом факте нашли отражение негативные установки по отношению к изучению чувств, влечений и эмоций человека и животных со стороны лиц, определявших идеологические, философские основания научных исследований, а также направление разработок в области психологии и физиологии. Согласно идеологическим и философским установкам 40-х – 50-х гг. XX в., в нашей стране советский человек руководствовался в своих мыслях и поступках сознанием, установками партии и правительства. Субстратом же сознания является кора головного мозга, управляющая, согласно догматической

интерпретации учения И. П. Павлова, всеми органами и системами организма. Невольно напрашивается известная аналогия с руководящей и направляющей ролью партии в нашей стране советского периода, распространяющаяся на всех членов общества.

Эмоции же относили к подсознанию, которое изучалось З. Фрейдом и его последователями. Представления З. Фрейда о бессознательном, которое определяет мысли и поступки человека, критиковалось у нас как реакционное направление в буржуазной психологии.

В 1949 г. к 100-летию со дня рождения И. П. Павлова В. С. Дерябиным были подготовлены две статьи: «Замечания по поводу брошюры академика И. С. Беритова “Об основных формах нервной и психонервной деятельности”» [30] и «Психофизиологическая проблема и учение И. П. Павлова о “слитии” субъективного с объективным» [31], а также воспоминания об учителе [38]. В них он осуществил психофизиологический анализ творческой личности И. П. Павлова.

В период догматических искажений павловского научного наследия, наступивший после Объединенной научной сессии АН и АМН СССР (так называемой Павловской сессии), В. С. Дерябин поднимает в печати вопрос о необходимости всестороннего изучения корково-подкорковых взаимоотношений и аффективности, без которого, по его убеждению, исследование ВНД было бы невозможно. В центральных физиологических журналах выходят его статьи: «Аффективность и закономерности высшей нервной деятельности» [21] и «О путях развития учения И. П. Павлова о высшей нервной деятельности» [22]. Призыв к изучению функций глубоких структур головного мозга, чувств, влечений и эмоций (аффективности), содержащийся в статьях В. С. Дерябина, противоречил тогдашнему упомянутому выше официальному направлению исследований в физиологии ВНД. Однако ученый не боялся идти против течения, был глубоко убежден в правоте своих научных взглядов, опиравшихся, в частности, на давний и глубокий интерес И. П. Павлова к функции подкорковых узлов головного мозга.

Следует отметить, что В. С. Дерябин работал у Л. А. Орбели в трудный для последнего период гонений, последовавший за «павловской» сессией. В этот период штат сотрудников Л. А. Орбели насчитывал немного более десятка сотрудников, входивших в так называемую «Индивидуальную группу академика Л. А. Орбели АН СССР». Думается, что для Леона Абгаровича известную моральную поддержку мог иметь тот факт, что рядом с ним трудился В. С. Дерябин, с которым его связывали многие годы работы, в частности у И. П. Павлова.

В 1951 г., на 76 году жизни В. С. Дерябин вышел на пенсию, несмотря на возражения зав. лабораторией физиологии и патологии ВНД Института физиологии им. И. П. Павлова АН СССР Ф. П. Майорова, в штате которого он официально числился. Последний считал уход В. С. Дерябина преждевременным, т. к. он выполнял ценные исследования, справляясь с планом научно-исследовательских работ. Однако Викторин Сергеевич настоял

на своем, мотивируя тем, что его уход своевременен, так как он уже не может работать «с полной отдачей». Другой причиной явилось стремление всецело посвятить себя работе над обобщающими статьями, посвященными социопсихофизиологическому подходу к изучению проблем социальной психологии. Ими явились написанные позднее, но не опубликованные при жизни, статьи: «О потребностях и классовой психологии» [34], «О некоторых законах диалектического материализма в психологии» [35] и «Об эмоциях, порождаемых социальной средой» [36]. В них он осуществляет, в частности, анализ мало изученной проблемы социальной психологии: о путях передачи условий материальной жизни на психику человека и формирования классовой психологии и идеологии. В этом вопросе им было установлено важное связующее, сигнализирующее о потребностях звено – аффективность.

Выйдя на пенсию, В. С. Дерябин продолжал работать штатным сотрудником Индивидуальной группы академика Л. А. Орбели АН СССР до внезапной кончины 12 января 1955 г. Произошло это в ходе острого обсуждения научной статьи в последнем номере «Физиологического журнала СССР им. И. М. Сеченова».

Прослеживая путь психофизиологических исследований В. С. Дерябина, имевших место на протяжении его научной жизни, можно отметить эволюцию этих исследований – от изучения простых чувств, влечений и эмоций (аффективности) к психофизиологическому анализу сложных психических явлений – сознания, самосознания, счастья, и, наконец, к системному социопсихофизиологическому анализу проблем социальной психологии.

И в наше время еще не сформировалась «наука о человеке» (она же – «человекознание», «человековедение»). Свои работы «Чувства, влечения, эмоции», «О сознании», «О Я», «О счастье», «О гордости» («Об эмоциях, порождаемых социальной средой») В. С. Дерябин назвал «кусочком человекознания» [28, с. 75]. К такого рода работам уместно отнести и его «Письмо внуку» («Путевка в жизнь») – обобщение жизненного и научного опыта ученого, изложенное в форме, доступной для «юноши, обдумывающего житье» [27; 28]. Конечная цель научных исследований В. С. Дерябина глубоко гуманистична – помочь человеку избежать многих заблуждений и иллюзий, связанных с незнанием закономерностей своей психической жизни.

В личной жизни Викторин Сергеевич был заботливым отцом, дедом, отличался исключительным вниманием к людям – ближним и дальним. О его патриотизме говорит содержание его психофизиологических работ, «Письмо внуку» и самоотверженная работа в годы Великой Отечественной войны [41].

Посмертную судьбу научного наследия В. С. Дерябина нельзя назвать счастливой. Ряд положений, выдвинутых им еще в 30-е – 40-е годы, нашли подтверждение и развитие в последующие десятилетия (положение о единой психофизиологической доминанте при влечениях (мотивациях), об интегрирующей роли аффективности в высшей нервной и психической деятельности, об эволюционной преемственности простых чувств, влечений и эмоций и др.). Книги В. С. Дерябина были опубликованы в период, когда исследования мотиваций и эмоций у нас в стране шли полным ходом. В этих

условиях работы В. С. Дерябина были положительно восприняты широким кругом читателей, специалистами же в изучении мотиваций и эмоций остались незамеченными. Сказанное о научном наследии В. С. Дерябина уместно закончить словами Д. В. Ольшанского [50, с. 619]: «В. С. Дерябин начал решать доступными ему средствами задачу, которая четко сформулирована была почти полвека спустя. Речь идет об изучении физиологических основ психической деятельности человека, построении физиологии ее целостных форм, попытке ответа на вопрос о физиологических механизмах наиболее сложных видов сознательного, целенаправленного и саморегулирующегося поведения, т. е. о задаче создания «психологически ориентированной физиологии», «психологической физиологии».

Список литературы

1. Архивная справка Архива революции и Внешней политики от 17 февраля 1935 г. N2232.
2. Волкогонов Д. А. Триумф и трагедия // Октябрь. – 1989. – № 7. – с. 89.
3. Дерябин В. С. Дальнейшие материалы к физиологии времени как условного возбудителя слюнных желез. – Диссертация докторская, Петроград, 1916. – 159 с.
4. Дерябин В. С. Анализ одного случая истерических галлюцинаций // Журнал невропатологии и психиатрии. – 1926. – №3. – С. 31–38.
5. Дерябин В. С. К вопросу о механизме образования истерических галлюцинаций // Обзорение психиатрии, неврологии и рефлексологии. – 1926. – №3 – С. 203–208.
6. Дерябин В. С. О психогенезисе индуцированного помешательства // Журнал невропатологии и психиатрии. – 1926. – В. 4. – С. 13–24.
7. Дерябин В. С. К вопросу о судебно-медицинском значении летаргического энцефалита // Судебно-медицинская экспертиза. – 1926. – №3. – С. 37–38.
8. Дерябин В. С. К вопросу о состоянии вегетативной нервной системы при исходных состояниях эпидемического энцефалита // Медико-биологический журнал. – 1926. – №3. – С. 41–52.
9. Дерябин В. С. О закономерности психических явлений // Иркутский медицинский журнал. – 1927. – Т. 5, № 6. – С. 5–14.
10. Дерябин В. С. Эпидемический энцефалит в психопатологическом отношении // Сибирский архив теоретической и клинической медицины. – 1928. – Т. 3, № 4. – С. 317–323.
11. Дерябин В. С. О восприятии объемов. – Иркутск: Издательство Иркутского университета, 1928. – 32 с.
12. Дерябин В. С. Задачи психиатрической помощи в Восточной Сибири // Советская медицина Восточной Сибири. – 1931. – №1. – С. 14.
13. Дерябин В. С. Задачи Восточно-Сибирского краевого научно-медицинского общества // Советская медицина Восточной Сибири. – 1931. – №4. – С. 3–7.

14. Дерябин В. С. Частота сифилиса у душевнобольных по данным исследования // Труды Восточно-Сибирского медицинского института. – 1934. – В. 1. – С. 61–82.
15. Дерябин В. С. Влияние бульбокапнина на пищевые условные рефлексы // Физиологический журнал СССР. – 1936. – Т. 20, № 3. – 393–404.
16. Дерябин В. С. Влияние бульбокапнина на оборонительные (кислотные и двигательные) условные рефлексы // Физиологический журнал СССР. – 1940. – Т. 29, В. 5. – С. 401–412.
17. Дерябин В. С. Душа и мозг // Наука и жизнь. – 1940. – № 3. – С. 9–12.
18. Дерябин В. С. Эмоции как источник силы // Наука и жизнь. – 1944. – № 10. – С. 21–25.
19. Дерябин В. С. Влияние повреждения thalami optici и гипоталамической области на высшую нервную деятельность // Физиологический журнал СССР. – 1946. – Т. 32. – № 5 – С. 533–548.
20. Дерябин В. С. Об экспериментальной бульбокапниновой кататонии у собак // Журнал высшей нервной деятельности. – 1951. – Т. 1, В. 4. – С. 469–478.
21. Дерябин В. С. Аффективность и закономерности высшей нервной деятельности // Журнал высшей нервной деятельности. – 1951. – Т. 1, В. 6. – С. 889–901.
22. Дерябин В. С. О путях развития учения И. П. Павлова о высшей нервной деятельности // Физиологический журнал СССР. – 1951. – Т. 37, В. 2. – С. 140–144.
23. Дерябин В. С. Действие ацетилхолина на шагательные движения задних конечностей собак. // Физиологический журнал СССР. – 1953. – Т. 39, В. 3. – С. 319–323.
24. Дерябин В. С., Дерябин Л. Н., Кашкай М.-Дж. Действие ацетилхолина на мышцы задней конечности собаки при половинной перерезке спинного мозга // Физиологический журнал СССР. – 1960. – Т. 46, № 12. – С. 1471–1475.
25. Дерябин В. С. Чувства, влечения и эмоции: О психологии, психопатологии и физиологии эмоций. Изд. 3-е. – М.: Изд. ЛКИ, 2013. – 224 с.
26. Дерябин В. С. Психология личности и высшая нервная деятельность. (Психофизиологические очерки «О сознании», «О Я», «О счастье»). Изд. 2-е, доп. – М.: Изд. ЛКИ, 2010. – 202 с.
27. Дерябин В. С. Письмо внуку // Нева, 1994. – № 7. – С. 146–156.
28. Дерябин В. С. Письмо внуку // Folia Otorhinolaryngologiae Et Pathologiae Respiratoriae. – 2005. – Vol. 11, № 3–4. – pp. 57–78.
29. Дерябин В. С. О закономерности психических явлений (публичная вступительная лекция) // Психофармакология и биологическая наркология. – 2006. – Т. 6, В. 3. – С. 1315–1321.
30. Дерябин В. С. Замечания по поводу брошюры академика И. С. Беритова «Об основных формах нервной и психонервной деятельности» // Психофармакология и биологическая наркология. – 2006. – Т. 6, В. 4. – С. 1397–1403.

31. Дерябин В. С. Психофизиологическая проблема и учение И. П. Павлова о «слитии» субъективного с объективным // Психофармакология и биологическая наркология. – 2007. – Т. 7, В. 3–4. – С. 2002–2007.
32. Дерябин В. С. Эпilog // Folia Otorhinolaryngologiae Et Pathologiae Respiratoriae. – 2007. – Vol. 13, №1–4. – С. 143–148.
33. Дерябин В. С. Задачи и возможности психотехники в военном деле // Психофармакология и биологическая наркология. – 2009. – Т. 9, В. 3–4. – С. 2598–2604.
34. Дерябин В. С. О потребностях и классовой психологии (Публикация О. Н. Забродина) // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. – 2013. – № 1. – С. 109–136. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fikio.ru/?p=313> (дата обращения 31.05.2015).
35. Дерябин В. С. О некоторых законах диалектического материализма в психологии // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. – 2014. – № 2. – С. 87–119. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fikio.ru/?p=1055> (дата обращения 31.05.2015).
36. Дерябин В. С. Эмоции, порождаемые социальной средой // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. – 2014. – № 3. – С. 115–146. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fikio.ru/?p=1203> (дата обращения 09.10.2014).
37. Дерябин В. С., Сумбаев И. С. Бред одержимости и соматические ощущения // Труды Восточно-Сибирского медицинского института. – 1935. – В. 3. – С. 176–184.
38. Забродин О. Н. Воспоминания В. С. Дерябина об И. П. Павлове. Опыт психофизиологического анализа творческой личности учёного // Физиологический журнал имени И. М. Сеченова. – 1994. – Т. 80, № 8. – С. 139–143.
39. Забродин О. Н. Вклад В. С. Дерябина в исследование психических нарушений у больных эпидемическим энцефалитом // Журнал неврологии и психиатрии. – 2012. – Т. 112, № 3. – С. 72–75.
40. Забродин О. Н. Три письма из 44-го. Отзвуки прошлого // Folia Otorhinolaryngologiae Et Pathologiae Respiratoriae. – 2012. – Vol. 18, № 3 – С. 68–73.
41. Забродин О. Н. Его глазами // Folia Otorhinolaryngologiae Et Pathologiae Respiratoriae. – 2015, Vol. 21, № 1, С. 45–62.
42. Забродин О. Н., Дерябин Л. Н. О жизни и научных трудах В. С. Дерябина (К 120-летию со дня рождения) // Журнал эволюционной биохимии и физиологии. – 1998. – Т. 34, № 1. – С. 122–128.
43. Забродин О. Н., Дерябин Л. Н. В. С. Дерябин – ученик и продолжатель дела И. П. Павлова // Российский медико-биологический вестник имени академика И. П. Павлова. – 2003. – № 1–2. – С. 200–207.
44. Иванов-Смоленский А. Г. Пути взаимодействия экспериментальной и клинической патофизиологии головного мозга. – М.: Медицина, 1965. – 495 с.
45. Квасов Д. Г., Фёдорова-Грот А. К. Физиологическая школа И. П. Павлова. – Л.: Наука, 1967. – 300 с.

46. Красик Е. Д., Потапов А. И., Миневич В. Б. Очерки истории развития психиатрической службы в Томской области. – Томск: Издательство Томского университета, 1980. – 132 с.
47. Купченко В. П. Вольнолюбивая юность поэта: М. А. Волошин в студенческом движении // Новый мир. – 1981. – № 12. – С. 216–223.
48. Меграбян А. А. Общая психопатология. М.: Медицина, 1972. – 286 с.
49. Миловзорова С. А. Развитие психиатрической помощи в Восточной Сибири в советское время // Журнал невропатологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. – 1986. – Т. 86, В. 6. – С. 928–930.
50. Ольшанский Д. В. Рецензия на книгу В. С. Дерябина «Психология личности и высшая нервная деятельность» // Журнал невропатологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. – 1983. – № 4. – С. 618–620.
51. Сумбаев И. С. О влиянии фармакологических веществ и гипноза на некоторые психические явления у душевнобольных. Диссертация на соискание ученой степени доктора медицинских наук. – Л., 1939.
52. Ухтомский А. А. Принцип доминанты / Собрание сочинений. Т. 1. – Л.: Издательство ЛГУ, 1950. – С. 197–201.
53. Derjabin V. Zur Kenntnis der malignen Nebennierentumoren: Dissertation. München, 1908. – 76 с.

References

1. *Archive Extract of the Archive of Revolution and Foreign Policy* on February 17, 1935, N2232.
2. Volkogonov D. A. Triumph and Tragedy [Triumf i tragediya]. *Oktyabr* (Oktober), 1989, № 7, p. 89.
3. Deryabin V. S. Further Materials to Time Physiology as Conditional Activator of Salivary Glands [*Dalneyshie materialy k fiziologii vremeni kak uslovnogo vzbuditelya slyunnykh zhelez. Dissertatsiya doktorskaya*]. Dissertation for Ph. D. Degree, Petrograd, 1916, 159 p.
4. Deryabin V. S. The Analysis of a Single Case of Hysterical Hallucinations [Analiz odnogo sluchaya istericheskikh gallyutsinatsiy]. *Zhurnal nevropatologii i psikhiatrii* (Journal of Neuropathology and Psychiatry), 1926, № 3, pp. 31–38.
5. Deryabin V. S. To the Question About the Mechanism of Formation of Hysterical Hallucinations [K voprosu o mekhanizme obrazovaniya istericheskikh gallyutsinatsiy]. *Obozrenie psikhiatrii, nevrologii i refleksologii* (Review of Psychiatry, Neurology & Reflexology), 1926, № 3, pp. 203–208.
6. Deryabin V. S. About Psychogenesis of Induced Psychosis [O psikhogenezise indutsirovannogo pomeshatelstva]. *Zhurnal nevropatologii i psikhiatrii* (Journal of Neuropathology and Psychiatry), 1926, Vol. 4, pp. 13–24.
7. Deryabin V. S. To the Question about the Forensic Medical Value of Lethargic Encephalitis [K voprosu o sudebno-meditsinskom znachenii letargicheskogo ehntsefalita]. *Zhurnal sudebno-meditsinskoy ehkspertizy* (Journal of Forensic Medical Examination), 1926, №. 3, pp. 37–38.
8. Deryabin V. S. To the Question of Condition of Vegetative Nervous System at Residual Conditions of Epidemical Encephalitis [K voprosy sostoyaniya

vegetativnoy nervnoy sistemy pri ishodnykh sostoyaniyakh epidemicheskogo entsefalita]. *Medico-biologicheskij zhurnal* (Medical and Biological Journal), 1926, № 3, pp. 41–52.

9. Deryabin V. S. About Regularity of the Mental Phenomena [O zakonomernosti psichicheskikh yavleniy]. *Irkutskiy Medicinskiy Zhurnal* (Irkutsk Medical Journal), 1927, Vol. 5, № 6, pp. 1–14.

10. Deryabin V. S. Epidemical Encephalitis in the Psychopathological Relation [Epidemicheskij encefalit v psichopatologicheskom otnoshenii]. *Sibirskiy Arkhiv teoreticheskoy i sudebnoy mediciny* (Siberian Archive of Theoretical and Legal Medicine), 1928, Vol. 3, book 4, pp. 317–323.

11. Deryabin V. S. On the Perception of Volumes [O vospriyatii obemov]. Irkutsk, Izdatelstvo irkutskogo universiteta, 1928, 32 p.

12. Deryabin V. S. The Problem of Psychiatric Care in Eastern Siberia [Zadachi psikhiatricheskoy pomoschi v Vostochnoy Sibiri] *Sovetskaya meditsina. Vostochnoy Sibiri* (Soviet Medicine of Eastern Siberia), 1931, № 1, p. 14.

13. Deryabin V. S. Problems of the East Siberian Regional Scientific and Medical Society [Problemy vostochno-sibirskogo nauchno-meditsinskogo obshchestva]. *Sovetskaya medicina Vostochnoy Sibiri* (Soviet Medicine of Eastern Siberia), 1931, № 4, pp. 3–7.

14. Deryabin V. S. The Frequency of Syphilis among the Mentally Ill According to the Research [Chastota sifilisa u dushevnobolnykh po dannym issledovaniya]. *Trydy vostochno-sibirskogo medicinskogo instituta*. (Proceedings of the East Siberian Medical Institute), 1934, № 1, pp. 61–82.

15. Deryabin V. S. The Influence of Bulbocapnine on the Food Conditioned Reflexes [Vliyanie bulbokapnina na pischevye uslovnye refleksy]. *Fiziologicheskij zhurnal SSSR*. (Physiological Journal of the USSR), 1936, Vol. 20, № 3, pp. 393–404.

16. Deryabin V. S. The Influence Bulbocapnine on the Defensive (Acidic and Motor) Reflexes [Vliyanie bulbokapnina na oboronitelnye (kislotnye i dvigatelnye) uslovnye refleksy]. *Fiziologicheskij zhurnal SSSR* (Physiological Journal of the USSR), 1940, Vol. 29, № 5, pp. 401–412.

17. Deryabin V. S. Soul and Brain [Dusha i mozg]. *Nauka i zhizn* (Science and Life), 1940, № 3, pp. 9–12.

18. Deryabin V. S. Emotions as a Source of Power [Emotsii kak istochnik sily]. *Nauka i zhizn* (Science and Life), 1944, № 10, pp. 21–25.

19. Deryabin V. S. The Influence of Damage of Thalami Optici and Hypothalamic Area on Higher Nervous Activity [Vliyanie povrezhdeniya thalami optici i gipotalamicheskoy oblasti na vysshuyu nervnuyu deyatel'nost']. *Fiziologicheskij Zhurnal SSSR* (Physiological Journal of the USSR), 1946, Vol. 32, № 5, pp. 533–548.

20. Deryabin V. S. About Experimental Catatonia Provoked by Bulbocapnine at Dogs [Ob eksperimentalnoy bulbokapninovoy katatonii u sobak]. *Zhurnal of vysshey nervnoy deyatel'nosti* (Journal of Higher Nervous Activity), 1951, Vol. 1, № 4, pp. 469–478.

21. Deryabin V. S. Affectivity and Regularities of Higher Nervous Activity [Affektivnost i zakonomernosti vysshey nervnoy deyatel'nosti]. *Zhurnal vysshey nervnoy deyatel'nosti* (Journal of Higher Nervous Activity), 1951, Vol. 1, № 6, pp. 889–901.

22. Deryabin V. S. About the Ways of Development of the I. P. Pavlov's Doctrine about Higher Nervous Activity [O putyakh razvitiya ucheniya I. P. Pavlova o vysshey nervnoy deyatel'nosti]. *Fiziologicheskiy zhurnal USSR* (Physiological Journal of the USSR), 1951, Vol. 37, № 2, pp. 140–144.

23. Deryabin V. S. The Effect of Acetylcholine on «Strided» Movement of the Hind Limbs of Dogs [Deystvie acetilholina na shagatelnye dvizheniya zadnih konechnostey sobak]. *Fiziologicheskiy zhurnal USSR* (Physiological Journal of the USSR), 1953, Vol. 39, № 3, pp. 319–323.

24. Deryabin V. S., Deryabin L. N., Kashkay M.-J. The Effect of Acetylcholine on the Muscles of the Hind Limb of Dogs at Half Transaction of the Spinal Cord [Deystvie acetilholina na myshcy zadney konechnosti sobaki pri polovinnoy pererezke spinnogo mozga]. *Fiziologicheskiy zhurnal USSR* (Physiological Journal of the USSR), 1960, Vol. 46, № 12, pp. 1471–1475.

25. Deryabin V. S. Feelings, Inclinations, Emotions: About Psychology, Psychopathology and Physiology of Emotions [*Chuvstva, vlecheniya, emotsii. O psichologii, psichopatologii i fiziologii emotsiy*]. Moscow, LKI, 2013, 224 p.

26. Deryabin V. S. Personality Psychology and Higher Nervous Activity (Psycho-Physiological Essays "About Consciousness", "About Ego", "About Happiness") [*Psichologiya lichnosti i vysshaya nervnaya deyatel'nost (Psichofiziologicheskie ocherki "O soznanii", "O Ya", "O schaste")*]. Moscow, LKI, 2010, 202 p.

27. Deryabin V. S. A Letter to the Grandson [Pismo vnuku]. *Neva* (Neva), 1994, № 7, pp. 146–156.

28. Deryabin V. S. A Letter to the Grandson [Pismo vnuku]. *Folia Otorhinolaryngologiae Et Pathologiae Respiratoriae*, 2005, Vol. 11, № 3–4, pp. 57–78.

29. Deryabin V. S. About the Regularity of the Mental Phenomena (Public Introductory Lecture) [O zakonomernosti psichicheskikh yavleniy (publichnaya vstupitel'naya lektsiya)]. *Psikhofarmakologiya i biologicheskaya narkologiya* (Psychopharmacology and Biological Narcology), 2006, Vol. 6, № 3, pp. 1315–1321.

30. Deryabin V. S. Remarks Concerning the Brochure of the Academician I. S. Beritov "About the Main Forms of Nervous and Psycho-Nervous Activity" [Zamechaniya po povodu broshyry akademika I. S. Beritova "Ob osnovnykh formakh nervnoy i psihonervnoy deyatel'nosti"]. *Psikhofarmakologiya i biologicheskaya narkologiya* (Psychopharmacology and Biological Narcology), 2006, Vol. 6, № 4, pp. 1397–1403.

31. Deryabin V. S. Psycho-Physiological Problem and I. P. Pavlov's Doctrine about "Conjointery" of Subjective with Objective [Psichofiziologicheskaya problema i uchenie I. P. Pavlova o «slitii» subektivnogo s obektivnym]. *Psikhofarmakologiya i*

biologicheskaya narkologiya (Psychopharmacology and Biological Narcology), 2007. Vol. 7, №. 3–4. pp. 2002–2007.

32. Deryabin V. S. Epilogue [Epilog]. *Folia Otorhinolaryngologiae Et Pathologiae Respiratoriae*, 2007, Vol. 13, №1– 4, pp. 143–148.

33. Deryabin V. S. Problems and Opportunities of Psychotechnique in Military Affairs [Zadachi i vozmozhnosti psihotehniki v voennom dele]. *Psihofarmakologiya i biologicheskaya narkologiya* (Psychopharmacology and Biological Narcology), 2009, Vol. 9, №. 3–4, pp. 2598–2604.

34. Deryabin V. S. On the Needs and Psychology of Classes (O. N. Zabrodin's Publication) [O potrebnostyakh i klassovoy psikhologii (Publikatsiya O. N. Zabrodina)]. *Filosofiya i gumanitarnye nauki v informatsionnom obschestve* (Philosophy and Humanities in Information Society), 2013, № 1, pp. 110–137. Available at: <http://fikio.ru/?p=313> (accessed 31 May 2015).

35. Deryabin V. S. About Some Laws of Dialectical Materialism in Psychology [O nekotorykh zakonakh dialekticheskogo materializma v psikhologii]. *Filosofiya i gumanitarnye nauki v informacionnom obshchestve* (Philosophy and Humanities in Information Society), 2014, № 2(4) pp 87–119. Available at: <http://fikio.ru/?p=1055> (accessed 31 May 2015).

36. Deryabin V. S. Emotions Provoked by the Social Environment [Emotsii, porozhdaemye sotsialnoy sredoy]. *Filosofiya i gumanitarnye nauki v informatsionnom obschestve* (Philosophy and Humanities in Information Society), 2014, № 3, pp.115–146. Available at: <http://fikio.ru/?p=1203> (accessed 31 May 2015).

37. Deryabin V. S., Sumbaev I. S. Delirium of Possession and Somatic Sensations [Bred oderzhimosti i somaticheskie oshhushheniya]. *Trydy vostochno-sibirskogo medicinskogo instituta*. (Proceedings of the East Siberian Medical Institute), 1935, №. 3, pp. 176–184.

38. Zabrodin O. N. V. S. Deryabin's Memories of I. P. Pavlov. Experience of the Psycho-Physiological Analysis of the Creative Person of the Scientist [Vospominaniya V. S. Deryabina ob I. P. Pavlove. Opyt psikhofiziologicheskogo analiza tvorcheskoy lichnosti uchenogo]. *Fiziologicheskii zhurnal imeni I. M. Sechenova* (Sechenov's Physiological Journal), 1994, Vol. 80, № 8, pp. 139–143.

39. Zabrodin O. N. The Contribution of V. S. Deryabin to the Research of Mental Violations of Patients with Epidemic Encephalitis [Vklad V. S. Deryabina v issledovanie psichicheskikh narusheniy u bolnykh epidemicheskim encefalitom]. *Zhurnal nevrologii i psikiatrii imeni S. S. Korsakova* (Korsakov's Journal of Neurology and Psychiatry), 2012, Vol. 112, № 3, pp. 72–75.

40. Zabrodin O. N. Three Letters from the 44-th. Echoes of the Past [Tri pisma iz 44-go. Otvuki proshlogo]. *Folia Otorhinolaryngologiae Et Pathologiae Respiratoriae*, 2012, Vol. 18, № 3, C. 68–73.

41. Zabrodin O. N. By His Eyes [Ego glazami]. *Folia Otorhinolaryngologiae Et Pathologiae Respiratoriae*, 2015, Vol. 21, № 1, C. 45–62.

42. Zabrodin O. N., Deryabin L. N. About V. S. Deryabin's Life and Scientific Works (To the 120 Anniversary Since Birth) [O zhizni i nauchnykh trudakh

V. S. Deryabina (K 120–letiyu so dnya rozhdeniya)]. *Zhurnal evolytsyonnoy biohimii i fiziologii* (Journal. of Evolutionary Biochemistry and Physiology), 1998, Vol. 34, № 1, pp.122–128.

43. Zaborodin O. N., Deryabin L. N. V. S. Deryabin – a Follower and Successor of I. P. Pavlov [V. S. Deryabin – uchenik i prodolzhatel dela I. P. Pavlova]. *Rossiyskiy mediko-biologicheskiy vestnik imeni akademika I. P. Pavlova* (I. P. Pavlov Russian Medical Biological Herald), 2003, № 1–2, pp. 200–207.

44. Ivanov-Smolenskiy A. G. The Ways of Interaction of Experimental and Clinical Pathophysiology of a Brain [*Puti vzaimodeystviya eksperimentalnoy i klinicheskoy patofiziologii golovnogogo mozga*]. Moscow, Medicina, 1965. 495 p.

45. Kvasov D. G., Fedorova-Grot A. K. I. P. Pavlov's Physiological School [*Fiziologicheskaya shkola I. P. Pavlova*]. Leningrad. Nauka, 1967. 300 p.

46. Krasik E. D., Potapov A. I., Minevich V. B. Essays on the History of Development of Psychiatric Services in Tomsk Oblast [*Ocherki istorii razvitiya psikhiatricheskoy sluzhby v Tomskoy oblasti*]. Tomsk, Izdatelstvo Tomskogo Universiteta, 1980, 132 p.

47. Kupchenko V. P. Freedom-Loving Youth of the Poet: M. A. Voloshin in the Student Movement [Volnolyubivaya yunost poyeta: M. A. Voloshin v studencheskom dvizhenii]. *Novyy mir* (New World), 1981, № 12. pp. 216–223.

48. Megrabyan A. A. Common Psychopathology [*Obschaya Psihopatologiya*]. Moscow, Medicina, 1940, 286 p.

49. Milovzorova S. A. Development of Psychiatric Care in Eastern Siberia in the Soviet Period [Razvitie psikhiatricheskoy pomoschi v Vostochnoy Sibiri v sovetskoe vremya]. *Zhurnal nevropatologii i psikiatrii im. S. S. Korsakova* (S. S. Korsakov's Journal of Neuropathology and Psychiatry), 1986, Vol. 86, № 6, pp. 928–930.

50. Olshansky D. V. Review of the V. S. Deryabin's Book "Personality Psychology and Higher Nervous Activity". *Zhurnal nevropatologii i psikiatrii im. S. S. Korsakova* (S. S. Korsakov's Journal of Neuropathology and Psychiatry), 1983, №. 4, pp. 618–620.

51. Sumbaev I. S. *On the Influence of Pharmacological Substances and Hypnosis on Some Mental Phenomena of Insane People*. [O vliyaniy farmakologicheskikh veshchestv i gipnoza na nekotorye psikhicheskie yavleniya u dushevnobolnykh. Dissertatsiya na soiskanie uchenoy stepeni doktora meditsinskikh nauk]. Thesis for the Ph. D. Degree (Medicine), Leningrad, 1939.

52. Ukhtomskiy A. A. Principle of a Dominant [Printsip dominanty]. *Sobranie sochineniy, T. 1* (Collected Works, Vol. 1). Leningrad, Izdatelstvo LGU, 1950, pp. 197–201.

53. Deryabin V. S. To the Knowledge of the Malignant Adrenal Tumor. Thesis. [*Zur Kenntnis der malignen Nebennierentumoren. Dissertation*]. Munich, 1908, 76 p.

Указатель содержания журнала «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе» за 2015 год

Отечественный консерватизм и неоконсерватизм: общее и особенное <i>М. А. Арефьев, А. Г. Давыденкова, И. Д. Осипов</i>	№ 1(7)	26–36
Измерения как способ понимания языка музыки. Особенности экспериментального исследования <i>Ю. В. Бакшеева, К. В. Сапожникова, Р. Е. Тайманов</i>	№ 4(10)	39–53
Язык и музыка: параллели и взаимодействия <i>Н. А. Бергер</i>	№ 4(10)	26–38
Правовая динамика в контексте становления информационного общества: от экологического к ноосферному праву <i>Е. А. Бородин</i>	№ 2(8)	14–23
К проблеме адекватности современного образа науки <i>И. И. Булычев</i>	№ 1(7)	37–44
Проблемы философии техники в творчестве Э. В. Ильенкова <i>М. Л. Бурова</i>	№ 3(9)	54–63
«Параллельным курсом»: Актуальные проблемы информационного общества в программных статьях российских междисциплинарных научных журналов <i>А. Ю. Внутских</i>	№ 1(7)	12–25
Классификационная схема философии в XXI веке <i>В. В. Домаков</i>	№ 3(9)	64–75
Комментарий к статье В. Е. Львова «Гамов встречается с Бухариным». Об авторе и его статье <i>О. Н. Забродин</i>	№ 1(7)	93–95
О жизненном и научном пути В. С. Дерябина (к 140-летию со дня рождения) <i>О. Н. Забродин</i>	№ 4(10)	84–114
Социопсихофизиологический анализ сознания и самосознания в работах В. С. Дерябина «О сознании» и «О Я» <i>О. Н. Забродин</i>	№ 3(9)	24–45
Социопсихофизиологический анализ счастья в работе В. С. Дерябина «О счастье» <i>О. Н. Забродин</i>	№ 2(8)	86–102
Системный анализ астрофизических структур <i>М. Б. Игнатьев</i>	№ 3(9)	76–84
System Analysis of Astrophysical Structures <i>М. В. Ignatyev</i>	№ 3(9)	85–91

Феномен созерцательной лирики в творчестве Бетховена как музыкальное претворение имплицитного трансцендентного знания <i>Л. С. Климентова</i>	№ 2(8)	65–76
Народное предприятие как росток обновленного социализма (инициативный «Круглый стол» в Санкт-Петербурге) <i>В. Д. Комаров, Е. М. Черкасова</i>	№ 2(8)	121–138
Образец воинствующего экзистенциализма в трудах профессоров философского факультета Ленинградского государственного университета <i>В. Д. Комаров</i>	№ 3(9)	13–23
Взаимосвязи: пространственные и временные репрезентации в образе и звуке (на английском языке) <i>А. Кошкин</i>	№ 4(10)	54–61
Актуальное искусство в информационном обществе: феномен стрит-арт <i>Т. А. Кузина</i>	№ 1(7)	86–92
Единство научной и образовательной миссии классического университета: российская специфика <i>О. Б. Куликова</i>	№ 1(7)	45–56
Гамов встречается с Бухариным. Малоизвестная страница истории науки <i>В. Е. Львов (публикация О. Н. Забродина)</i>	№ 1(7)	96–105
«Экзистенциальная ирония» в субкультуре и «другой музыке»: язык, значение и сакрализация (на английском языке) <i>И. Матрас (Израиль)</i>	№ 2(8)	24–37
От редакции. Конференция «Разработка проблем научной философии в Санкт-Петербурге и в России во второй половине XX века». <i>С. В. Орлов</i>	№ 3(9)	10–12
Гегелевский принцип противоречия в советской традиции диалектического материализма <i>И. А. Протопопов</i>	№ 3(9)	46–53
Фразеологические единицы в романе Т. Драйзера «Американская трагедия» <i>А. О. Смирнова</i>	№ 4(10)	76–83
«Не так складось, як ждалось»: Украинский государственный театр в Ленинграде (из истории советской культурной политики) <i>Т. М. Смирнова</i>	№ 1(7)	57–85
«Театр тайги и тундры» – встреча двух миров <i>Т. М. Смирнова</i>	№ 4(10)	12–25

Драматургия музыкального цикла как отражение взаимодействия Музыки и Слова (на примере «Шести стихотворений для голоса с фортепиано» op. 38 Сергея Рахманинова) <i>Е. А. Спист</i>	№ 2(8)	77–85
М. И. Скаржинский как «зеркало» трагедии отечественной экономической науки в пространстве рыночно-капиталистического реванша <i>А. И. Субетто</i>	№ 2(8)	103–120
Анализ звука в задачах музыкальной науки: успехи и трудности перевода <i>А. В. Харуто</i>	№ 2(8)	38–53
Лингво-музыкальный аспект композиторской практики в свете авторологической парадигмы <i>К. О. Чепеленко</i>	№ 2(8)	54–64
Современные технологии в обучении немецкой грамматике: алгоритмический подход <i>В. А. Ямианова</i>	№ 4(10)	62–75

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Требования к оформлению статей

Журнал оформляется в соответствии с требованиями ВАК к ведущим научным изданиям и с требованиями крупнейшей зарубежной базы данных SCOPUS. Аналитическая база данных SCOPUS позволяет наладить обмен информацией между ведущими научными журналами мира, вычислять индекс цитирования учёных. Более подробная информация о её требованиях приводится ниже.

1) Редакция рецензируемого научного сетевого журнала «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе» принимает материалы объёмом, как правило, до 80 000 знаков (2 а. л.). Материалы, размещённые в электронном журнале, считаются опубликованными и являются объектами авторского права. При повторном опубликовании материалов в других изданиях ссылка на журнал «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе» обязательна. Все материалы, представленные для публикации в Журнале, подлежат рецензированию. Рецензирование может осуществляться в двух формах: внешнее (сопроводительная рецензия-рекомендация к материалу, представленному для публикации в Журнале) и внутреннее (организуется Редакционной коллегией Журнала). Внешнее рецензирование является обязательным для материалов, представленных аспирантами или соискателями учёной степени кандидата наук; к таким материалам должен прилагаться отсканированный отзыв-рекомендация научного руководителя, заверенный подписью и печатью организации. Статьи аспирантов принимаются, как правило, в соавторстве с научным руководителем, в таком случае внешняя рецензия не требуется. Внутреннее рецензирование осуществляется в течение двух недель с момента получения статьи. Подписанный рецензентом и заверенный печатью оригинал рецензии хранится в редакции три года; автору рецензируемых материалов по его запросу предоставляется возможность ознакомиться с текстом рецензии.

Плата за публикации с авторов не взимается. Авторское вознаграждение не выплачивается. Точка зрения членов редакционной коллегии может не совпадать с точкой зрения авторов статей.

2) Основной текст:

- формат листа – А4, ориентация – книжная
- формат файла – doc или rtf
- шрифт – Times New Roman
- масштаб – 100%
- интервал – обычный
- смещение – нет

- отступы от полей – 0 см
- междустрочные интервалы перед и после абзаца – 0 пт
- междустрочный интервал – одинарный
- размер шрифта – 14 пт
- поля – по 2,0 см со всех сторон
- абзацный отступ – 1,0 см

3) Перед статьёй указываются:

Сначала слева пишется индекс УДК. Ниже приводится заголовок (размер шрифта 16, полужирный, выравнивание по центру). Точка в конце заголовка не ставится. Ниже слева – ФИО авторов полностью. Далее для каждого автора: полное название организации, место работы в именительном падеже, должность, учёная степень, звание. Ниже справа указываются электронная почта, ниже – служебный почтовый адрес (с указанием страны и города) и телефон для контактов с авторами статьи (можно один на всех). Далее приводятся авторское резюме (обычно 100–250 слов – подробнее см. пункт 7) и ключевые слова, разделяющиеся точкой с запятой. Вся эта информация, кроме УДК, приводится сначала на русском, потом – на английском языках.

4) Примечания оформляются в виде постраничных сносок 10 шрифтом.

5) Список литературы в конце статьи оформляется в двух вариантах: русском и английском. Русский вариант должен быть выполнен в алфавитном порядке в соответствии с ГОСТ 7.1 – 2003. Английский вариант должен быть выполнен в соответствии с иностранным стандартом, принимаемым аналитической базой данных SCOPUS.

При оформлении списка литературы следует обратить внимание на некоторые особенности. Необходимо указывать всех авторов издания, не ограничиваясь тремя или четырьмя, для того, чтобы они все учитывались в аналитической системе. Запятая между фамилией автора и инициалами не ставится. В английском варианте списка литературы для разделения информации должны использоваться только знаки «.» и «,». Знаки «:», «–», «/», «//» не применяются.

При написании названия русской книги, статьи, журнала, конференции и т. п. на английском языке желательно использовать общепринятый перевод, если таковой существует (например, роман Н. Г. Чернышевского в английском переводе называется «What Is to Be Done?», а не «What to Do?»). Использование сокращений нежелательно (например, правильное написать не «J Clin Endocrinol», а «Journal of Clinical Endocrinology & Metabolism»). Пожалуйста, сверяйтесь с официальными сайтами конференций, РИНЦ, англоязычной Википедией и другими источниками, которые могут содержать англоязычные названия.

Помните, что в любом случае, даже если у Вас возникает вопрос по оформлению документа, например, потому что он не подходит ни под один из рассмотренных ниже вариантов, главное, что должно быть понятно

иностранному читателю, не знакомому с русским языком, – это авторы и источник. Транслитерация обязательно должна сопровождаться переводом.

Правила транслитерации для оформления списка литературы:

а	б	в	г	д	е	ё	ж	з	и	й	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ъ	ы	ь	э	ю	я
a	b	v	g	d	e	e	zh	z	i	y	k	l	m	n	o	p	r	s	t	u	f	kh	ts	ch	sh	sch		y		e	yu	ya

Для помощи в транслитерации можно воспользоваться сайтом www.translit.net, в окошечке в верхнем правом углу ввести число 45848 и нажать кнопку «Загрузить настройки» (при переходе по гиперссылке с сайта нашего журнала или с pdf-версии номера эти настройки загружаются автоматически), ввести в основное окно текст на русском языке, нажать на кнопку «В транслит» и получить необходимый текст.

Русские имена можно транслитерировать либо по приведённым правилам (например, «Ivanov», «Orlov»), либо по другим, если их иное написание является более распространённым и встречается в англоязычных источниках или документах автора (например, «Sergei» вместо «Sergey», «Ignatyev» вместо «Ignatev»). Иностранные фамилии должны писаться в общепринятой европейской форме (например, «Agazzi», а не «Agatstsi», «Marx», а не «Marks»).

Обратите внимание, что по правилам русского языка в заголовках только первое слово пишется с заглавной буквы, а по правилам английского языка с заглавной буквы пишутся все значащие слова (то есть все слова, кроме артиклей, сочинительных союзов, коротких предлогов и частиц).

При составлении списка литературы желательно не пользоваться автоматической нумерацией, а проставлять цифры вручную.

Шаблон для описания книги в русском варианте:

Имена авторов (если присутствуют в описании). Название книги. – Город: Издательство, год. – количество страниц.

Примеры:

Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. – М.: Academia, 1999. – 956 с.

Орлов В. В., Васильева Т. С. Философия экономики. – Пермь: Издательство Пермского университета, 2005. – 264 с.

Соединение достижений НТР с преимуществами социализма. – М.: Мысль, 1977. – 190 с.

Шаблон для описания книги в английском варианте:

Имена авторов (если присутствуют в описании). Название книги на английском языке [*Транслитерированное название книги курсивом*]. Город, Издательство, год, страницы.

Примеры:

Bell D. The Coming of Post-industrial Society: A Venture of Social Forecasting [*Gryadushee postindustrialnoe obshchestvo. Opyt sotsialnogo prognozirovaniya*]. Moscow, Academia, 1999, 956 p.

Connection of Achievements of a Scientific and Technological Revolution with the Advantages of Socialism [*Soedinenie dostizheniy NTR s preimuschestvami sotsializma*]. Moscow, Mysl, 1977, 190 p.

Orlov V. V., Vasileva T. S. Philosophy of Economics [*Filosofiya ekonomiki*]. Perm, Izdatelstvo Permskogo universiteta, 2005, 264 p.

Шаблон для описания главы из книги или книги из собрания сочинений в английском варианте:

Имена авторов. Название книги или главы на английском языке [Транслитерированное название книги]. *Транслитерированное название собрания сочинений или книги курсивом* (Название собрания сочинений или книги). Город, Издательство, год, страницы.

Примеры:

Leybnits G. V. Monadology [Monadologiya]. *Sochineniya, Tom 1* (Works, Vol. 1). Moscow, Mysl, 1982, 636 p.

Marx K. A Contribution to the Critique of Political Economy [K kritike politicheskoy ekonomii]. *Sochineniya, T. 13* (Works, Vol. 13). Moscow, Izdatelstvo politicheskoy literatury, 1960, pp. 1–784.

Pavlov I. P. Physiology and pathology of Higher Nervous Activity. Twenty-Year Experience of Objective Studying of Higher Nervous Activity of Animals [Fiziologiya i patologiya vysshey nervnoy deyatel'nosti. Dvadsatiletniy opyt obektivnogo izucheniya vysshey nervnoy deyatel'nosti (povedeniya) zhivotnykh]. *Polnoe sobranie sochineniy, T. III. Kn. 2* (Complete Works, vol. III, book 2). Moscow – Leningrad, Izdatelstvo AN SSSR, 1951, pp. 383–408.

Ukhtomskiy A. A. Principle of a Dominant [Printsip dominanty]. *Sobranie sochineniy, T. 1* (Collected Works, vol. 1). Leningrad, Izdatelstvo LGU, 1950, pp. 197–201.

Шаблон для описания статьи из журнала в русском варианте:

Имена авторов. Название статьи // Название журнала. – год. – номер. – страницы статьи.

Пример:

Агацци Э. Идея общества, основанного на знаниях // Вопросы философии. – 2012. – № 10. – С. 3–19.

Шаблон для описания статьи из журнала в английском варианте:

Имена авторов. Название статьи на английском языке [Транслитерированное название статьи]. *Транслитерированное название журнала курсивом* (Название журнала на английском языке), год, номер, страницы.

Пример:

Agazzi E. The Idea of a Knowledge-Based Society [Ideya obshchestva, osnovannogo na znaniyakh]. *Voprosy filosofii* (Questions of Philosophy), 2012, № 10, pp. 3–19.

Шаблон для описания материалов конференции в русском варианте:

Имена авторов. Название выступления // Название конференции. – Город. – год. – страницы.

Примеры:

Пигров К. С. Материализм в современной российской философии как нравственная проблема // Проблемы материализма в социальной философии: Сборник статей, посвященный 70-летию профессора СПбГУ П. Н. Хмылева / отв. ред. В. М. Лукин. – СПб. – 2008. – С. 109–116.

Игнатьев М. Б., Пинигин Г. И. Астрономия с лунной базы // Международная научная конференция «Применение ПЗС-методов для исследования солнечной системы». – Николаев. – 2003. – С. 98–106.

Шаблон для описания материалов конференции в английском варианте:

Имена авторов. Название выступления на английском языке [Транслитерированное название выступления]. *Транслитерированное название конференции курсивом* (Название конференции на английском языке). Город, Издательство, год, страницы.

Примеры:

Pigrov K. S. Materialism as a Moral Issue in Modern Russian Philosophy [Materializm v sovremennoy rossiyskoy filosofii kak нравstvennaya problema]. *Problemy materializma v sotsialnoy filosofii: Sbornik statey, posvyaschennyy 70-letiyu professora SPbGU P. N. Khmyleva* (Problems of Materialism in Social Philosophy: Collected Articles Dedicated to 70th Anniversary of professor SPSU P. N. Khmylev). Saint Petersburg, 2008, pp. 109–116.

Ignatyev M. B., Pinigin G. I. Astronomy from the Moonbase [Astronomiya s lunnoy bazy]. *Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya «Primenenie PZS-metodov dlya issledovaniya solnechnoy sistemy»* (Proceedings of International Scientific Conference “Application of CCD-Methods for the Solar System Exploration”). Nikolaev, 2003, pp. 98–106.

Шаблон для описания Интернет-ресурса в русском варианте:

Название страницы // Название сайта – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: адрес сайта (дата обращения).

Пример:

«Война» в шорт-листе «Инновации»: Минкульт хочет дать премию, МВД гноит в тюрьме // Сайт «Свободная Война» в поддержку арестованных Олега Воротникова и Лёни Николаева – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://free-voina.org/post/3289581310> (дата обращения 10.07.2013).

Шаблон для описания Интернет-ресурса в английском варианте:

Название статьи на английском языке [Транслитерированное название статьи курсивом]. Available at: адрес сайта (accessed дата последнего посещения сайта).

Пример:

Voina in the Short-list “Innovations”: Ministry of Culture Wants to Give an Award, Ministry of Internal Affairs Leaves to Rot in Prison [*Voyna v short-liste «Innovatsii»: Minkult khochet dat premiyu, MVD gnoit v tyurme*]. Available at: <http://free-voina.org/post/3289581310> (accessed 10 July 2013).

Если статья имеет идентификатор DOI, то он пишется в самом конце.

Пример:

Bard P. On Emotional Expression After Decortications With Some Remarks on Certain Theoretical Views. *Psychological Review*, 1934, Vol. 41, p. 309. DOI: 10.1037/h0070765.

Для англоязычных источников данные пишутся только на английском языке без всяких скобок.

Пример:

Head H., Holmes G. Sensory Disturbances from Cerebral Lesions. *Brain*, 1911–1912, vol. 34, p. 102.

Для источников на других языках данные пишутся на английском языке и языке оригинала.

Пример:

Goltz F. The Dog Without a Cerebrum: Seventh Treatise on the Functions of the Cerebrum [Der Hund ohne Grosshirn. Siebente Abhandlung über die Verrichtungen des Grosshirns]. *Archiv für die gesamte Physiologie* (Archives of All Physiology). 1892, Bd. 51, № 11–12, pp. 570–614.

Для статей, имеющих в списке литературы только англоязычные источники, делать русскоязычный список литературы не имеет смысла. То есть вне зависимости от того, на каком языке статья сделана, если все источники являются иностранными, то список литературы делается один в соответствии с правилами оформления английского варианта списка литературы. Если же присутствуют русскоязычные источники, то статья на русском языке должна иметь 2 списка литературы, а статья на английском – один.

6) Ссылки в тексте на цитируемые работы (порядковый номер в списке литературы и при необходимости номер страницы) размещаются в квадратных скобках: [1], [2, с. 51] (для статьи на английском [2, p. 51]).

7) Требования к авторскому резюме (abstract) достаточно сильно отличаются от правил и традиций составления авторских резюме для российских изданий. Поскольку авторские резюме на английском языке в русскоязычном издании являются для иностранных учёных основным или даже единственным источником информации о содержании статьи, то их объём недопустимо сводить к 3 – 5 строкам. По аннотации зарубежные специалисты оценивают публикацию, определяют свой интерес к ней, могут сделать на неё ссылку, запросить перевод полного текста и т. п. Аннотация на английском

языке не должна просто полностью повторять текст аннотации на русском, так как за русскоязычной следует полный текст на этом же языке. Аннотацию на английском следует делать подробнее и больше по объему, она должна способствовать раскрытию содержания и сути исследования

Авторские резюме должны быть:

- информативными (не содержать общих слов);
- оригинальными (не повторять дословно русскоязычную аннотацию);
- содержательными (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированными (следовать логике описания результатов в статье);
- написанными качественным английским языком;
- имеющими объём примерно от 100 до 250 слов (возможно до 500 слов).

Наиболее распространённый способ составления аннотаций – краткое повторение в них структуры статьи, включающей введение, цели и задачи, методы, результаты, заключение.

Авторское резюме в наиболее полном варианте включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, тему, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов;
- выводы.

Последовательность описания содержания статьи можно изменить, начав с изложения результатов работы и выводов.

Следует обратить внимание на то, что структура и тематические рубрики авторского резюме не заданы жестко и однозначно, они могут меняться в зависимости от содержания статьи. Так, предмет, тема, цель работы указываются только тогда, когда они не ясны из заглавия статьи. Метод и методологию проведения работы целесообразно описывать в том случае, если они отличаются новизной или представляют специальный интерес с точки зрения содержания данной статьи.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье. Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не повторяются в тексте реферата. Следует избегать лишних вводных фраз (например: «автор статьи рассматривает...»). Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в резюме не приводятся.

В тексте резюме следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций, не используемых в научном английском языке. Следует, например, использовать активный, а не пассивный залог: “The study tested”, а не “It was tested in the study”.

В тексте реферата на английском языке следует применять терминологию, характерную для иностранных специальных текстов. Рекомендуется избегать

употребления терминов, являющихся прямой «калькой» с русскоязычных терминов. Необходимо соблюдать единство терминологии в пределах резюме, применять значимые слова из текста статьи.

Рекомендации по составлению авторского резюме подготовлены на основе методической разработки кандидата технических наук О. В. Кирилловой, заведующей отделением ВИНТИ РАН, члена Экспертного совета (CSAB) базы данных SCOPUS «Подготовка российских журналов для зарубежной аналитической базы данных SCOPUS: рекомендации и комментарии». <http://www.elsevierscience.ru/files/add-journal-to-scopus-2013.pdf>.

Пример оформления авторского резюме и списка ключевых слов

Философия информационного общества: новые идеи и проблемы

Авторское резюме

Состояние вопроса: В теории постиндустриального (информационного) общества широко распространена трактовка его как формирующегося общества знаний, в котором физический труд вытесняется умственным. Главным видом труда становится обработка информации, которая считается нематериальным ресурсом.

Результаты: Труд в сфере информационных технологий – преимущественно не физический и не умственный, а материальный всеобщий труд (термин К. Маркса). Всеобщий труд направлен на создание абстрактных материальных структур и виртуальной реальности – особой формы материи, строящейся как бы на матрице духовных процессов и приобретающей наибольшее сходство с идеальными явлениями. Особые свойства этой формы материи – «квазиидеальность» и «квазисубъективность» – внешне напоминают главные свойства духовных явлений – идеальность и субъективность.

Область применения результатов: Предложен подход к концепции информационного общества, требующий ее построения с учетом переосмысления фундаментальных понятий материального и духовного, проведенного на основе анализа виртуальной реальности и трудовой деятельности в сфере информационных технологий.

Выводы: Формирование информационного общества связано не с вытеснением духовным (знаниями) материального (физического труда), а с созданием человеком нового класса искусственных материальных явлений (виртуальной реальности), взаимодействующих с идеальным, духовным, тоньше и сложнее, чем взаимодействовали с ним все ранее возникшие формы материи.

Ключевые слова: информационное общество; всеобщий труд; материальное и идеальное; абстрактные материальные структуры; квазиидеальность и квазисубъективность.

The Philosophy of the Information Society: New Ideas and Problems

Abstract

Background: The information society is often thought to be a forming society of knowledge, in which manual labor is being replaced by intellectual labor. The treatment of information, which is supposed to be a non-material resource, becomes the main type of a labor-process.

Results: Labor in information technologies is mainly material universal labor (the term of K. Marx), but not manual or intellectual labor in the traditional sense. Universal labor is directed towards creation of so-called abstract material structures and virtual reality – a new special form of matter put on the matrix of spiritual processes which acquires a close resemblance with the ideal processes. Special qualities of this form of matter may be called “quasi-ideality” and “quasi-subjectivity”. They resemble outwardly the main qualities of spiritual events – ideality and subjectivity.

Research implications: The present study provides an approach to the theory of the information society which is based on re-interpretation of the conceptions of material and ideal carried out with the help of analysis of virtual reality and a labor-process in the sphere of information technologies.

Conclusion: The forming of the information society doesn't mean only supplanting of material factors (manual labor) by ideal (knowledge). It is expressed in creating by man of a new type of artificial material objects (virtual reality), which communicates with spiritual, ideal reality in more delicate and complicated way than any other forms of matter could.

Keywords: information society; universal labor; material and ideal; abstract material structures; quasi-ideality and quasi-subjectivity.

8) Все формулы и обозначения из формул в тексте должны быть набраны в редакторе Microsoft Equation.

9) Все схемы, рисунки и т. п. должны быть вставлены в текст как отдельный файл, делать рисунки средствами Microsoft Word недопустимо. Желательно эти рисунки также прикреплять к письму отдельными файлами.

10) Необходимо обращать внимание на различие между дефисом (ставится внутри слов, всегда без пробелов, например, «сине-зелёный»; выглядит коротко) и тире (ставится между словами, обозначениями и т. п., например, «с. 45–48»; выглядит длинно). Тире между цифрами ставится без пробелов, в любом другом случае перед и после тире должны стоять пробелы (например, «1950–1960 годы», «движение – жизнь»). Также необходимо обращать внимание, что между инициалами, в сокращениях и в других случаях, когда несколько слов или символов неразрывно связаны друг с другом, между ними ставится неразрывный пробел, который сохраняет соседние слова на одной

строчке и не делает большое расстояние между ними при выравнивании по ширине (ctrl+shift+пробел; например, «и т. п.», «№ 8», «Ph. D.» «А. А. Иванов»).

11) Статьи принимаются на русском или английском языках. Возможна публикация статьи на двух языках.

12) Все материалы принимаются в электронном виде по электронной почте fikio@rambler.ru. В письме необходимо указать, для какого раздела журнала предназначена статья (философия, культурология, социология, психология, педагогика, политология, история, филология).

13) Периодичность выпуска журнала – 4 раза в год.

Рукописи, оформленные без учёта перечисленных выше требований, к публикации не принимаются.

Образец оформления статьи

УДК 111

Название статьи

Иванов Иван Петрович – федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения», кафедра философии и культурологи, доцент, кандидат философских наук, доцент.

E-mail: ivanovip@aanet.ru.

Иванов Пётр Иванович – федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения», кафедра философии и культурологи, аспирант.

E-mail: ivanovpi@aanet.ru.

196135, Россия, Санкт-Петербург, ул. Гастелло, д. 15,
телефон: +7 (812) 708-42-13.

Авторское резюме

Текст резюме 100–250 слов.

Ключевые слова: слово один; слово два (до 12 слов).

Title

Ivanov Ivan Petrovich – Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Department of Philosophy and Theory of Culture, associate professor, Ph. D. (philosophy).

E-mail: ivanovip@aanet.ru.

Ivanov Petr Ivanovich – Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Department of Philosophy and Theory of Culture, post-graduate student.

E-mail: ivanovpi@aanet.ru.

196135, Russia, Saint Petersburg, Gastello st., 15,
phone number: +7 (812) 708-42-13.

Abstract

Text of abstract (100–250 words).

Keywords: word number one; word number two (up to 12 words).

Текст статьи.....

Список литературы

1. ...
2. ...

References

1. ...
2. ...

Философия и гуманитарные науки в информационном обществе

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
ЭЛ №ФС77-54191.

ISSN 2309-6888

Журнал входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

www.fikio.ru

16+

Контакты редакции

Адрес: 196135, Санкт-Петербург, ул. Гастелло, д.15, ауд.14-09.

Телефон: 8 (812) 708-42-13

E-mail: fikio@rambler.ru

Учредитель – федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения».

© «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе», 2015.